

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

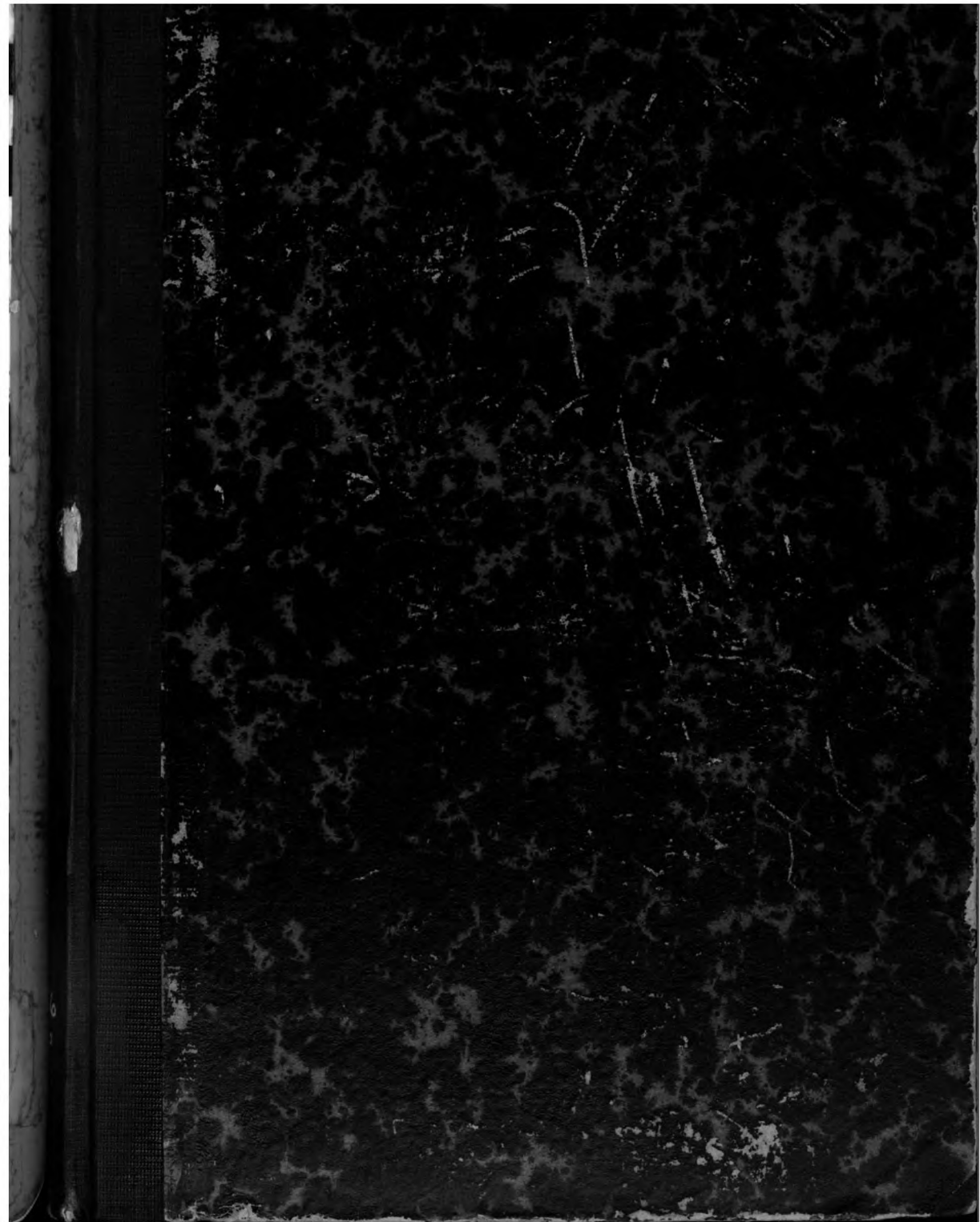
Мы также просим Вас:

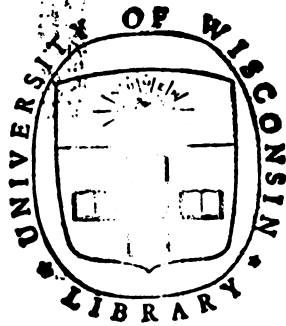
- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

9841
УКРАИНСКІЯ

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

ИЗДАНИЕ

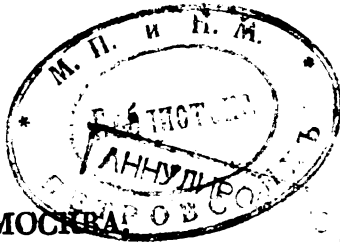
МАКСИМОВИЧ
МИХАИЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

2
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

5072
КНИГА I. Украинскія Дулы.

КНИГА II. Пѣсни Козацкія былевья.

КНИГА III. Пѣсни Козацкія бытовья.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛИТСЯ

съ штъмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ при възвѣщаніи. Москва. Марта 23 го дня 1834
года.

*Ординарный Профессоръ, Ценсоръ, Коллежскій
Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.*

(Цѣна 5 руб.)

PG
3926
+ M26

11

— ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наступило, кажется, то время, когда познающъ истинную цѣну народности; начинаешь уже сбываться желаніе — да создастся Поэзія истинно Русская! Лучшие наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменные; но, поелко средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытней Поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и поелко изрѣдка сквозь нихъ пробивалась.

Въ семъ отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движима чувствомъ, и сказки, гдѣ описывается фантазія народная.

Этими словами начинается мое Предисловіе къ Собранію *Малороссійскихъ пѣсенъ и сказокъ*. Оно мною въ 1827 году. Въ немъ помещено не только то, что просеяно; но я имѣлъ удовольствіе видѣть полный успѣхъ онаго, оправданіе и распространеніе нѣкоторыхъ тамъ высказанныхъ мыслей и замечаній моихъ о языкѣ и пѣсняхъ Малороссійскихъ.

Въ теченіе семи лѣтъ я продолжалъ печатаніе Собранія: и оно теперь простирается уже до 47 тысячъ пѣсенъ и отрывковъ, и современемъ безъ сомнѣнія можетъ быть удвоено, ибо это предметъ неисощимый. Настоящій богатствомъ мое Собраніе обязано участію въ трудѣ моемъ Князя П. П. Чернышева, первого издате-

ля Украинскихъ *Дуць*, *М. В. Говалъ* — новаго историка Малороссіи и автора Вечеровъ на хуторъ близъ Диканьки, *И. И. Срезневскаго* — издашеля Запорожской Спарины, *А. Г. Шпигоцкаго* — переводчика Валленрода, почтеннаго *И. В. Крамаренка*, *О. М. Бодянскаго* и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, коимъ всѣмъ приношу мою благодарность. Кроме того я приобрѣлъ извѣстное Собраніе народныхъ пѣсенъ покойнаго *Э. Я. Ходаковскаго*, обильное пѣснями обрядными и особенно свадебными.

При такомъ множествѣ пѣсенъ, находящихся иногда у меня въ ящикъ и болѣе спискахъ, я имѣлъ возможность часто усматривать ясно тѣ измѣненія, какія происходили съ ними частію отъ долговременнаго и неправильнаго пѣнья оныхъ, частію и отъ изобрѣшательности самихъ пѣвцовъ и пѣвицъ: такимъ образомъ я могъ предсказать очень многія пѣсни въ исправнѣйшемъ видѣ.

Предлагаю просвѣщенному вниманію читателю Первую Часть моего новаго Собранія, менѣе другихъ полную, но для многихъ можетъ быть самую занимательную; ибо въ ней помѣщены *Дули* Украинскихъ бандуржестовъ и пѣсни собственно-Козацкія, выражающія Козацкую жизнь, въ ея отношеніи къ общеповѣдному, Историческому быту, и отчужденіи отъ быта семейнаго, домашнего; первый мой видъ я называю *былевыми*, впрочемъ *бытовыми*.

Это надгробные памятники и вѣспѣ живые свидѣтели опытной спарины. Другіе народы въ память важныхъ происшествій своихъ, чеканящъ медали, по которымъ Исторія часто разгады-

V.

васть икнувшее: событія Козацкой жизни оплачались въ звонкія пѣсни, и потому онѣ должны соопавишь самую вѣрную и вразумительную Мѣлопись для новаго быблїоисателя Малороссїи.

Во II й часпи будупть помѣщены *пѣсни женскїя* — опголоски души спраспной, — выраженїя жизни, исполненной любви пламенной, нѣжной, но обреченной на поску, и только нѣрѣдка радцѣлюющей счастьемъ. Сюда же опношу ми пѣпѣсни, гдѣ Козакъ является подя господспвомъ женскаго чудсїя, въ быпу домашнеть.

Въ III й часпи собраны *пѣсои гулливыя*, въ коихъ господспвуетъ болѣе прихотливое и занѣйливое располженіе души, разгуль, каррикашура и и. п.

Въ IV й часпи помѣцаюцца всѣ *обрядныя пѣсои*, опносящїя къ праздеспвамъ и общеспвеннымъ занятїямъ домовитой жизни, и оплачающїя опть другихъ болѣею придуманноснїю, но восходящею до сиводической восторженноспи, но облакающею въ прелеспь идиллическаго простодушія.

Дѣленїе это довольно соопвѣтспвенно съ своимъ предметомъ; впротемъ оно только приблизительное, и я вовсе не думалъ вводить строгую и подробную классификацію въ этою гармоническій мїръ живой Поазїи народа. Благоуханнїе вѣчносвѣжіе цвѣпы ея пророспаютъ еквозь цементъ систематическихъ сводовъ и дружно переплетаются между собою.

Сколько могъ пеперь, я дѣлалъ поспспительнїя замѣчанїя къ Думами и пѣснями; къ нѣкопорымъ приложилъ переводъ; на всѣхъ словахъ спа-

VI

вилъ удареніе и ко многимъ изъ нихъ прибавлялъ объясненіе ихъ: впрочемъ общій *Словарь* и *Грамматика* Малороссійскаго языка будущъ изданы мною въ особомъ прибавленіи къ сему Собранію (*). Я хопѣлъ-было въ сей части изложитъ подробно свои мысли о характерѣ, складѣ иъсень, о языкѣ и правописаніи онаго; но долженъ оплохитъ это впредь, поспѣвая перемѣщеніемъ моимъ въ Кіевъ, гдѣ мои занятія будущъ посвящены преимущественно Опечетственной Словесности. Такимъ образомъ я буду имѣть возможность продолженіе моего труда исполнить съ бѣльшимъ успѣхомъ.

Чувствую живо красоту нашихъ народныхъ иъсенъ и ихъ важность въ настоящее время *народности*, находя, что ни у кого не была такъ богато развита *Поэзія народная*, какъ у Сѣверныхъ (**) и Южныхъ Руссовъ, и желая моимъ собраніемъ сколько можно полнѣе и совершеннѣе ошкрыть богатства *Поэзіи Украинской*, прошу всѣхъ

(*) Начатки *Малороссійскаго Словаря* (сравнительнаго съ другими Славянскими языками) находящаяся въ моемъ Сборникѣ, 1827. Крашкая *Грамматика* Малороссійскаго языка у насъ издана *Г. Павловскимъ* 1818. Въ 3 Но Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (1834) извѣщено объ изданіи двухъ Малороссійскихъ Грамматикъ Г-дами *Левичкимъ* и *Лозинскимъ*, 1833. — Въ Лембергѣ издано *Вацлавомъ* Собраніе Галицкихъ иъсенъ, коего однакоюжъ, къ сожалѣнію, я не получилъ еще: большая часть Галицкихъ иъсенъ не только сходны съ иъсами Украинскими, но многіа иъси даже оди и шже — въ слѣдствіе однородства, сказаннаго на стр. 68.

(**) *Д. В. Хиртевскій* собралъ уже Русскихъ народныхъ иъсенъ и стиховъ болѣе 1500. Ему обязаи я многими замѣчаніями о семъ предметѣ.

VII

Малороссіянь принявъ участіе въ этомъ дѣлѣ : ибо оно можетъ свершиться только общимъ содѣйствіемъ ; прошу всѣхъ , кто имѣетъ случай , доставлять мнѣ списки Украинскихъ пѣсень въ томъ самомъ видѣ , какъ онѣ поются въ народѣ , безъ перемѣнъ , пропусковъ и добавленій , съ пояснительными примѣчаніями о мѣстахъ , лицахъ и мало извѣстныхъ словахъ , какія могутъ иногда случиться въ пѣсняхъ , а кто можетъ , то и съ напѣвомъ . Списываю пѣсни лучше во время пѣнья , ибо пѣвцы и пѣвицы наши часто не умѣютъ хорошо пересказывать того , что умѣютъ вполне пропѣть . Всякая пѣсня , какого бы ни была содержанія , для меня любопытна и пригодна , и будетъ принята съ благодарностію ; но особенное вниманіе я желаю бы обратитъ на пополненіе сей первой части .

Голоса Украинскихъ пѣсень , поэтическія не менѣе словъ ихъ , составляютъ у меня особое изданіе . Первая тетрадь онаго , содержащая 25 пѣсень , (*) положенныхъ на ноты для пѣнья и фортепьяно *А. А. Алябьевымъ* , уже вышла въ свѣтъ .

М. М.

Москва , 21 Мая .

(*) Въ подтвержденіе сказаннаго мною прежде о нѣкоторыхъ чертахъ Кавказскихъ , встречающихся въ Украинѣ , кспаша замѣчу : 1) что напѣвъ *Веснянки* (№ 8) имѣетъ удивительное сходство съ напѣвомъ одной Черкесской пѣсни ; 2) напѣвъ известной пѣсни *Антонъ козу еде* , существуетъ у Нагайскихъ Ташаръ , которые подъ него пляшутъ или лучше сказавъ шолкуются на одномъ мѣстѣ , сдѣланнымъ въ дикую веремцу .

ЗАМѢЧАНІЯ О ПРАВОПИСАНІИ И СЛОВО- ПРОИЗНОШЕНІИ (*).

1) Въ Украинскомъ языкѣ любимый гласный звукъ еспѣ І, имѣющій два видоизмѣненія: 1) *острое*, какъ и въ Великорусскомъ языкѣ, на пр. въ словахъ: *мои*, *пивои*; 2) *мягкое*, болѣе горпанное, склоняющееся къ звуку Э. (*Твердаго* Великорусскаго ІІ въ Украинскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ.)

Буква И послѣ гласныхъ и буква Ъ всегда произносятся *остро*. Такимъ же образомъ часно произносятся и прочія гласныя буквы, и въ падежѣмъ случаѣ я, удерживая ихъ, отмѣчаю особымъ значкомъ (*паеркомъ* ^) — â, ê, î, î, ô, ŷ.

(*) Упопребляемое здѣсь правописаніе Малороссійское предложено мною въ 1827 году. Я спарался въ немъ соблюсти грамматическую правильность языка, согласить оную съ произношеніемъ, измѣнчивымъ по разнымъ мѣстнымъ нарѣчіямъ. Въ основаніе сего правописанія, по многимъ уваженіямъ принято: 1) *Правописаніе Библейское*, которое Малороссіяне читають сообразно своему выговору природному; 2) упопребительнѣйшій способъ писанія въ Малороссіи. — Нѣкоторымъ Малороссіянамъ мое правописаніе кажется слишкомъ книжнымъ и неудобнымъ для письма; я съ ними опчасши согласенъ въ эпоть, и думаю, что для домашняго обихода проситѣ *Слобожанскій* способъ писанія, по

IX

Въ остальныхъ случаяхъ буквы Ы, І, И (не означенныя *паеркомб*) произносятся какъ *мягкое І*.

Примѣры: мы ходили бышми шляхами; якій шы милый: въ ашихъ словахъ вездѣ одно *мягкое І*. (по Слободжанской методѣ писанія: мы ходылы бышмышляхамы.) — Моѳй кѳнѳнѳсъ вѳдсѣль край дороги мѣжъ камѣньями; ѳхъ конѳи дорогѳи; давка пѳшла за-мѳужъ, слѣзми обливается; у сына синѳй вѳсъ, (по Слободжанской методѣ должно бы писашъ: мѳй кнѳ нѳсъ видѳилъ крѳй дороги мѳжъ камнѳньямы; нѳх давка нѳшла за-мѳжъ, слѳзмы обливаетсѳця; у сына смѳнѳй нѳсъ.)

копорому, опбросивъ всякое словопроизведеніе, спараюпся писашъ, слѣдуя шолько одному выговору: пакъ на примѣръ, опбросивъ букву Ъ (вопреки всегдашнему употребленію оной Малороссіянами) для изображенія оспраго І употребляюпъ шолько И, І, а для мягкаго — Ы; пишуть гнуцьця, обливаетсѣця и ш. д. Такимъ же образомъ и по Русски для многихъ гораздо легче писашъ *малако, кажетца, майо, сятова* — но эшо не есть *правописаніе*, и въ Грамматикахъ называется *какографіей*. Впрочемъ надобно сказашъ и шо, чшо правописаніе есть шакой предметъ, по которому не бываетъ полного соглашенія и въ самыхъ образованныхъ литературахъ, и мѣлкія оппѣнки онаго болѣе или менѣе сосщавляюпъ особенность писателѣй. Тѣмъ менѣе могло сущесшвовашъ единогласіе въ правописаніи Малороссійскомъ. Однакожъ, если надобно уже выводѳишъ чшо-либо похожее на общее мѣнѳіе, по большинсшву случаевъ: шо, случая старинныя письма и множесшву

Х

II) Буква Е въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ выговаривается *остро*; послѣ согласныхъ выговаривается *тврдо*; и тогда только выговаривается какъ *ю*, когда пишется съ двумя почками (ё).

III) Буква Г произносится чисто, какъ Лапинское h (какъ у Чеховъ, Словаковъ). Иногда она прибавляется въ началѣ словъ къ гласнымъ буквамъ, на пр. гарапникъ, гей, госпрый; въ немногихъ словахъ, кажется только инспранныхъ, Г выговаривается какъ Лапинское g, и въ такимъ случаяхъ можно писать КГ, либо отмѣчать особымъ значкомъ, по примѣру Сравнительнаго Словаря.

списковъ пѣсень, полученнымъ отъ разныхъ лицъ (болѣею частію не заботившихся объ искусственной и какой-либо опредѣленной методѣ писанія), я нахожу, что къ наибольшему и привычному употребленію, ближе всѣхъ правописаніе Г. Копляревскаго, въ которомъ и буква Ъ удержана, и буква Ы употребляется почти въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ оно спависа по правописанію Библейскому. Посему я и принялъ это правописаніе, сдѣлавъ къ нему два прибавленія: а) отмѣшку паеркомъ буквъ ѣ, ѣ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они выговариваются остро; б) введеніе коренныхъ гласныхъ буквъ ѓ, ѣ, ѡ, ѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они выговариваются какъ острое ѣ. Спависа вмѣсто ихъ букву И, отбросивъ паерокъ — и правописаніе мое будетъ правописаніе Г. Копляревскаго. О всемъ этомъ подробно изъяснено будетъ въ Грамматикѣ моей, въ дополненіи къ тому, что сказано уже въ прежнемъ Сборникѣ.

XI

IV) Буква В не выговаривается как *ф*; она, особенно послѣ гласныхъ, произносится какъ краткое У, обращаясь иногда и въ длинное У — (всѣ, усѣ; взявъ, узавъ; вслѣдъ, услѣдъ; въ лѣсѣ, у лѣсѣ). Наоборотъ, У иногда сокращается и какъ бы обращается въ В — (уже, вже; у ёго, въ ёго; умираю, вираю). Часто В прибавляется къ словамъ (начинающимся буквою О): вѣнъ, вѣна, вѣно, вѣвса, вѣвця, въ вѣчѣ (вмѣсто онъ, она оно, овца, овса въ очи); часто В замѣняетъ букву Л: новнѣй повкѣ, вовкѣ, жовшѣй. Такимъ образомъ окончаніе 3го лица прошедшаго времени мужескаго рода, вмѣсто *лѣ*, всегда имѣетъ *вѣ* (ходивѣ, гулявѣ).

V) Когда послѣ ЛЬ, НЬ слѣдуетъ гласная, тогда предъ нею Л и Н повторяются, напримѣръ: зѣлѣя, зѣлѣля; коханѣя, коханѣня; въ слогѣ МЯ слышно послѣ М не только Ъ, но часто Н; напримѣръ: имѣня, время, памяшь. Глагольное окончаніе *тѣя* или *тѣся*, выговаривается *цѣя* или *цѣяя*; да и вообще *тѣ* выговаривается какъ Ц.

VI) Часто О выговаривается какъ У (на пр. въ глагольномъ окончаніи *о в а ш и*, въ словахъ: шабуръ и проч.). Иногда О скрадывается въ выговорѣ, подобно тому какъ И сокращается въ *И* — и въ такихъ случаяхъ можно употреблять *ѣ*, чпѣ и будетъ *ѣ*, прежде употреблявшійся въ срединѣ словъ (вълкѣ).

VII) Частица *да* выговаривается *та*.

ПОПРАВКИ.

Въ сію часть вѣдалось нѣсколько опечатокъ и ошибокъ; почитаю необходимымъ и прошу читателей исправить слѣдующія :

Въ книгѣ первой.

- Стр. 21 стихъ 1. Украинѣ — *гит.* Украинѣ.
 — 33 — сизые орлы — *гит.* быстрые орлы.
 — — — степню разлеглась — *гит.* степню разлеглась.
 — 56 внизу, Вмѣсто: Надѣлокъ — заснуль? кажется должно поспавиль: надѣлокъ — ножны?
 — 57 стихъ 5. пышала — *гит.* пышала.

Въ книгѣ второй.

- 67 — 1340 г. два раза ошибкою поспавлень вмѣсто 1320.
 — 68 — Дума X — *гит.* Дума IX.
 — 74 — Пѣсни о Морозенкѣ должно перенести въ третій отдѣлъ; ибо онъ былъ современникъ Дорошенка (по замѣчанію Г. Евецкаго, полученному мною отъ Г. Срезневскаго).
 — 111 стр. 10. 32 пѣсня отношится къ 1731 (1761 явная опечатка).
 — 115 Внизу опечатка : рѣпоръ *гит.* Прѣпоръ.
 — 126 Землю Донскую *гит.* Землю Донскую.

КНИГА ПЕРВАЯ.

УКРАИНСКІЯ ДУМЫ.

Болять же, брашіе, недесять соколовъ на спядо лебедей пуцаше,
Нъ своя вѣщія пѣрспы на живая струны вьскладаше —
Они же сами Княземъ славу рокошаху!

Пѣсь Игорью.

А. — *Думы* суть пѣсногѣнія исключительно принадлежащія Бандуристамъ. Опть *пѣсенъ* опличаются характеромъ болѣе *повѣствовательнымъ* или эпическимъ и *вольнымъ* размѣромъ, состоящимъ въ неопредѣленномъ числѣ поническихъ спонъ, хопя иногда (по *лирическому* характеру Украинской Поззіи) онѣ вдаются въ пѣсню: погда и размѣръ принимаютъ опредѣленный, пѣсенный. Стихи почти всегда рифмованные. Содержание ихъ болшею частію историческое.

Князь Церпелевъ первый издалъ въ свѣтъ 10 *Думъ* подъ именемъ: *Опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсенъ* 1819, коими я здѣсь вполнѣ воспользовался. Потомъ издали нѣсколько *Думъ* Гг. *Шпигоцкій* — въ Украинскомъ Альманахѣ 1831, и *Срезневскій* — въ Запорожской Старинѣ 1833; изъ первой книжки ея заимствоваль я *Думу* 5 и 6 во второмъ отдѣлѣ, а въ ней чпшатели найдуть двѣ любопытныя *Думы*, принадлежащія къ первому періоду Козачества: одна *о дарахъ Ваторія и смерти Богданка* (Ружнаго) другая *о похрдѣ Серплен* (И. Подковы).

Я слыпвалъ, что у Бандуристовъ есть большая *Дума*, въ кошорой воспѣваеыся *Дашковцы*, одинъ изъ первыхъ вождей Запорожскихъ козаковъ. Безъ сомнѣнія, въ памяти Бандуристовъ сохранились *Думы* и пѣсни и о другихъ герояхъ первыхъ временъ козачества. Не уже-ли народъ не воспѣвалъ *Конашевича - Сагайдачнаго, Тараса, Павлюка* и другихъ? Но къ сожалѣнію эти пѣсни еще неизвѣстны намъ, и съ смертію спариковъ - Бандуристовъ многія изъ нихъ могутъ совсѣмъ погибнуть.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ДО-УНИЯТСКИХЪ.

Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта лежашъ спрѣмъ
каленыя, грилюшъ сабли о шелома, прещашъ копя хара-
лужныя въ полѣ незнаемъ, среди земли Половецкыи. Чрна
земля подъ копыты коспыи была посѣяна, а кровію поль-
яна — шѹгою взыдоша по Руськой землѣ. . . .

Пѣснь Игорю.

Б. — Сачью называлось укрѣпленіе (подобное *острогамъ* либо *городкамъ*), гдѣ находился главный Запорожскій паборъ или *кошъ*, но имени коего и начальника Сѣчи назывался *Кошевымъ Атаманомъ* или просто *Кошевымъ*. Первая (*старая* или *великая*) Сѣчь была на Днѣпровскомъ островѣ Хорпицѣ или Хоршицѣ, находящемся за Порогами близъ мыса Кичкаса. Этимологія *Сѣчи* шаже что и *Застки*.

В. — Сѣчь дѣлилась на частии, называемыя *куреньями*, управляемыя *Куренными Атаманами*. Эти *курени* или *холмы* сѣспояли изъ землянокъ, мазанокъ и шалашей, въ коихъ жили Запорожцы. При Бапоріѣ Украина раздѣлилась на 10 *Полковъ* (каждый съ своимъ *городомъ*), Полки дѣлились на *Сотни* (каждая съ своимъ *мѣстечкомъ* или сошеннымъ *городомъ*), а Сотни на *Курени* (съ слободами, селами, и хуторами). Но кромѣ шакого собирательнаго значенія, *Куренемъ* въ Украинѣ и на Дону называется и одинокій шалашъ, обыкновенно изъ ипрешника (очерѣпа), либо орѣшника крынаго соломой, дѣланнй для лѣшняго жилья на дугахъ и проч., да и въ Великороссіи (гдѣ большею частью избы *курныя*) *куренемъ* иногда называется шалашъ или полатка шорговая. Въ Игоревой лѣсни упоминается о *куряхъ* Тмушараканя (ш. е. жилищахъ). *Куренемъ*, *курєю* называлось жилье пошому же, почему и теперь еще въ разныхъ мѣстахъ Россіи дворы называются *дымами*.

Г. — Кромѣ Кошоваго и Куренныхъ Атамановъ въ Сѣчи были еще старшины: *Войсковоу Судья*, *Войсковоу Пи-сарь*, *Асаулъ*.

Всѣ старшины выбирались на *Радѣ*, ш. е. Совѣтѣ (мірской сходкѣ, вѣчѣ). *Громадою* называлась общая сходка на Раду; у Куреней были свои частныя Рады (*до Куреня*).

ДУМА ПЕРВАЯ.

О ФЕДОРЪ БЕЗРОДНОМЪ.

Сей Куренной Аптаманъ, можетъ быть, есть поэтъ самый
Безродный (Фома), который былъ Войсковымъ Писаремъ
при ополченномъ Гепсманъ Богданкѣ (1576).

По-надъ сагою (1) Днѣпровою
Молодой козаць обѣдъ обѣдае; не дѣмае, не гадае,
Що на ёго молодого, щё й на чѣру (2) малого бѣда на-
спигае.

То не вѣрбы луговѣи загумѣли . . .

Якъ безбѣжны ушкалы (3) налестѣли,

Хвѣдора Безродного, Оптамана Куренного,

Постреляли, порубали — пѣльки чѣры не пѣй-
мали.

То малый чѣра до козака прибывае (4),

- (1) Сага — заливъ. Болѣе называеся собсп. лугъ, лугомъ же назывался лѣсъ, покрывающій низменные мѣста (какъ у южныхъ Славянъ вообще); отъ того лугъ называеся въ пѣсняхъ *темнымъ*, — часно говорится о шумѣ луга. Отъ пороховъ за Днѣпромъ идееть *великий лугъ*, и у Запорожцевъ (Лугарей) была пословица: *Свѣтъ мати, а великий лугъ батько.* (2) Чѣра — вѣрный слуга или оруженосецъ. (3) Ушкалы — разбойники. Не сушь-ли это Русскіе *ушкунки*, развѣзавшіе на судахъ, называемыхъ *ушкунми*. (4) Прибуваша — прибывающіе приходять. Буша — бышь.

Раны ёму глыбóкiи промывае. То козакъ ёму про-
мовляе (5):

„Чуро мой, чуро! Вѣрный слуго!

Пойди ны степомъ по-надъ Днѣпромъ.

Послухай (6) пы, чуро: чи (7) по гусы кричяпъ,
чи лебедѣ ячяпъ,

Чи ушкалы гудупъ, чи може (8) козаки Днѣпромъ
идупъ?

Коли гусы кричяпъ, абó лебедѣ ячяпъ — по
сжени (9);

Коли ушкалы гудупъ — мене зхорони;

Коли-жь козаки идупъ — по объяви,

Нехай вонѣ човны до берега привертаюпъ,

Мене Хвѣдора Безродного навѣщаюпъ.“ —

То чура малый по берегу пробѣгавъ,

Козакѣвъ забачавъ (10), шапкою махавъ, словами
промовлявъ:

— Панове-молодци! добре вы дбайте (11),

Човны привертайте, до Опамана Курѣнного послѣ-
шайте!

То козаки пее зачували (12),

До берега привертали, Опамана навѣщали.

- (5) Промовляши — говорить, промовишь. Мовъ —
словно. Мова — рѣчь. (6) Слухаши — слушать.
(7) Чи — ли, ставится въ началъ слова. (8) Може —
можетъ быть; мабушь — видно, знать. (9) Жену,
гнаши — гоно, гнать. (10) Забачаши — савидѣть;
бачу — вижу; бачишься — кажется, сдаётся. (11)
Дбайти — здѣсь знач. поступать; чаще употребл. вм. при-
обрѣтать; добре — хорошо. (12) Чути — слышать.

Тогдѣ козакъ чурѣ выхваляе, словами промовляе :

„Чуро мой, чуро! вѣрный слуга!

Коли ты будешь вѣрно пробувани,

Будушь тебе козаки поважати!»

То ще промовлявъ, опрощенье за всіма бравъ,

Милосѣрдому Богу душу отдавъ. —

Тогдѣ козаки шаблями суходоль (13) копали,

Шацками, припóлами (14) персье вынимали,

Хвѣдора Безродного ховали,

Въ семипядній пиццалѣ гремали,

У сурѣмки (15) жалобно выхваляли :

То ще добре козацка голова знала,

Що безъ войска козацкого не вмирала!

ПЕРЕВОДЪ.

Надъ заливомъ Днѣпровскимъ молодой козакъ обѣдаешъ
обѣдъ. Онъ не думаетъ, не гадаешъ, что его молодого,
и его малаго чурѣ бѣда наспигаетъ.

То не вербы лѣсныя зашумѣли. . . безбожные раз-
бойники налещли; *Хвѣдора Безроднаго* Куреннаго Ашамана
поспрѣляли, порубили, только не поймали его чурѣ.

Вопъ малый чурѣ приходилъ къ козаку, промываешъ
ему глубокия раны.

Молвилъ ему козакъ : „Чурѣ мой, чурѣ! вѣрный слуга!
Пойди ты спешью по-надъ Днѣпромъ; прислушай ты, чурѣ:

(13) Суходоль — земля сухая. (14) Припóлы — кон-
цы поль. (15) Сурма и Сурѣмка — труба, Сурмачь —
трубачъ. Сурмиши — шрубиль.

гуси-ль шо кричатъ ; ячатъ-ли шо лебеди , разбойники-ль гуляшъ , или можешъ , козакѣ Днѣпромъ идушъ ? Коли кричатъ гуси или ячатъ (*) лебеди , шо стони ; коли разбойники гуляшъ , схорони меня ; коли жъ козакѣ идушъ , шо скажи , пусшь они челноки свои приворачиваюшъ къ берегу и навѣспяшъ меня козака Федора Безроднаго.

Вопшь , малой чура пробъжалъ по берегу , завидѣлъ козаковъ , машешъ шапкою , говоришь словами : Паны - молодцы ! сдѣлайше доброе дѣло , приворачивайше челноки , поспышайше къ Ашаману Куренному .

Козакѣ шо услышали , къ берегу причаливали , Ашамана навѣспили .

Хвалишь козака чуру и говоришь такія слова : „Чура мой , чура ! вѣрный слуга ! коли пы будешъ вѣрно жишь , будушь шебя козакѣ чшипшь.“ —

Такъ говоришь онъ , со всѣми прощался , милосердому Богу ошдалъ душу .

Тогда козакѣ саблями копали суходоль , выгребали землю шапками и приполами , хоронили Федора Безроднаго ; грѣмили изъ семипяденныхъ пищалей , и жалобно выхваляли его въ шрубы : дѣло козацкая голова знала , что безъ войска козацкаго не умирала !

(*) Ячатъ — говоришся про крикъ лебедей , который въ Русскомъ языкѣ кажешся , не выражается особымъ словомъ . Кукушка (*зозуля*) — куѣшь ; воронъ — крѣчешъ , грѣешъ (въ Пѣс. Игор. *граеть*) ; кречешъ — кѣркуешъ и проч .

ДУМА ВТОРАЯ.

ПОБѢГЪ ТРЕХЪ БРАТЬЕВЪ ИЗЪ АЗОВА.

Муравскій шляхъ (дорога), о которомъ говорится здѣсь, идетъ отъ *великой стѣны* (остр. Хорпицы на Днѣпрѣ) на сѣверъ къ верховьямъ Ворсклы и С. Донца. Между Азовомъ и симъ шляхомъ находятся большіе *байраки* (овраги или буераки); а за шляхомъ у верховья р. Самарки, какъ видно изъ думы, должна быть *могила* (курганъ) *Саворь*, о которой упоминается и въ пѣснѣ о *Морозѣнкѣ* (кн. II No 6). —

Въ думѣ сей къ списку Кн. Цершелева я сдѣлалъ пополненіе изъ списка Г. Шпигоцкаго (Укр. Альм. 1831).

Изъ гóрода изъ Азóва не великіи шумáны вспа-
вáли,

Три брáта рóдненькихъ зъ шляхомъ невóли впе-
тáли (16).

Два кóннхъ; прѣпій нѣпій за ними пóдбѣгае,

На сырѣ корѣнья, на бѣле камѣнья

Нóжки свои козáцькимъ посѣкае, кровью слѣды
заливае,

До кóннхъ бранóвъ добѣгае, словáми промовáе.

(16) У шѣкаши — убѣгашь, уходишь.

„Спáньте вы, бра́пця! ко́ней попасы́те, менé пò-
дожды́те,
Зь собо́ю вòзьмы́те, до городòвъ хрестя́нськихъ
пòдвезы́те.“

То середу́льшій (17) псе зачува́въ, спáршого пы́-
та́въ;

То спáршій ёму́ слова́ми промовля́въ :

— Чи ще-жъ тобѣ не далася тяжкая неволя зна́ши?...
Якъ бу́демъ мы бра́па дожида́ши,
Бу́де насъ погòнь доганя́ши, бу́де насъ спре-
ля́ши, рубя́ши,

Або́ (18) въ тяжкòй робòтѣ бу́демъ пропада́ши. —

„Коли-жъ менé, бра́пця, не хочете жда́ши —

Ставь менъшій промовля́ши —

То прошу́ васъ, бра́пця : на праву спòрону звер-
та́йце,

Ша́бли изъ пòхвъ (19) винйма́йце, пт́во моё
порубя́йце,

Въ чыспòмъ степу́ похова́йце (20),

Звѣрю да пшиць на пошáлу (21) не да́йце!“ —

То середу́льшій псе зачува́въ,

Слова́ми промовля́въ :

— Сёго́, бра́ше, изъ-рòду нигде́ не чува́ли,

Щòбъ рòдною крòвью ша́бли обмыва́ли,

Або́ гòспрымъ списомъ (22) опроще́нне бра́ли. —

(17) Середу́льшій или середу́щій — середній. (18)
Або́ — либо. (19) Пòхва — ножны. (20) Хова́ши —
хоронить, пряшашь. (21) Пошáла — покормка. (22)
Спись — копьё, пика. Гòстрый — острый.

„Коли-жъ не хóчете, бра́пця, менé рубáти,
То прошú васъ, бра́пця, якъ будете до байра-
кòвъ прибува́ти,

Терно́ви вѣпки въ запòлье (23) рубáйте,

Менѣ призна́ку покида́йте!“ —

То вже два казаки въ байраки вѣжа́е;

Середу́льшій бра́тъ милосе́рдие ма́е:

Верховѣ́нья у терно́въ зпина́е (23'),

Меньшому бра́ту примѣ́пу покида́е.

А якъ спáли на Мура́вській шляхъ вы́жажа́ти,

Нѣчѣмъ ё́му призна́кòвъ покида́ти;

Во́нь черво́ну (24) кипáйку зъ-пòдъ жупáна (25)
выди́рае,

По шляху́ розкида́е, меньшому бра́ту примѣ́пу
зоспа́вляє.

То якъ спáвъ пѣшехо́дець зъ терно́въ выходи́ти,

Спа́въ черво́ну кипáйку находи́ти:

У руки хвапа́е, дроб́ными слѣза́ми облива́е.

„Не-дúрно (26), промовля́е, черво́на кипáйка по шля-
ху валя́е,

Ма́бушь (27) мойхъ бра́тòвъ на свѣ́пѣ нема́е! ...

Ма́бушь за ними зъ гóрода Азо́ва логóня вспа́вала,

Менé въ терна́хъ на спочѣ́вѣ (28) мина́ла,

Бра́тòвъ мойхъ доганя́ла, спреля́ла, рубáла!

(23) Запòлье — завороты поль. (23') — ссыкаешь. (24) Чер-
во́ный — красный (черный). Черво́нная кипáйка весьма часто
упоминается. (25) Жупáнъ — кафтанъ. (26) Не-дúрно, не-
да́рма — не даромъ. (27) Ма́бушь — можешь быть,
видно. (28) Спочѣ́вѣ, опочѣ́вка, — опдыхъ, сонъ.

Колибъ менѣ Бѣгъ
 Милосѣрдый помоѣгъ
 Тѣло козацьке находѣши,
 Въ чѣспѣмъ степѣ хоронѣши!“ —
 Що одно безвѣдѣе, друге безхлѣбѣе,
 Трѣтѣе бѣйный вѣперъ въ полѣ повѣвае,
 Бѣдного козака зѣ нѣгъ валае . . .
 — „Ой годѣ-жѣ менѣ за кѣнными брагѣми угаѣши,
 Часъ менѣ козацькѣмъ ногѣмъ полѣгу (29) дѣши!“
 То шѣе промовлѣвъ, до Сѣворѣ-могѣлы прибѣвавъ,
 Пѣдѣ Сѣворѣ - могѣлою спѣчивѣвъ.
 Въ поѣ часѣ сѣзы орлѣ налѣпѣали,
 Пѣльно (30) въ ѣчѣ козаковѣ заглѣдали.
 Козакѣ шѣе забачѣе,
 Словѣми промовлѣ:
 „Орлѣ сѣзо-пѣры,
 Гѣспѣи моѣ милѣ!
 Прѣшѣ я васѣ тогдѣ налѣпѣаши,
 Зѣ лѣбу ѣчѣ менѣ высмыкѣаши (31),
 Якѣ не бѣду я свѣпа Бѣжѣго видѣаши. . .“
 То шѣе промовлѣвъ,
 За часѣ, за годѣну милосѣрѣдѣму Бѣгу дѣшу одѣвавъ.
 Тогдѣ орлѣ налѣпѣали, зѣ лѣбу ѣчѣ высмыкѣали,
 Тогдѣ шѣе ѣ дрѣбна пѣщѣа налѣпѣала,
 Коло жѣвѣтѣи кѣспѣи пѣло оббѣраала.
 Вѣвкѣ-сѣромѣанѣцѣи (31') набѣгаали, пѣло козацьке
 рѣвали,
 (29) Пѣльга — льгѣа (польза! шакѣ ем. *нелѣзя*, го-
 ворѣашъ въ нѣкопѣрыхъ мѣспѣахъ *нелѣга*). (30) Пѣльно,
 спѣльна — прѣспѣльно; пѣльновѣаши — прѣлѣжашъ.
 (31) Смѣкаши — дергашъ. (31') Вѣвкѣ сѣромѣ-
 нецѣ — волкѣ - сѣрякѣ.

По пёрнахъ, по бѣлкахъ жовпу кѣспь жваковѣ-
ли (32),

Жалѣбнѣнько квилли, проквилѣли (33):

То жъ вони козацькимъ похороны одправляли!

Де-ся взялась сѣза зозуленька,

Въ головкахъ сѣдала, жалѣбно кувала;

Якъ сестрѣ брата, абѣ мѣти сына оплакала. —

Спали конны браны до городѣвъ хреспансь-
кихъ дохожѣли,

Спала къ ихъ сердцѣмъ велика шуга налягѣли.

То середульшій братъ до старшого брата слова-
ми промовѣе:

„Не-дурно къ нашимъ сердцѣмъ велика шуга на-
лягѣе:

„Мабуть нашого брата живого на свѣшѣ немае!

„Якъ будемо, брате, до опця й мѣтерѣ при-
буванѣи?

„Якъ будуть вони насъ пыпѣли, по що спѣ-
немо казѣли?

То старшій братъ пѣе зачувае,

До середульшого словами промовѣе:

„Скажемъ: не въ одного пана въ неволѣ бувѣли,

Ночномъ дѣбы (33') зъ неволѣй впѣкали,

Его сонного будѣли не збудѣли,

Тамъ ёго въ неволѣй й зоспановѣли!“

То середульшій братъ пѣе зачувае,

(32) Жваковѣли — жрашь, жвакань. (33) Квилли, проквилѣли — вишь, зарывань. (33') Ночною порою. Дѣба — пора, время.

До спършого брата словами промовляе:
 „Якъ не будемъ опцю и маперѣ правды казати,
 То буде насъ опцевьска и мапериньска молишва
 карапи. —

Тодѣ спършій браты на поля Самарскѣ выгъжають,
 Надъ рѣчкою Самарською опочивку собѣ мають,
 Коней попасають.

Въ той часъ безбожными бусурманы набѣгли —
 И шыхъ двухъ братѣвъ порубали,
 Тѣло козацьке карбовали (34),
 Въ чѣспомъ полѣ розкидали,
 Головы на шаблѣ въздымали, довго глумовали!

ДУМА ТРЕТЬЯ.

ЧЕРНОМОРСКАЯ БУРЯ.

Въ Цершелевскомъ спискѣ сей Думы ашаманъ Запорожскій *Грицько* названъ *Зборовскимъ*, а въ спискѣ Г. Шпигоцкаго *Грицькомъ Коломийгенкомъ*: кто онъ шакой, навѣрно опредѣлить не могу. По названію *Алексія Поповита* козакомъ *реестровымъ* видно, что это было уже послѣ Богданка. — Островъ *Тентревъ* или *Тентра* недалеко отъ Днѣпровскаго лимана, противъ Кинбурнской косы.

(34) Карбовати — рубать, рубить, — опшуда карбованецъ — цѣлковой рубль (съ насѣчками вокругъ).

На Чорному морѣ на бѣлому камнѣ
 Ясенѣнкій соколѣ жалобно квилить, проквилѣе,
 Смущено себе мае, на Чорнее море спільна поглядѣе.
 Що на Чорному морю недобре ся-починае,
 Що на небѣ усѣ звѣзды пошмарило (35),
 Половину мѣсяца въ хмари (36) вснупило.
 А изъ низу буйный вѣшеръ повѣвае,
 А по Чорному морю супрошівна хвила (37) вспавае,
 Судна козацькїи на при часпїи розбивае.
 Одну часпѣ взяло — въ зѣмлю Агарську занесло,
 Другу часпѣ горло (38) Дунайське пожерло (39),
 А шрѣпя—гдѣ ся-мае? — въ Чорному морю потонае.
 При шїи часпїи буй Гривцько Зборівськїи
 Опамань козацькїи Запорівськїи,
 Той по судну похожае, словами промовляе:
 „Хпо-сь мѣжь нами, панове, великїи грѣхъ на
 собѣ мае!

Що-сь дуже злая хуршовина (40) на насъ налягае.
 Сповѣдайшесь, панове, милосѣрному Бѣгу,
 Чорному морю, и менѣ Опаману Кошовому;
 Въ Чорнее море впадѣше,
 Вѣйска козацького не губѣше!“

То козаки шее зачували, усѣ замовчали,
 Бо въ грѣхахъ себе не знавали.

Тѣльки обѣзвѣвся Писарь Вѣйсковый, козацькїи
 леспрѣвый,

(35) Пошмарили — помрачили. (36) Хмара — туча.
 (37) Хвила — волна. (38) Горло, — устье. (39)
 Пожерло — пожрало. (40) Хуршовина — на-
 пась, буря.

Пиряпинскій, поповичъ Олексій:

„Добре вы, бра́пця, вчині́те (41), менé само́го,
вôзъмѣ́те,

„Менѣ́ чорною кипайкою́ о́чи завяжѣ́те,

„До шіи́ бѣ́лый ка́мєнь причепѣ́те (42),

„Да й у́ Чорнее́ мо́ре зôпхнѣ́те!

„Нехай́ бѹду́ оди́нь погибáпи,

„Козáцького́ вôйска́ не збавля́пи!“

То козаки́ шее́ зачува́ли, до Олексія́ Поповича́
промовля́ли:

„Ты-жъ́ свяпее́ письмо́ въ рѹки́ берешъ́, чи-
пáешъ́,

„Насъ́ прôспыхъ́ людѣ́й на все́ дôбре́ наспав-
ляешъ́,

„Якъ-же́ наибôльше́ одъ́ насъ́ на собѣ́ грѣхôвъ́
мáешъ́?

— Хочá́ свяпее́ письмо́ я́ чипáю,

Васъ́ прôспыхъ́ людѣ́й на все́ дôбре́ наспавля́ю,

А я́ все́ сáмъ недôбре́ почина́ю.

Якъ́ я́ изъ́ гóрода́ зъ́ Пиряпина́, панóве, вы́зжáвъ,

Опрощє́нья зъ́ пан-ощє́мъ и зъ́ пані́-мáткою́ не

бравъ́,

И на́ свогó́ спáршого́ бра́па вели́кій гнѣ́въ по-
кладáвъ,

И блі́зкихъ́ сусѣ́дôвъ хлѣ́ба-й-со́ли безневінно́
збавля́въ (43'),

Дѣ́ши малы́и, вдóвы спáрыи́ спрѣ́мнямъ́ въ грѹди́-
повка́въ,

(41) Чиню́, чині́ши — дѣ́лаю. (42) Причепі́ши —
прицѣ́пишь; чепъ́, ланцю́гъ — цѣ́пь. (43') Збав-
ля́ши — лишáшь, убавля́шь.

Безпéчне по úлицямъ конéмъ гулявъ,
 Пропивъ цéркви, дóму Бóжого проѣзжавъ,
 Шапки зъ себé не знямавъ, хрестя́ на себé не кла́въ.
 За пé я, панóве, великй грѣхъ маю, пепéрь по-
 гибáю!

Не ёсть се, панóве, по Чóрному мóрю хвйля вснавае,
 А ёсть се — менé опцёвська й маперинська моли́-
 ва карае!

Коли́бь менé сян хуршовина злая въ мóрь не втопи́ла,
 Одъ смёртй моли́тва борони́ла :

То зна́вь бы я опця́ й мапéрь шанова́ти, поважа́ти,
 То зна́вь бы я спáршого бра́та за рóдного опця́
 почи́ати,

И сестру́ рóднёнку за нёнку (44) у себé ма́ти!“ —
 То якъ спáвъ по́ловичъ Олексй грѣхи́ свои́
 сповѣ́дати,

То спáла злая хуршовина по Чóрному мóрю спи-
 ха́ти,

Сúдна козацькй до-горы́ (44') якъ рука́ми по́дойма́ла,
 До Тёнпрева о́спрова прибыва́ла.

То всѣ пого́дй козаки́ дивомъ дивова́ли,
 Що по яку́му Чóрному мóрю, по бы́спрои хвйль
 потопа́ли,

А нй́ одного́ козака́ зъ-межы́ вóйска не вперя́ли! —
 Опъ-же пого́дй Олексй́ Попóвичъ изъ сúдна выхожа́е,
 Бере́ свяпéе письмо́ въ ру́ки, чипа́е,
 Усѣхъ прóспыхъ люде́й на все дóбре науча́е, до
 козако́въ промовля́е :

(44) Нёня, нёнка — родимая; мапушка. (44') До-
 горы́ — вверхъ.

Часть I.

„Оп-тымъ-бы то, панове, прѣба людѣй поважати,
„Пан-опця́ и панѣ-малку́ дѣбре шанова́ти ;
„Бо ко́торый чоловѣкъ пѣе уробрае (45),
„Повѣкъ той счастья собѣ мае,
„Смерте́льный мечъ того́ минае :
„Опце́ва и ма́пчина моли́тва зѣ дна мо́ря выймае ,
„Одъ грѣхо́въ смерте́льныхъ ду́шу одкупае ,
„На по́ль и на мо́рѣ на по́мощь помагае !

(45) Роблю́, робѣши — дѣлаю, дѣлашь.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ Ц.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА

ОТЪ ВОЗСТАНІЯ ПРОТИВЪ УНІИ ДО СМЕРТИ БОГДАНА.

Ужé бо, браііе, не веселая година вспала: вспала оби-
да въ силахъ Дажь-божа внука ... Выю храбрая сердца
въ жеспоцымъ харалузѣ скована, а въ буюспити закалена ...
Мужаймься сами! преднюю славу сами похипимъ, а заднюю
ся сами подѣлимъ ... А чи диво ся, браііе, спару по-
молодыши? Коли соколь въ мышехъ бываешъ, высоко пшиць
възбиваешъ, не дашъ гнѣзда своего въ обиду!
... Луце-жь бы пошпшу быши, неже полонену быши!

Пѣсь Игору.

Д. — гетьманщиною называлась Украина отъ своихъ вождей, кои именовались гетьманами, по примѣру вождей Липновскихъ, называвшихся *Гетманами*, *Гедманами* или *Гедманами*, вѣроятно по имени славнаго *Гедмина*. Можетъ быть, названія: *Король* произошло отъ *Карла*, *Carolus*; *Цесарь* отъ великаго *Цезаря*; *Султанъ* отъ имени *Салтана*. На время оплочки Гетьмана изъ Резиденціи пославлялся въ Украинѣ наказный гетьманъ; а въ опсущспіе съ поля битвы, власнѣ его принималъ гетьманъ напоольный.

Е. — московщиною называлась Великая Россія, Московія; ниведчиною Швеція; волощиною Валахія и Молдавія; такимъ же образомъ туретчина, татарщина; валгородщиною называлась Тапарская сторона между Днѣпромъ и Днѣспромъ; польсьемъ — Белоспокская область; подольемъ — Подолія; покутьемъ — Буковина.

ДУМА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОЗСТАНІЕ НАЛИВАЙКА.

Дума сія опносітся къ 1596 году, когда Гешманъ Павелъ Наливайко разбилъ Жолкевскаго при Чигрині. По Льщописямъ, на трехъ крестахъ вывѣшены были Жолкевскимъ захваченные подъ Каневою козацкіе спаршину: *Богунъ, Сутигъ* (или *Сутига*, а въ думѣ *Сомнко*), и *Войновичъ*; а Наливайко высцавилъ цѣлую надпись: *Миръ Христіанству, а на защитника Богъ и Его Крестъ.*

Ой у нашої у славної Украині
Бували коли-сь (46) преспрашчимъ злыгодні, без-
дольні години;
Бували й мори й войсківі чвара; (47)
Ніхто Вкраїнцѣвъ не ряшовавъ; (48)
Ніхто за їхъ Богові молившъ не посылавъ;
Тільки Свящій Богъ нашихъ не забувавъ,
На великі зусилья, на вѣдповѣдя державъ.
Тільки Богъ свящій знавъ, що вѣнь думавъ,
гадавъ, замышлявъ,
Якъ незгодины на Украинську землю посылавъ.
Опъ-же-и пройшли, збѣшли злы незгодины:
Немає нікого, що-бъ насъ подольми!
Тільки Богъ Свящій знавъ
Що вѣнь думавъ, гадавъ, замышлявъ . . .

(46) Когда-то. (47) Чвара — гроза. (48) Ряшоваша, ряшоваша — избавляша, спасаша.

Не дѣнь и не двá Ляхи Украину пайндровали,
 Ни на часиночку одпочи́нья не мали,
 Кóней на -взáводахъ дeнь и нóчь держали,
 До Гельмана Налива́йка дорóгу верста́ли.
 А Гельманъ хорóбрый Налива́йко — щó вóнь думае
 гадае?

Щó вóнь за до́лю повáрищóвъ сво́ихъ замышляе?
 Тóльки Богъ Свяный знае, щó ёму на по́мóчь
 помагае!...

Изъ-за горы́ хма́ра выпунае — выпунае, выхожае,
 До Чигрина́ гро́момъ выгрёмае,
 На Укра́їнську зéмлю бли́скавкою блискае.
 То Поляки́ черезъ при рѣ́кѣ при перехóды мали,
 Да й бйля́ прѣпѣ́го перехóду спáномъ спáли;

Пусты́ли кóней на по́паса́нье,
 Самы́ собѣ́ дали на при го́дины одпочивáнье. —
 А щó Гельманъ Налива́йко думае, гадае?
 Щó вóнь на незго́ду Ляхóвъ замышляе?
 Тóльки Богъ шее́ знае, щó ёму на по́мóчь помагае! —

То не хма́ры по не́бу гро́момъ свяпы́мъ выгрём-
 ляю́ть,

То не свяпы́хъ воны́ до Бо́га проважа́юць :

То Ляхи́ у бубны́ вдаряю́ть,

У свиспѣ́лки да у прѣ́бы выгравáюць,

Усе́ вóйсько сво́е до-ку́пы у гро́маду склика́юць,

Що-бъ ишли́ усѣ́ до гро́мады на послу́ха́нье,

Слу́хати Гельмана́ Жовко́вського одповѣ́данье.

Опъ-то й прйшли́ усѣ́, рýдомъ спáли,

Усѣ́ рýдомъ спáли, да й за́мовчали,

Гельманське́ опповѣ́данье слу́хати зачали́;

А послу́хавши, кóней сѣ́длали́,

Черезъ Бѣлу-рѣчку переходъ великій мали:
 Мосты мостили, грѣбли гапили, кѣлья заби-
 вали,

Горайну да дрянницю клали,
 Черезъ Бѣлу-рѣчку переходъ великій мали;
 А, перейшовши, огорѣды да шанці робили,
 У-въ окрѣвъ гармашы (50) спановили,
 А по-перѣдъ гармашами при хресты вколопили.
 А що первыи хрестъ, то Сѣмино висипъ —
 Сѣмино висипъ, бѣрзо голосипъ;
 А що другій хрестъ, Богунъ висипъ —
 Богунъ висипъ, шаблюкою лопопипъ;
 А що прѣпій хрестъ, то порѣжній спойпъ,
 Усѣхъ иишихъ козаковъ до себѣ поджидае, —
 Козаковъ поджидае, козаковъ оглядае:
 Хто первыи подѣйде, шогѣ гармаша убѣе;
 Хто другій добѣжипъ, шогѣ самопалъ (51) цапне;
 Хто прѣпій подлѣипъ, шой хрестипъся бѣде, —
 Хрестипъся бѣде, й молипъся спѣне;
 Що хрестъ зъ осокі — то ёго надбѣне! . . .

А козаки глядѣли, у вѣчи вбачали,
 Про-мѣжъ себѣ бурковали, раховали,
 Три корогвы на забачѣнье Ляхамъ спановили,
 На корогвахъ уговоръ - рѣдну писали:
 „Вѣрному православному Христіянспву миромъ
 мѣръ;

А Ляхамъ-ворогамъ пекельный пиръ.
 Въ кого хрестъ — на того й Хрестъ!“ —

Отъ-сѣ-жъ и поишли наши на чотыри поля
 Що на чотыри поля, а на пятее на Подѣлье;

(50) Гармаша — пушка. (51) Самопалъ — ружье.

Ляхѡвъ на всѣ спѡроны, по всѣмъ хрестѡмъ ко-
лошѡли;

Ляхѡ опрощѣнья просѡли, да не допросѡлись:

Не пакѡвськѡ козаки, що-бъ опрощѣнье дали,

Не пакѡвськѡи й Ляхѡ, що-бъ напасъ забули!

Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля кувала.
Що вона кувала, про-мѣжь свѡпныхъ чувала;
Що она кувала, тому й бупи-спѡпи, —
Якъ спѡнуть бѣсы прѡвыхъ й неправыхъ ѣднѡпи,
Души забѡрапи, у пѣкло до-кѡпы складѡпи.
Вѡдъ пѡго й сѣго, одъ инѡго чѡго Бѡже намъ помѡже.
Про те вѡнъ и знѡе, що вѡнъ дѡмае, гадѡе,
Що Павлѡви Наливѡйковѡи да на помѡчь помагѡе.
Не намъ про пѡе, за пѡе раховѡпи:

Нѡше дѣло Бѡговѡи молѡться,

Спасѡтелю хрестѡться!

П Е Р Е В О Д Ъ .

Какъ въ нашей славной Украинѣ бывали когда-то спраш-
ные злые дни, бездольные времена; бывали и моры и
войсковыя свары: никто Украинцамъ не помогалъ, никто за
нихъ Богу моливъ не возсылалъ; а только Святой Богъ
нашихъ не забывалъ, для великихъ усилѡй, для отвѣта
(врагамъ) сохранялъ; только Богъ Святой зналъ, что Онъ
думалъ, гадалъ, замышлялъ, когда невзгодья на Украинскую
землю посылалъ!

Вѡшь и прошло, разошлось злое безвременье; — нѡтъ
никого кѡпобъ одѡлѡ насъ! только Богъ Святой зналъ,
что онъ думалъ, гадалъ, замышлялъ!

Не день и не два Ляхи грабили Украйну, ни на часъ не имѣли опдыха, день и ночь коней во всѣ повода гнали, къ Гешману Наливайку дорогу держали.

А Гешманъ храбрый Наливайко — чпо онъ думаетъ, гадаешъ? чпо онъ на долю шоварищей своихъ замышляетъ? Только Богъ Свяшый знаетъ, чпо ему Онъ помогаетъ.

Изъ за горы шуча выступаетъ, — выступаетъ, выходитъ, до Читрина громомъ гремитъ, на Украинскую землю молнѣй блещетъ. То Поляки, черезъ прирѣки шлш при перехода; а возлѣ шретяго перехода спвали спаномъ, пушили коней на пасшву, а себѣ дали опдыха на шри часа.

А чпо Гешманъ Наливайко думаетъ, гадаешъ? — чпо онъ на невзгодѣ Ляховъ замышляетъ? — Только Богъ Свяшый шо знаетъ, чпо ему Онъ помогаетъ.

То не шучи по небу свяшымъ громомъ гремяшъ, шо не Свяшыхъ къ Богу онѣ провожають: шо Ляхи бжють въ бубны, играють на свискахъ и шрубахъ; все войско свое въ одну громаду скликають, чтобы всѣ шли въ громаду на послушанье, слушать опповѣдь Гешмана Жолкевскаго. — Вопъ и пришли; всѣ рядомъ спали, — рядомъ спали и замолчали. Гешманскую опповѣдь начали слушашъ; а выслушавъ, коней сѣдлали, черезъ Бѣлюю-рѣчку большой переходъ держали: мосты мостпили, гаши гашили, вбивали колья, клали хворосшъ и дрань, — черезъ Бѣлюю-рѣчку переходъ великшй держали. А перейдя, дѣлали огорожу и шанцы, спавили пушки въ окрѣпъ, а передъ пушками шри креса вколопили. А чпо первой кресъ — шо *Сомно* висипъ, — Сомно висипъ, громко голосшшъ. А чпо другой кресъ, шо *Богунъ* висипъ — Богунъ висипъ, саблю спучишъ.

А что прешій крестъ , шо порожній спойишь , — всѣхъ другихъ козаковъ къ себѣ поджидаетъ , козаковъ поджидаетъ , козаковъ оглядаеть . Кпо первый подойдетъ , шого пушка убьетъ ; кпо другой подбѣжитъ , шого самопалъ хвашишь ; а кпо прешій подлешитъ , шоптъ крестнишься будеть , крестнишься будеть молишься шанеть : крестъ изъ осоки — его учасъ!.. А козаки глядѣли , своими очами видѣли , про-между себя переговаривались , судили ; — при хоругви на видъ Ляхамъ спановили , на хоругвяхъ уговоръ-рядную писали : *Вѣрному православному Христіанству миромъ миръ , а Ляхамъ-врагамъ адскій пиръ . У кого крестъ — на того и Крестъ!* —

Воптъ и пошли наши на чешыре поля , что на чешыре поля , а на пшое на Подолье ; — Ляховъ на всѣ спороны окрестъ себя колопили . Ляхи прощенья просили , да не допросились : не шаковскіе козаки , чтобъ прощенье дали ! не шаковскіе и Ляхи , чтобъ напасъ забыли .

Будеть и нашимъ бѣда , какъ кукушка куковала . Что она куковала , шо она промежъ Свяшыхъ слыхала ! что она куковала , шому и бытъ-спать : какъ спануть бѣсы правыхъ и неправыхъ единишь , сбирашь души и въ аду въ кучу валишь . Опъ шого и сего , и другаго чего — да спасеть насъ Богъ ! Про то Онъ и знаеть , что Онъ думаетъ , гадаетъ , что Павлу Наливайку Онъ помогаетъ ! Не намъ о томъ и про то судить . Наше дѣло Богу молишься , къ Спасителю крестнишься !

Прим. Нѣкоторыя измѣненія въ сей Думѣ слѣданы по списку , полученному мною опъ Г. Срезневскаго .

ДУМА ПЯТАЯ.

ПОХОДЪ НА ПОЛЯКОВЪ.

Превосходная Дума сія опносишся къ 1637 году, когда козаки ополчились снова, послѣ ужасной смерти *Павлюка*. О Хорунжемъ *Самкѣ Мушкетѣ*, который представлень идущимъ чрезъ поле бишвы, устьяное шрупами, я не знаю по Испоріи. — Подъ именемъ *Степана Жукурузы* здѣсь разумѣшся, я думаю, *Степанъ Острица*, который послѣ побѣды своей захвачень ночью въ Кѣневскомъ монастырѣ и въ Вершавѣ колесованъ. *Карло Пѣвтора-Жужуха*, бывшій послѣ Острицы въ 1639 предводителемъ козаковъ, былъ почно разгульная голова, — онъ и жизнь кончилъ въ степяхъ Крымскихъ, похороненный своею дружиною въ горюлочной бочкѣ. Пѣсня его и нынѣ любима въ народѣ, который передѣлалъ ее въ разные виды (см. Кн. III).

Ой пошли козаки на чотыри поля,
Що на чотыри поля, а на пяте на Подолье.
Що однимъ полемъ — по пошовъ Самко Мушкетъ,
А за Паномъ Хорунжимъ мало-мало не при тысячи,
Усе хоробры повариши Запорозьцѣ.
На коникахъ выграваютъ, шабельками блискаютъ,
у бубны вдаряютъ,
Богови молитвы посылаютъ, хресны покладатъ.

А Самкó Мушкѣнть — по вѣнъ на коню да й не
выгравѣе,
Коня удержуе, до себѣ припягуе, думае, гадае.
Да щó-бъ сию чоршóвъ лихомъ вбѣли ту ёго думу,
щó гаданье! —

Самкó Мушкѣнть думае, гадае, словами промовѣе:
— „А щó, якъ наше козачество, мовь у пѣклѣ, Ляхи
спѣлянь,
Да зъ нашихъ козачькихъ коспѣй пирь собѣ на
похмѣлья звѣрянь! . . .

А щó, якъ наши головы козачьки по спену-полю
поляжунь,
Да щѣ й рѣдною кровью вмѣнюсья,
Попереросколощыми шаблями покрѣнюсья! . . .
Пропаде, мовь порошина зъ дула, пѣя козачья
слава,

Що по всѣму свѣтну дѣбомъ спѣла,
Що по всѣму свѣтну спѣномъ розляглась, про-
спяглась,
Да по всѣму свѣтну луговымъ гомономъ роздалась,
Турѣччинѣ да Тапѣрцинѣ дѣбрымъ лихомъ знати
далась,
Да й Ляхамъ-ворогамъ на списъ оддалась!“ . . .

Закряче воронъ спѣномъ лепючи,
Заплаче зовуля лугомъ скачучи,
Закуркують крѣчѣпы сизѣи,
Загадаюсья орлики хижѣи —
Да все, усѣ по своихъ брапахъ,
По буйныхъ цовѣришахъ козакахъ! . . .

Чи по ихъ згѣрбомъ занесло?
Чи по ихъ у пѣклѣ попонуло?

Що невідко чубатыхъ, не по по степахъ, не по
 й по лугахъ,
 Не по й по Тапáрськихъ земляхъ, не по й по
 Турецькихъ горахъ,
 Не по й по Чóрныхъ моряхъ, не по й по Ляцькихъ
 поляхъ? . . .

Закряче воронъ, загрúе, зашумúе,
 Да й полетипь у чужую зéмлю. . . .
 Анъ-ба! кóсткы лежáть, шаблюкы спорчáть;
 Кóсткы хрустя́ть, шаблюкы поперероскóлонь
 бряжчя́ть! . . .

А чорна, сива сорока зоскáмилась да й басúе!
 А що гóловы козацькы́ — по мовъ Швець-Семень (52)
 шкуру загубивъ (53),

А що чубы́ — мовъ чорняка джгупы́ поробивъ: —
 У кровí усъ, да й позасыхáли —
 Оп-по й славы набрали! . . .

Ой по́шли козаки́ на чопы́ри шляхи́,
 Да на чопы́ри шляхи́, а на п'яше на Подóльє.
 Що однимъ по́лемъ — по по́шовъ Самко́ Мушкэ́тъ,
 А другимъ по́лемъ — Спецькó Кукору́за:
 Сизою голубою гóлову свою́ буйную до-дóлу (54)
 заклянувъ!

(52) Въ Украйнѣ былъ какой-то знаменимый *Семень Швець*
 (сапожникъ), вошедшій въ поговорку. Говорится, на пр.
 онъ его смялъ, *мовъ Швець-Семень шкуру*. (53) — По-
 перяль. (54) До-дóлу — внизъ, на-поль.

А за нѣмъ идуть мало-мало не при тысячи,
 Усѣ хоробрыи повариши Запорозьцѣ,
 На коникахъ выграваютъ, шабельками блискаютъ,
 у бубны вдаряютъ,
 Богови молибвы посылаютъ, хресты покладаютъ,
 До Спецька Кукурузы ось-такъ (55) промовляютъ:
 — Чи ты живъ, чи здоровъ, пане Степане?
 Чи ты вмѣръ, що своєю головою дубомъ до-долу
 пришибло?

Рахованье (56) — не въ поминанье!

Коли-жь небудь трѣба (57) да по насъ поминки
 робити!

Що по насъ, Пане, старѣ бабы спануть у полѣ
 свистѣти,

А по побѣ, Пане, молодыи дѣвчата зачнуть го-
 лосити!

— „Да те все однако,

Що Якѣмъ, що Якѣвъ!

Ось, якъ приспанемо до пятого яра,
 То хочъ и серѣдъ лепечка — зашумѣть, загудѣ
 не-дай-свѣта - чвѣра!

Буде й нашимъ лихо, якъ возуля кувала,
 Степомъ лепючи, лугомъ скачючи.

Що вона кувала, то правду казала;

Налѣпятъ орлы хижѣ, спануть жалковати;

А вороны налѣпятъ, да й спануть добычи жда-
 ти й поджидати.

(55) Ось — вошь; - сь — частица по. (56) Рахо-
 вати — считать, рассуждать. Рахованье — размы-
 шление. Рахунокъ — расчетъ. (57) Трѣба — надо,
 потребно.

То якъ налѣпіяпъ опгъ-пгъ возулі ,
 Що насъ не забулі! . . .
 Що жидъ, а що дѣдъ, а що й Запоробській козакъ! —

— Ой пошли козакі на чопырї шляхі,
 Що на чопырї шляхі, а на пѣше на Подолье.
 Що однимъ полемъ, по пошовъ Самко Мушкетъ;
 А другимъ полемъ, по пошовъ Спецько Кукуруза;
 А третімъ полемъ, по пошовъ Карпо Пѣвпо-
 ра-Кожуха —
 На конику выгравѣе, пѣсню спѣвае.
 А за нимъ идуть мало-мало не при пѣсячи,
 Усѣ хоробрыи повариши Запоробьцї:
 На коникахъ выгравѣюпъ, шабельками блискаюпъ,
 у бубны вдаряюпъ,
 Богови моливу посылаюпъ, креспы покладаюпъ.
 А Карпо Панъ Гѣшманъ на конику выгравѣе,
 пѣсню спѣвае:

— „Пресучая ша журба,
 Менѣ изсушила,
 Вона менѣ молодого
 Изъ ногъ навалила.

А я пої журбѣ
 Да й не поддаюся.
 Ой поїду я до шинкарки,
 Горѣлки напьюся. . . .

Ой хто хоче меду піши —
 Ходѣмъ до жидѣвки!
 А въ жидѣвки чорні брѣвки,
 Высоки подѣвки...

И юпочка рябенъка,
 Й самá молодѣнка;
 Да якáя-жъ хорѣшая,
 Якá чепурѣнка!

Шинкарѣчко моя!
 Насыпь меду й вина,
 Да щѣ-бъ мой головѣнка
 Веселѣнка була!

— Коли ты жонáтый,
 То иди до-дому;
 А а́къ нежонáтый,
 То ночуй зо мною. —

Ой е въ мене й жѣнка
 И дѣпочокъ двѣе:
 Да не пригорѣаються,
 Сѣрденъко моє!"

П Е Р Е В О Д Ъ.

Вонъ пошли козакъ на чепыре поля, — что на чепыре поля, а на паше на Подолье. Что однимъ полемъ, по пошелъ *Самко Мушкетъ*; а за Паномъ Хорунжимъ мало — мало не три тысячи, все храбрые поварищи Запорожцы — на коняхъ гарцюють, саблями поблескивають, бьють въ бубны, Богу молитвы возсылають, кресты полагають.

А Самко́ Мушкепъ — онъ на конѣ не гарцуешь, коня сдерживаешь, къ себѣ пришагиваешь, — думаешь гадаешь... Да чтобы сто чершей бѣдою пришибли его думу, гаданье! Самко Мушкепъ думаешь гадаешь, говоритъ словами:

„А что́ какъ наше козачество, словно въ аду, Ляхи спалаятъ? да изъ нашихъ козацкихъ костей пирь себѣ на похмѣлье сварятъ? . . .

„А что́ какъ наши головы козацкія молодецкія по степи-полю полягутъ, да еще и родною кровью омоются, пощепанными саблями покроются?.... Пропадетъ, какъ порохъ изъ дула, ша козацкая слава, что по всему свѣту дыбомъ спала, — что по всему свѣту степью розлеглась, пропьянулась, — да по всему свѣту шумомъ лѣсовъ раздалась, — Туреччинѣ да Татарчинѣ добрымъ лихомъ знать дажась, — да и Ляхамъ-ворогамъ на коше опдалась? . . .

„Закрячеть воронъ степью лепучи,
Заплачеть кукушка лѣсомъ скачучи,
Закуркутопъ сизые кречеты,
Задумаюпся сизые орлы —
И все, все по своихъ братьяхъ,
По буйныхъ поварищахъ козакахъ!

„Или ихъ сугробомъ занесло, али въ аду попопало: что не видно чубашыхъ — ни по степямъ, ни по лугамъ, ни по Татарскимъ землямъ, ни по Чернымъ морямъ, ни по Ляшскимъ полямъ? . . .

Закрячеть воронъ, загрѣеть, зашумитъ, да и полепиптъ въ чужую землю. . . . Анъ нѣтъ! косши лежашъ, сабли шорчашъ; косши хрусшашъ, пощепанны сабли бренчашъ. . .

„А черная, сивая сорока оскалилась и скачеть. . . А головы козацкія — словно швецъ-Семень шкуру поперялъ!

А чубы́ — словно чортъ жгушы повилъ: въ крови всѣ за-
сохли: по-то и славы набрались!

Вотъ пошли козаки на чешыре дороги, — что на
чешыре дороги, а на пяшое на Подолье. Что однимъ по-
лемь—то пошелъ Самко́ Мушкешъ, а другимъ полемъ *Сте-
панъ Кукуруза*; какъ сизая голубка, свою буйную голову
повѣсилъ. А за нимъ идушь мало-мало не шрѣ тысячи, все
храбрые поварищи Запорожцы: на коняхъ гарцууютъ, са-
бельками поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молимымъ
возсылаютъ, кресты полагаютъ, къ Степану Кукурузѣ такіа
слова говорятъ:

— Живъ-ли ты, здоровъ-ли, Панъ Степанъ? Или ты
умеръ, что швою головушку какъ дубомъ пришибло къ землѣ?
Раздумье не въ поминанье! Когдажъ нибудь да надо по насъ по-
минки шворить. Какъ по насъ, Пане! спарыа бабы спанушь
въ полѣ свистѣть; а по тебѣ, Пане, молодья дѣвицы за-
чнушь голосить! —

— „Да по все одинако, что Якимъ, что Яковъ! Вотъ
какъ дойдемъ до пяшаго яра, по хошь и середь лѣша —
зашумить, загудеть не-приведи-Богъ-буря. . . Будеть и
нашимъ бѣда, какъ куковала кукушка спелью лепучи, лѣсомъ
скачучи. Что она куковала, то правду говорила. Налешать
орлы сизые, спанушь горевать; а вѣроны налешатъ, спа-
нушь добычи ждатъ, поджидать. Вотъ какъ налешатъ лѣ
кукушки, что насъ не забыли. . . Что жидь, а что дѣдъ,
а что и Запорожскій козакъ. . . .“

Вотъ пошли козаки на чешыре дороги, — что на
чешыре дороги, а на пяшое на Подолье. Что однимъ полемь—

то пошелъ Самко Мушкетъ ; а другимъ полемъ — то пошелъ Степанъ Кукуруза ; а третьимъ полемъ — то пошелъ Карпо Палпора • Кожуха : на конѣ гарцуешь , поешь пѣсню . А за нимъ идутъ мало - мало не три тысячи , все храбрые поварихи Задорожцы : на коняхъ гарцуютъ , саблями поблескиваютъ , бьютъ въ бубны , Богу молитвы возсылають , кресты полагають .

А Карпо Панъ Гешманъ (?) на конѣ гарцуешь , поешь пѣсню :

Разсукина ша поска меня засушила ,

Она меня молодого , она съ ногъ свалила .

А я шой ужъ шоскъ да не поддаюсь :

Ой пойду я къ шинкароукъ горьки напыюся .

Ой кто хочеть меду пипъ , пойдёмъ до жидовки —

У жидовки чёрны бровки , высоки подьовки ,

Юпочка песпренька , сама молодецка —

Ужъ и чшо за пригожая , то-то удалая !

Шинкароука моя ! лей мнѣ меду , вина ,

Да чшобъ моя головушка веселенька была !

„Коли ны женатый , то иди до дому ;

Колижь не женатый , то ночуй со мною !“

— Ешь у меня жонка и дѣшочекъ двое —

Да не приголубится , серденько милое !

ДУМА ШЕСТАЯ.

О ХМЕЛЬНИЦКОМЪ И БАРАБАШѢ.

Въ 1646 г. Войсковою Асауль *Иванъ Барабашъ* былъ уже Наказнымъ Гетьманомъ; *Богданъ Хмельницкій* Войсковымъ Писаремъ; *Бѣлоцерковскій Климъ* мнѣ неизвѣстенъ (не Полковникъ ли *Гира?*).

Въ семь году Король Владиславъ писалъ къ Барабашу: „Когда вы естє войны добрыє, саблю и силу имѣете: кно-же вамъ за себя спатъ воспрещаетъ?“ Барабашъ скрылъ эту грамагу; но Хмельницкій узналъ содержаніе оной отъ самаго Короля, въ бытность свою въ Варшавѣ по дѣлу съ Чаплицкимъ за извѣстную обиду.

Прозшествіе, описанное въ сей Думѣ, случилось въ концѣ 1647 года. Вслѣдъ за онымъ Барабашъ былъ отъ Польскаго Правительсва сдѣланъ Гетьманомъ; а Хмельницкій воздвигся на Польшу. — Не знаю какимъ Старостною былъ тогда *Кривевскій* (убиенъ въ 1649 г.), Чагирискимъ же старостною былъ Александръ Конемпольскій.

Въ стихѣ: *Кумомъ его до себе прохавъ* — я выпустилъ слова: *до города Чигринѣ*, ибо это ошибка вѣроятно позднѣйшихъ Бандуристовъ. Слова эти я поспавилъ вмѣсто *до города Черкаса*, въ другомъ стихѣ (*Чуру своего посылавъ*); а въ стихѣ: *днемъ и ночью изъ Чигринѣ послѣдавъ* — было въ стихѣ *до Чигринѣ*.

Изъ день-години (58),
 Якъ спала престога на Украинѣ,
 То ихнѣ не може обобрати (59)!!!
 За вѣру Христіянську одностійне (60) спати;
 Только обобративъ Барабанъ, да Хмельницкій,
 да Кайсъ Владоцербовскій;
 До Король выстунали, Наверсаловъ (61)
 прохавъ,
 То Король Наверсалы писавъ,
 Самому Барабану до руки подававъ;
 А Барабанъ листы якъ завѣвъ,
 Три годы козакамъ знаннѣ не дававъ,
 То Хмельницкій пѣе догадавъ,
 Кумомъ ёго до себе прохавъ, добре утощавъ,
 А якъ спавъ Барабанъ на нѣдѣшкѣ (62) гуляти,
 Спавъ ёму Хмельницкій казани:
 „Годъ (63) шобъ, Пане куме, листы Королевскій
 держани;
 Дай менѣ хочъ прочипати
 — „На що тобъ, Пане куме, ихъ знаннѣ,
 Мы дачи не даемъ,
 Въ войсько Польске не идемъ;
 Не луччебъ намъ зъ Ляхами,
 Мосцѣвыми (64) панами,
 Мирно пробувати;
 А нѣжъ пойши луговъ пѣширати, (65)

- (58) Съ порм-времени. (59) Обобратися — вызвашься.
 (60) Одностійне — въ одну спаяу, единодушно. (61)
 Ниверсалъ — Универсалъ. (62) На-подписку —
 на-весель. (63) Годъ, буде — довольно, полно, будетъ!
 (64) Мосцѣвый — знатный, вельможный. (65) Нежел
 пойши луга шерпы

Своімъ пѣломъ комарѡвъ годоваши (66)?“

То Хмельницькій шее зачувавъ,
Ще луччихъ напѣшковъ подававъ.

То Барабашъ якъ упѣся,
На лѣжку (67) спати звалѣся.

Тогдѣ Хмельницькій ключѣ одбѣравъ,
Чуру свого до города Чигринѣ посмлавъ,
Велѣвъ ключѣ Панѣ Барабашовѣй подати,
Лѣштовъ Королѣвськихъ пшпати.

То чура до неѣ прибувае,
Словами промовае:

„Панѣ Барабашова! пшвѣй Панѣ спавъ у насъ гу-
ляпи,

А побѣ велѣвъ лѣшты Королѣвскѣй подати.

„Де-сь (68) моему Пановѣ лихомъ занудѣлось,
Що зъ Хмельницкимъ гуляпи схопѣлось!

Пѣйди въ глухомъ кѡнцѣ пѡдъ ворѡшми
Лѣшты Королѣвскѣй въ шкапулѣ вѡзми!“ —

То чура скѡро лѣшты доспавъ,
День и нѡчь изъ Чигринѣ поспѣшавъ;
Скѡро прибувавъ, самѡму Хмельницькому лѣшты
подавъ.

Тогдѣ Барабашъ рано прочинае (69),
У карманы поглядѣе — ажъ ключѡвъ немае.
Вѡнъ спѡрослу Кричѣвського пробужае,

(66) Годую, годоваша — кормишь. (67) Лѣжко —
кровать. (68) Де-сь — (гдѣ-шо), знашь, вѣрно. — Ли-
хомъ занудѣлось — бѣдою запосковалось. (69) Прочи-
наши — просыпаться, очинашься.

Двома коньми піше зъ двора выѣжае,
 Думае, гадае,
 Якъ Пана Хмельницького до рукъ прибраши,
 Ляхамъ ондѣли.

ПЕРЕВОДЪ

Съ той поры-времени, какъ началась превога на Украинѣ, никого не вызовется, чптобы дружно спать за вѣру Христіянскую. Вызвались только Барабашъ, да Хмельницкій, да Климъ Бѣлоцерковскій. Пошли они къ Королю, просили граматы *Универсаловъ*.

Король написалъ Универсалы, и подалъ въ руки самому Барабашу. А какъ взялъ Барабашъ граматы, три года не давалъ знать козакамъ.

Догадался Хмельницкій: позвалъ его къ себѣ въ кумовья и спать угостилъ. А какъ разгулялся Барабашъ на-веселѣ, спалъ ему говорить Хмельницкій: „Полно тебѣ, Панъ кумъ, Королевскія граматы держаши, — дай мнѣ хоть прочиташи!“

— На что тебѣ знать ихъ, Панъ кумъ? подаши мы не даемъ, въ войско Польское не идемъ; не лучше ли намъ спаваться въ мирѣ съ вельможными Панами Ляхами, чѣмъ идти луга поспаши, да кормиши комаровъ своимъ плѣтомъ?

Какъ услышалъ это Хмельницкій, подавалъ ему еще лучшихъ напшкковъ. Упился Барабашъ и повалился спать на кровать.

Тогда Хмельницкій отобралъ у него ключи, послалъ своего чуру въ городъ Чигиринъ, велѣлъ подати ключи Паню Барабашевой и просить Королевскихъ граматы.

Пріѣхаль къ ней чѹра и говоришь словами: „Панья Барабашева! швой Панъ оспался у насъ гуляць, а шебѣ велѣль доспашь Королевскія грамашы.“

— Видно моему Пану больно взысковалось, что съ Хмельницкимъ гуляшь пожелалось! Поди, въ глухомъ концѣ подѣ воропами — возьми въ шапкуль Королевскія грамашы.

Чура пошчасъ доспалъ грамапы; день и ночь спѣшилъ изъ Чягриня; скоро пріѣхаль и подаль грамапы самому Хмельницкому.

Барабашъ рано проснулся, поглядѣль въ карманы, а ключей нѣпть.

Будить онъ спаросшу Кричевскаго; шихо они на двухъ коняхъ выѣзжають съ нимъ со двора; думають, гадають: какъ-бы прибрашь къ рукамъ Пана Хмельницкаго и выдашь Ляхамъ? . . .

ДУМА СЕДЬМАЯ.

О ПОХОДѢ ХМЕЛЬНИЦКАГО ВЪ МОЛДАВИЮ.

Ошнесишся къ тому походу, кошорый былъ въ 1649.

Изъ низу Днѣпра тихій вѣперъ вѣе, повѣвае;
 Вѣйсько козацьке въ походѣ выступнае:
 Тѣлько Бѣгъ Свяпый знае,
 Що Хмельницкый дѹмае, гадае!
 Обѣ пѣомъ не знали ни Сѣпники,
 Ни Опшаманы Курѣнными, ни Полковники:

Тільки Богъ Свящій знає,
Що Хмельницькій думає, гадає! . . .

Якъ до Дністра прибували;
Черезъ три перевози переправу мали;
Самъ Хмельницькій напередъ-всѣхъ рушавъ,
До Холмія (70) прибувавъ, у старшого Копитана
на квартиръ спавъ,
До Василя Молдавського листы посилавъ, слова-
ми промовлявъ:

„Що ты зо мною будешъ гадати —

Чи будешъ бійся,

Чи будешъ мириться;

Чи на примірьє будешъ приймати,

Чи славної Волочины половину отдавати?“ —

То Василій Молдавській пісе зачувавъ,

До Потюцького листы посилавъ, словами про-
мовлявъ:

— Гетьмане Потюцькій,

Що въ тебє розумъ жюноцькій!

Ты за дорогими напишками, бенкетами уга-
наєшь (71) —

Чюмъ ты Хмельницького не еднаєшь? (72)

Вже почавъ вонъ землю юнськими копытами
орати,

Кривью Молдавською поливати! —

Тогдї Ляхї изъ гюрода изъ Сочавы (73) упєкали,

Василю Молдавському знаши давали,

(70) Холмія — гор. Хошинь. (71) За бенкетами уга-
наєшь — за пирами гоняєшься. (72) Еднаєшь — склю-
няєшь (на свою спорону), единить. (73) Въ Буковинь.

То Васи́лій Молда́вський до Ясєь прибуває,
 Слова́ми промовляє:
 — Ой вы Яссы мой, Яссы!
 Були естé ба́рзо (74) красны,
 Да вже не будете таки́,
 Якъ при́душь козаки́! —

То па́нъ Хмельни́цькій до́бре учини́въ: По́льщу за-
 смуши́въ,
 Во́лощину побѣди́въ, Гепи́манщину звесели́въ.

Въ той ча́сь була́ честь, сла́ва,
 Во́йсько́вая спра́ва!
 Сама́ себѣ на смѣхъ не дава́ла,
 Непри́теля по́дъ но́ги топта́ла.

П Е Р Е В О Д Ъ .

Съ низовья Днѣпра тихій вѣперъ вѣсепъ, повѣваепъ, —
 козацкое войско въ походъ выпускаепъ. Только Богъ Свя-
 тый знаепъ что, Хмельницкій думаепъ - гадаепъ! — Не
 знали о томъ ни Сопники, ни Куренные Апаманы, ни
 Полковники. . . только Богъ Святый знаепъ что, Хмель-
 ницкій думаепъ - гадаепъ! —

Какъ подѣхали къ Днѣспру, переправлялися черезъ
 при перевоза. Впереди всѣхъ былъ самъ Хмельницкій. Какъ
 вспунилъ онъ въ Хопингъ, остановился въ домѣ у спарша-
 го Капитана, посылалъ письма къ Василью Молдавскому,
 и говорилъ словами: „Какъ ты со мною будешь вѣдапсья:

(74) Ба́рзо (Польское слово) — очень, весьма. Чисто, по
 Малоросійски — дуже.

будешь биться или будешь мириться? или примешь мою
 съ миромъ и отдашь половину славной Волощину?»

Какъ услышалъ Василій Молдавскій, посылалъ письма
 къ Попоцкому и говорилъ словами: «Гельманъ Попоцкій!
 женскій у тебя разумъ! Ты гоняешься за дорогими нацип-
 ками и пирами! что ты нейдешь на Хмельницкаго? Онъ
 ужъ началъ пахать землю конскими копытами, поливалъ
 Молдавскою кровью!»

Тогда Ляхи бѣжали изъ города изъ Сочавы.

Какъ дали о томъ знанть Василью Молдавскому, приѣз-
 жаетъ Василій Молдавскій въ Яссы, говоритъ словами:
 «Яссы вы мои, Яссы! очень вы были красны! а ужъ не
 бытъ вамъ такими, какъ придушъ козаки!»

Сдѣлалъ Панъ Хмельницкій свое дѣло: навелъ спрахъ
 на Польшу, побѣдилъ Волощину, взвеселилъ Гельманщину!

Тогда была честь, слава, войсковая справа! сама
 себя на смѣхъ не давала, неприятеля подъ ноги пошпала!

ДУМА ВОСЬМАЯ.

О СМЕРТИ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Великій Богданъ предъ кончиною своею, въ 1657 Авг.
 6 собралъ въ Чигринѣ козаковъ для избранія Гельмана;
 онъ предлагалъ на выборъ, какъ значится въ Исторіи (см.
Бант. Кам. ч. II. стр. 20) *Пушкаря*, *Павла Тетерю*
 Полков. Переяславскаго, и Генеральнаго Писаря *Иоанна*
Виговскаго; а по словамъ Думы сей — Полковниковъ:
 Полтавскаго *Пушкаря*, Миргородскаго *Костыря* (или
 Лѣсницкаго), Кропивенскаго *Филона Читал* (ш. е. *Джел-*

жій или *Джеджелія*) и Кіевскаго *Вологала* (или *Адамовка*); но козаки наслѣдникомъ своему Гетьману захопѣли избрать 16-лѣшняго Гетьманича безпаланнаго *Юрія*.

Умеръ Богданъ послѣ того чрезъ 8 дней (15 Авг.), въ продолженіе коихъ, какъ видно изъ Думы, Юрій оплучался къ Бѣлой-Церкви.

По смерти Богдана дѣлами управлялъ *Виговскій* (въ Думахъ называемый *Луговскимъ*), который былъ взятъ въ плѣнъ 1648 при Желтыхъ Водахъ, попомъ вкрался въ довѣріе къ Хмельницкому, а послѣ него измѣнически дѣйствовалъ для Малороссіи и для Россіи, такъ что оспалась даже пословица: *обманувъ, якъ Луговскій Москву*. — Обманы его вполне открылись дѣйствительно чрезъ полтора года, послѣ чего въ Августѣ 1659 опять былъ избранъ въ Гетьманы Юрій Хмельницкій.

==

Зажурилася Хмельницького сѣдая голова,
Що при ёму ни Сѣпниківъ, ни Полковниківъ нема:
Часть приходили умірали,
Нѣкому порáды (75) дáли.
Покликне вѣтъ на Ивана Луговського
Писаря Вѣйскового:
„Иванъ Луговскій,
Писарь Вѣйсковый!
Скорѣйше бѣжи,
Да листы (76) пиши,
Щобъ Сѣпники, Полковники до мене прибували,
Хоть мало порáду давали!“ —

(75) Порáда — совѣтъ. (76) Листы — письма, граматы.

То Иваць Лугівський

Писарь Війсковый,

Ліспы писавъ,

До всѣхъ розсылавъ.

То Сѣпники, Полковники, якъ їхъ прочипали,
Усѣ покидали, до Гешмана Хмельницького скорѣйше
прибували.

То Гешманъ добре їхъ приймає,

Словами промовляє:

„Панове молодці! добре вы дбайте,

Собѣ Гешмана наставляйте;

Бо я спарь, болѣю,

Больше Гешманомъ не здолѣю! . . .

Коли хочете, Панове, Амѣона Волочая Кіевського,

Абѣ Грицька Коспыря Миргородського;

Абѣ Филона Чичая Кропивьянського;

Абѣ Маршина Пушкаря Полпавського.“

То козаки шее зачували, смутно себе мали,

Тяжко вадыхали, словами промовляли:

— Не прѣба намъ Амѣона Волочая Кіевського,

Ни Грицька Коспыря Миргородського,

Ни Филона Чичая Кропивьянського,

Ни Маршина Пушкаря Полпавського;

А хочемъ мы сына швого Юрѣя молодого,

Козака лестрового!

— „Вѣтъ, Панове молодці! молодой разумъ має,

Звычайевъ козацькихъ не знае!“

Будемъ мы спарыхъ людей била (77) ёго держати,

(77) Била — подля, возля.

Будушь воны ёго научани, будежь ёго добре по-
важани,
Тебе бацька нашого, Гетьмана споминани! . . .
То Хмельницькій пее зачувавъ, великую радощи
собъ мавъ,
Сядою головою поклонъ отдававъ, слезы проливавъ.
Скоро послѣ того ще й горше Хмельницькій зне-
могавъ,

Опрощене зо всѣми приймавъ,
Милосѣрдому Богу душу оддавъ. —
То не чорні хмари ясне сонце вступали,
Не буйными вѣпры въ пемнѣмъ лѣзъ бушували,
Козакі Хмельницького ховали,
Бацька свого оплакали . . .
А молодій Юрѹсъ подъ Бѣлою-Церквою гуляе,
Объ смертї опщѣвськѣй не знае,
Скоро лейтары до ёго прибували,
Лїспы подавали.
То Хмельниченко лїспы якъ прочипавъ,
Свѣта Божого не взивавъ!

То не багачо Лугѣвській гетьмановавъ,
Пѣвпорá гѣда булаву державъ.
Скоро Сотники, Полковники прибували,
Юрѹся Хмельниченка Гетьманомъ поставляли:
„Дай-же Боже! козакі промовляли:
За Гетьмана молодого
Жипи якъ за старого,
Хлѣба, соли ёго вживани, (78)

(78) Вживани — употреблянь (пицу или пивня).

Города́ Туре́цькї плїндрова́ти (79);
 Сла́вы, льщарсьшва коза́цькому во́йську доспава́ти!

П Е Р Е В О Д Ъ.

Запечалилась Хмельницкаго съдая голова, что нѣтъ при немъ ни Сопниковъ, ни Полковниковъ; приходишь смерпный часъ, а совѣша дашь нѣкому! — Говорить онъ Ивану Луговскому, Войсковому Писарю: „Иванъ Луговскїй, Войсковой Писарь! бѣги скорѣе, пиши граматы, чобы ѣхали ко мнѣ Сопники, Полковники, хоть мало бы мнѣ посовѣщывали!“ — Иванъ Луговскїй, Войсковой Писарь граматы писалъ, ко всѣмъ разсылалъ; а Сопники, Полковники, какъ ихъ прочли, все бросили, скорѣй спѣшили къ Гетьману Хмельницкому. — Гетьманъ принимаетъ ихъ ласково и говоритъ словами: „Паны молодцы! дѣлайте дѣло, ставьте себѣ Гетьмана; а я спаръ, болѣю, больше не смогу быть Гетьманомъ. Коли хопите, Паны, Антона Волочая Кїевского, либо Григорья Косшыря Миргородскаго, либо Филона Чичая Крапивенскаго, или Маршына Пушкаря Полтавскаго!“

Какъ услышали козаки, смущились они, шлжко вздыхали, и говорили словами: „Не надо намъ Антона Волочая Кїевского, ни Григорья Косшыря Миргородскаго, ни Филона Чичая Крапивенскаго, ни Маршына Пушкаря Полтавскаго: а хопимъ мы швоего сына, молодаго Юрья, козака рееспроваго.“

(79) Плїндрова́ти (съ Нѣм. *plündern*) — грабить, разорять.

— „Онъ, Паны молодцы, разумомъ молодъ, не знаетъ козацкихъ обычаевъ.“

— Будемъ держаль при немъ старыхъ людей. Будуть они его учить, мы будемъ почитать его, и вспоминашь тебя, отца нашего Гетьмана. —

Какъ услышалъ Хмельницкій, былъ радъ, проливалъ слезы, отдавалъ поклонъ съдой головою.

Скоро послѣ того еще сильнѣе занемогалъ Хмельницкій, со всѣми прощался. Милосердому Богу отдавалъ душу. —

То не черныя тучи заступали ясное солнце, не буйныя вѣтры бушевали въ темномъ лѣсѣ: козаки Хмельницкаго хоронили, отца своего оплакивали.

А молодой Юрій гуляеть подь Бѣлюю-Церковью, не знаетъ о смерти опцовской. Скоро прїѣзжали къ нему рейтары, подавали письма. — Какъ прочель письма Хмельниченко, не взвидѣлъ свѣтна Божьяго . . .

Немного Луговскій гетьманспововалъ: держаль булаву полтора года.

Скоро съѣзжались Сотники и Полковники, спавили Гетьманомъ Юрія Хмельницкаго.

„Дай же Боже, говорили козаки, при молодомъ Гетьманѣ живъ какъ при старомъ! видѣшь его хлѣбъ - соль, разоряшь Турецкіе города, доспавашъ казацкому войску рыцарской славы!“

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ III.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ПОСЛѢ БОГДАНА.

Ту кроваваго вина не доспа! шу пирь докончаша храб-
рыи Русици, свашы попиша, и сами полегоша за землю
Руськую. Ничишь права жалоцѣми, а древо съ шугою къ
земли приклонилось.

Пѣснь Игорю.

Ж. — Баторій, давшій козакамъ усройство, раздѣлялъ ихъ на *выборныхъ* и *охочекоманныхъ*.

ВЫБОРНЫЕ ИЛИ РЕЕСТРОВЫЕ (ЛЕСПРОВЫИ) козаки составляли поспоянное войско, въ мирное время бывшее пограничною стражею Украины. Они оставались не женатыми. При Баторіѣ считалось ихъ 6,000; при Богданѣ (1650 г.) въ 15 полкахъ 57,889 — кромѣ Гадяцкаго и Бѣлоцерковскаго полковъ.

З. — **ОХОЧЕКОМАННЫЕ** козаки въ мирное время вели жизнь поселятъ и промышленниковъ, но въ военное время составляли цѣлыя полки; и дано было имъ право всякаго принимать къ себѣ въ козаки, почему множеству *посполитыхъ* (*) спали опходить опы помѣщиковъ. Такимъ образомъ чрезвычайно усилилось козачество. При Баторіѣ всѣхъ вообще козаковъ считалось около 20,000; а во время возстанія было 200,000, — по сказанію Воюлана.

И. — **КОМПАНИЙЦАМИ** назывались пять полковъ, изъ охочекоманныхъ козаковъ, составившихся въ послѣдствіи и содержавшихся на жалованьи. 1776, Они переобразованы въ при полка регулярной конницы; а въ 1785 размѣнены въ корабельные полки, изъ Малороссійскихъ полковъ устроенныя.

К. — **СЕРДЮКАМИ** назывались 4 пѣхотные полка (около 1674 г. при Дорошенкѣ составившіеся, по мнѣнію Ваншышъ - Каменскаго); при Мазепѣ они состояли изъ всякаго сброду и были его пѣлохранителями, ненавистными для народа и войска козацкаго.

(*) Посполитыми назывался простой народъ (*речь*): изъ нихъ, кои не имѣли земли и дворовъ (не - грушковые), назывались *сусѣдами* и *подсусѣдами*.

ДУМА ДЕВЯТАЯ.

ОБЪ ИВАНЪ КОНОВЧЕНКЪ.

Прекрасная дума сія опносітся къ 1684, когда За-днѣ-провскіе козаки ходили въ Бѣлгородчину на Тапшарь, разби-ли ихъ подъ *Тягномъ*, и опбившись опть пришедшаго съ войскомъ Ханскаго сына, по возвращеніи своемъ, убили Гепь-мана *Кунцкаго* (поспавленнаго *Собьскимъ*) за то, что онъ бѣжалъ съ поля битвы (см. *Лѣтоп. Рубана*). *Корсунскій* Полковникъ *Филоненко*, нажешся, былъ сынъ Филона Чичая (*Джеджеля*: *Джеджели* близъ *Корсуна*, находящагося въ Кіев. губ. между Черкасiami и Богуславомъ, на р. Роси). *Крыловъ* между Чигириномъ и Днѣпромъ. *Черкень-долнина* не доли-же чюдъ и Черная долина? Городъ *Тягнъ* нынѣ се-леніе Тягинка въ Херсон. уѣздѣ между р. Ингульцомъ и горо-домъ Бериславлемъ (*Кизикерманомъ*). Рѣчка *Тягнъ* впадала съ правой стороны въ Днѣпръ, до верши ниже Ингульца.

Сарапча названа *гнѣвомъ* *Божіимъ* по пому повѣрью, будпо эти слова Еврейскими буквами написаны у ней на крыльяхъ.

На славной Украинѣ,
У славномъ городѣ у Корсунѣ

Кликне, покликне Хвилоненко, Корсунскій Пол-
ковникъ:

„Годѣ вамъ, панове молодці! домоваши,
„Идѣте зо мною на Черкень-долину гуляти,
„Славылицарьства козацькому войську доставаши!“

Опшодѣи по городѣмъ не музыки выгравѣли,
 Ослулы войсковѣи похожѣли,
 Лѣспы чинѣли, козакѣвъ въ походѣ выкликѣли:
 А хто бѣде пам-опщѣвого — промовѣли —
 Недѣлешнѣго обѣда дожидѣти;
 Той бѣде Хвилонѣнка,
 Корсунскаго Полковника,
 Въ шестѣи мѣляхъ доганѣти! —

У городѣ у Черкасѣ жила вдова спарѣнька,
 Мала собѣ (80) сына Ивана вдовичѣнка Коновчѣнка
 Вона пѣе пѣрше (81) ѣго зачувѣла,
 До господы (82) найскорѣйше прибувѣла,
 Усѣ конѣи изъ господы позсылѣла,
 Все оружье у комнѣтну замыкала,
 Къ дому Божому до церкѣви поспѣшѣла.
 То Ивасѣ одѣ сна прѣтинаѣ по хѣпѣ поглядѣе (83) —
 Ажѣ ни одѣи шаблѣи булапѣи,
 Пищѣли семицѣяднои
 На спѣнѣи немѣе!

У спѣнѣи (84) ухожѣе, а на спѣнѣи ни одѣного конѣи
 воронѣго.
 Вѣмѣи нѣньку спарѣньку бѣля церкѣви доганѣе, сло-
 вами промовѣе:
 „Не-дѣбре ты, маѣти, згадала,
 Що всѣ конѣи изъ господы позсылѣла,
 Все оружье у комнѣтну замыкала;
 А лучѣебѣ ты, маѣти, зрѣбѣла, (85)
 До города Крылова одѣзѣла,

(80) Имѣла у себя. (81) Сперва, прежде его услышала. (82)
 Господа — домъ. (83) Пробуждается. (84) Спѣнѣя —
 сарай лошадиный. (85) Сдѣлала.

Спо злопыхъ жиду оландарю (86) давала ;
 У нарядѣ доброго коня куповала ,
 Менѣ молодого въ походѣ агаряжала ! —
 „Маешъ ты чопыри воли чабанымъ (87) ,
 Два кони опщевскій ворожымъ ,
 Можешъ добре у Черкасѣ поживати ,
 Козакѣвъ на хлѣбъ , на сѣль заклакати.“
 — Що менѣ съ того, що буду я добре поживати,
 Будушь менѣ козаки за хлѣбъ , за сѣль поважати !
 Тѣлько будушь менѣ , маши ,
 На-пѣдипку , гречкосѣмъ , домоптаремъ (88) ве-
 личаши ,
 Коня моего прибудую называти .
 И вже менѣ не чѣспь , не подѣба (89) по рѣльямъ
 (90) споникаши ,
 Жовпыхъ чобѣтъ каляши , (91)
 Дорогимъ сувни пыломъ (92) набивати !
 А хочешся менѣ , маши ,
 Пѣйши пѣдъ городъ Тагиню гуляши ,
 Славы лыцарества доставати ! . . —
 То нѣе промовлявъ ,
 У мѣньки спаренькомъ благословѣнья бравъ ,
 Изъ дому опщевского постѣшавъ ,
 На Черкѣню-долину зъ козаками прибувавъ .

Не ясенъ соколъ на долини по шабуру гудяе ,
 Не бѣлая лѣбедь спѣвае :

(86) Оландарь — арендаторъ. (87) Чабаный — выхо-
 женный. Чабанъ — пасухъ. (88) Домосѣдъ. (89) При-
 личіе. (90) Ролѣ — борозда, пащина. (91) Пачкашь. (92).
 Пыль — Пыль.

Полковникъ Хвильоненко похожаетъ,

Словами промовляетъ :

„Копорый-по, панове молодці, козакъ дородный (93),
Ще й конь подъ нимъ воздобный (94),
Пойде за мною на Черкениу-долину гуляши,
Славы лыцарсытва козацькому войську доставали?“

То Ивасъ Коновченко пее зачувавъ,
Напередъ всѣхъ благословенья прохавъ (95).
„Ты дилина, Ивасю, молодá! полковникъ промовлявъ —

Ни на полъ, ни на моръ не бувало;
Смерпий били себѣ не видало,
Якъ звычайи козацькѣ познаешъ,
Лучче погди погуляешъ.“

— Не всѣ спарѣ пшци высоко лепяють,
Не всѣ опарѣ щуки карасевъ хапають,
Трапляется (96), бальну, що крячя (97) малее
Ловишь рыбку красче нежь спарее. —

То Ивасъ пее промовлявъ,
Зъ Полковникомъ на долину выѣжавъ,
Дванадцать Тапартъ передъ мечъ принявъ,
Шестъ на арданъ звывавъ,
Хвильоненку гостинца подававъ.
То Полковникъ бусурмановъ принимаетъ,
Ивася Коновченка били себѣ сажаетъ, славу его выхвалаетъ.

То Ивасъ великую радость має, словами промовляетъ:
„Благослови меня, бацьку, оковитой (98) напишья,

(93) Способный (94) Удамый? (95) Просиль. (96) Случается. (97) Крячокъ, ушка. (98) Оковитая — aqua vitae! — хлѣбное вино.

Я не зарѣкаюсь съ бусурманами ще лучше побиться,
 — Не велю я побѣ, сыну, оковитом нашивати,
 Да ищши съ бусурманами на долину гуляши;
 Колижъ вже ты хочешъ ея нашивати,
 То велю въ моёмъ намѣстѣ лягти (99) спочивати.
 „Сей менѣ хмѣль не буде заважати (100),
 А буде моему сѣрдицю смѣлосщи додавати.“

То не вихорь по Черкѣнѣ-долинѣ гуляе,
 Не сізый орѣль яспребѣвъ ганяе,
 Вдовичѣнко Коновчѣнко на ворономъ конѣ розъ-
 ѣзжѣе,
 Мечѣмъ своимъ якъ блискавка сѣе,
 Трѣхъ Татаръ-яничаръ зъ коней збивѣе;
 Тогдѣ шаблю буляшну опускае,
 Козакѣмъ льщарьство своё выхваляе,
 Безпѣчне по долинѣ розъѣзжѣе,
 Бусурмановъ на смѣхъ подѣймае.
 То безбожнѣ бусурманы тѣе зачували,
 Наилого козака заразъ познавали,
 Больше ему поля гуляши попускали,
 Одъ шабура козацького заразъ отбивали,
 Гнѣвомъ Божимъ, саранчою, на козака налѣпали,
 Шаблями, пистоллями смершными раны даровали,
 Только коня козацького не поймали. —
 То добрый конь до шабура прибѣгае,
 По курямъ гуляе, гострыми копытами зѣмлю
 копае,

(99) Лягаю, лягши — ложусь, лечь. (100) Тягосить.
 Вага — шажесть.

Смѣшно ржучи, козака своего выкликае.
 То Хвилонѣнно пѣе зачувавъ,
 Изъ намѣна своего выпунавъ, словами промовляеъ:
 „Оп-сѣ вы, брѣпцѣ, недѣбре зрѣбѣли,
 Що напилѣго козака гуляпи пуспили,
 Мовъ вы самѣ его зъ свѣпѣа згубѣли.
 Дѣбре вы дбѣйте, оружье заправлѣйте,
 Бусурманѣвъ одъ пѣла козацького опбѣвалѣте,
 Бо вжѣ не-дарѣмъ козацькѣй кѣнѣ по пѣбуру гуляе,
 Мѣбушь Ивѣся Коновчѣнка на свѣпѣ немѣе.“ —
 То козаки пѣе зачували, на долину найскѣрѣйше
 послѣшали,
 Бусурманѣвъ одъ пѣла козацького опбѣвали,
 Шаблями, надѣлками (101) суходѣль копѣли,
 Шалкѣми, припѣлами пѣрстѣ выбѣрали,
 Ивѣсю Коновчѣнку могѣлу насыпѣли,
 Въ семипѣднѣи пищѣли грѣмали,
 У сурѣмки жалѣбно выгравѣли,
 Слѣву козацьку выхваляли. —

Скѣро послѣ пѣго спѣли козаки пѣбурь изнѣмѣли,
 У городѣ христѣянскѣй уснуѣли.
 То вдовѣ старѣнька
 Мѣти Ивѣся Коновчѣнка
 Не у дѣмѣ ся-мѣла,
 На базѣрѣ солѣдкѣй мѣдѣ выспавляла,
 Сѣна своего Ивѣся Коновчѣнка выгляѣдала.
 Пѣрва сѣпѣна насупѣе,
 Вдовѣ сѣна не видѣе.

(101) Надѣлокъ — заступъ?

Друга соння вступа, самъ Хорунжій попереду иде,
 Два козака козацького коня на поводяхъ веде.

Вдова пее забачала,
 Жалобными слова промовляла,
 Славы, смертій сына свого пишала,
 Всѣхъ козаковъ на хлѣбъ, на соль закликала,
 Похороны и весѣлья Ивасю опбувала,
 Полковнику козацького коня даровала,
 Старшіймъ шаблѣ, пицалѣ Ивася роздавала.

Полягла козацька молодѣцька голова,
 Якъ одъ вѣспру на спену права!
 Слава не вмре, не поляже,
 Лыцарсьшво козацьке всякому розкаже! . . .

ДУМА ДЕСЯТАЯ.

О ПАЛѢ И МАЗЕПѢ.

Во 2й часпи сей Думы сдѣланы нѣкоторые поправки по списку Ходаковского, въ собраніи коего она находится какъ отдѣльная пѣсня, что видно и по самому ея складу. Происшествіе, воспѣное въ ней, случилось въ Бердичевѣ 1704, послѣ чего Палѣ былъ сосланъ въ Сибирь.

Конецъ Думы относится уже къ 1709 году и представляетъ Палѣ сильно участвовавшимъ въ Полтавской побѣдѣ, послѣ коей остались въ Малороссіи и пословицы: 1) Добулся якъ Шведъ пѣдъ Пѣлшавою, 2) Не цѣвъ Пѣлшавськом водѣ (не испышалъ горя).

Ой ты гадаешъ, Мазѣпо, ты гадаешъ замѣняши,
 Ой ты хочешъ, ты хочешъ Царя одступати!
 Ой ты гадаешъ, Мазѣпо, въ пѣнь Москву рубати,
 А самъ хочешъ да на споліцѣ царѣмъ царствовати!

Ой що замовивъ Гѣтьманъ Мазѣпа къ Палѣю
 Семѣну:

— Ой Палѣю, Палѣю Семѣне! чи не зрадишъ (102) ты
 мене?

„Ой якъ же я маю, Гѣтьмане Мазѣпо, тебѣ изра-
 жаши,

„Коли ты будешъ, Гѣтьмане Мазѣпо, добре почи-
 наши.“

— Я думаю, Палѣю Семѣне! въ пѣнь Москву ру-
 бати,

А самъ хочу да на споліцѣ царѣмъ царствовати! —

„Вперѣдъ-же ты будешъ, Гѣтьмане Мазѣпо, у
 сповба стояши (*),

А нѣжъ будешъ на споліцѣ царѣмъ царствовати.“

Ой не знавъ, не анавъ проклятый Мазѣпа якъ Па-
 лѣя завапи;

Ой спавъ же, спавъ проклятый Мазѣпа на бен-
 кѣпъ запрошапи.

(102) Зражати — измѣнять (кому), предавать (кого).
 Израдливый, зрадливый — предательскій.

(*) Привязывать къ сполбу, было однимъ изъ позор-
 нѣйшихъ наказаній у козаковъ.

— Ой прїѣдь, прїѣдь, Палвю Семѣне!
Да на бенкетъ до мене! —

Ой скоро Палвенко Семѣнъ зъ своимъ войскомъ
прїѣзжае,
Ой пакъ скоро прокляпый Мазѣна чашу мѣду вы-
сылае.

Ой пѣ Палвї, ой пѣ Семѣнъ да головоньку клонилъ,
А Мазѣникъ чѹра Палвю Семѣну кайданы гошовилъ.
Ой пѣ Палвї, ой пѣ Семѣнъ, изъ ногъ извалился,
Бѣрзо шому Гешманъ Мазѣна споя звеселился.

Ой якъ крикне прокляпый Мазѣна на свой гайдукъ:
— Ой възьмѣте Палвѣ Семѣна да у шѣснѣхъ руки! —

Ой якъ крикне прокляпый Мазѣна на свой лейпары:
— Ой възьмѣте Палвѣ Семѣна закуйте въ кайданы!

Ой якъ крикне прокляпый Мазѣна на свою возницю:
— Ой възьмѣте Палвѣ Семѣна да вкѣните въ
темницю!

Не давъ Гешманъ Палвю Семѣну ни пѣши на вѣши,
Доколь не выславъ прокляпый Мазѣна на спо-
лицю липы.

— Опшю-жь побѣ, промовляе, Царю! естѣ Палвѣ
камѣнникъ!

Вонъ тебѣ хоче вже одступани, въ пѣнь Москвѣ
рубани,

А самъ хоче да на столицѣ царѣмъ царшвовани. —

Обозвѣсья Палвѣ Семѣнъ зъ темномъ темницѣ:
„Брѣше, брѣше (203) прокляпый Мазѣна въ Царя на
столицѣ!

(103) Брѣхати — лгати, лаяти, лалати — браниши.

Опже-жь побѣ, да праведный Царю! самъ Гѣпъ-
манъ измѣнникъ,
Вонъ тебѣ хоче вже одступати, въ пень Мо-
сквѣ рубати,
А самъ хоче да на столицѣ царемъ царствовати.“

Ой що взмóвлять мосцѣвьи паны до праведна Царя:
Выпускай ты, да праведный Царю, Палѣя зъ темницѣ,
А по бѣдущѣ бусурманы Шведы на своѣй столицѣ.

Да щѣ хмѣль, да щѣ зеленѣнкій на пычѣну не
звѣлся,
А вже Палѣи пòдъ Полпáвою изъ Шведомъ побився.
Да щѣ хмѣль, да щѣ зеленѣнкій головòкъ не зхилѣвъ,
А вже Палѣи пòдъ Полпáвою и Шведòвъ побивъ.
Ой кликне, покликне да Корòль Шведській, на гар-
манѣ спòя:
„Впѣкаймо скорѣйшь, Гѣпъмане Мазéпо, зъ Пол-
пáвського пòля!“ —
Тогдѣ вони упѣкали усѣ зъ-пòдъ Полпáвы. . .
Богдѣй вони не дòждали бѣпсья зъ козаками!

П Р И Б А В Л Е Н І Е.

ДУМА ОДИННАДЦАТАЯ.

ОТЪЪЗДЪ КОЗАКА.

Сія небольшая Дума переложена изъ пѣсни: *Гомбнъ гомбнъ по дубровѣ* (см. Кн. III. No I.), подобная коей есть и между Липовскими пѣснями; и между Рускими (*Отець на сына прогнѣвался*).

Въ недѣлю рано-порано не у всѣхъ дзвонъ (104) дзвонили,
Якъ у вдовинѣмъ дому гомонѣли.

Лихій вѣпчимъ козаченька молодого лае,
Мати сыну слѣзно промовляе:

Иди шы, сыну, мѣжь чужимъ люде,
Чи не лучче побѣ на чужинѣ буде?

Нехай (104) шебѣ чужій башько, сыночку, не лае,
Счѣспя твого козацького на-вѣкъ не збавляе!

Тяжко, пѣжко менѣ шебе

Зъ дому одправляши,

А щѣ пѣжче била себе

Въ знегодѣ держати!

Хочь пойдешь шы на чужину —

Слѣзы менѣ липи;

Хочь зоспаваю шебѣ, сыну —

По всякъ часъ пужити! . . .

(104) Дзвонъ — колоколь. (104) Нехай, хай — пусть,
не-замай (въ Библии — небрани).

То старшая сестра конёнка выводилъ ;
 Що найменша рыдае ,
 Словами промовляе :
 Изъ якои тебе , брата ,
 Спороньки ждаши ?
 Чи одъ чистого поля ,
 Чи одъ Чорного моря ,
 Чи одъ славного Заморозья ?

„Возьми ты , сестро , жовтого пёску ,
 Да посей ты , сестро , на бѣлому камнѣ :
 Коли буде жовтый пёсокъ выросташи ,
 Зеленымъ барвинкомъ камень успилаши !
 Въ той часъ буду , сестро , до васъ прибувати !
 Бо якъ пѣжко на безводьи рыбѣ пробувати ,
 Такъ пѣжко на чужинѣ безродному проживати !“

То шее промовлявъ , на коня сѣдавъ , опрощенье
 приймавъ ,
 Смѣшно зъ двора опцевського козакъ выѣзжавъ .
 Довго вонѣ на могилѣ край села спояли :
 Довго , довго козаченька вѣчьми проважали , —
 А ще довше вонѣ ёго дома оплакали .

ДУМА ДВЕНАДЦАТАЯ.

ТОСКА СЕСТРЫ ПО БРАТЪ.

Не сіза возуленька въ шёмномъ луаѣ кувала,
Не дробная пташка въ садку щебепала,
Сеспра въ брапомъ изъ-далека розмовляла,

Поклонъ посылаа:

„Брапнику мой милый,
Якъ голубонько сивый!

Приди до мене изъ чужой спороны,
Посыли мене при лихой години!“

—Сестро моя родненька,
Якъ голубонька сизенька!

Якъ я маю прибувати,
Тебе навѣщапи,

За тёмными за лѣсами,

За дальными за степами,

За быспрыми за водами? . . .

„Черезъ шёмный лѣсъ яснымъ соколомъ лепи,
Черезъ быспрымъ воды бѣлымъ лебедемъ плыви,
Черезъ степы далекіи перепелочкомъ бѣжи,
На моёмъ, брапе, подвѣрѣи ны голубонькомъ пади,
Добре слово взговори,

Моё сердце сиротское завесели!

Чужѣи, брапе, сестры зъ дому Божого идуть,

Всѣ якъ бчѣлочки (105) гудуть,

(105) Бчѣла или бджѣла — пчѣла.

На хлѣбъ, на соль людѣмъ закликаюшь,
Менѣ-жъ, братце, словомъ не займаюшь,
Мовъ въ вѣчи не знаюшь . . .

А якъ коли-сь зъ нами хлѣбъ-соль повожали,
Въ пой часъ кумами, побратами звали;
А якъ приспѣгла несчастна година —
Названа и кровна одреклась родина. . .“

КНИГА ВТОРАЯ.

ШЕСТИ КОЗАЦКІЯ

БЫЛЕВЫЯ.

То старина, по и дѣянье:
Синему морю на утѣшенье,
Быспрымъ рѣкамъ слава до моря,
А добрымъ людямъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на погудочки,

Стихъ о Дюкѣ Степановицѣ.

Л. — ГАЙДАМАКАМИ сначала называли сами себя Запорожцы. Это слово значить — бродяга; а Запорожцы вроятно въ началѣ были почти поже, что *брѣдники* Молдавскіе. Въ послѣдствіи имя Гайдамакъ на Украинѣ усвоилось только стѣмъ вапагамъ Запорожцевъ, кои, не составляя *войска Запорожскаго*, охотились разбоемъ: всѣхъ же Запорожцевъ Гайдамаками называли только Поляки въ бранномъ смыслѣ, подобно тому, какъ и слово Козакъ было бранное, особенно у Турковъ.

Войцеховичъ и Срезневскій пишутъ *Гайдомакъ*, производя отъ *гай* (лѣсъ) и *домъ*, — лѣсной жилище; но мнѣ кажется, что вышесказанное значеніе вѣрнѣе: Гайдамакъ слово Татарское, употребительное также еще у Турковъ, Молдаванъ: *гайда* — пошѣлъ, гуляй; *макъ* — окончаніе неопредѣленнаго наклоненія. Впрочемъ слово *гайда* иногда употребляется какъ существительное имя, почти однозначительное съ Украинскимъ словомъ *гультай* — гуляка (откуда и слово *гультайство*).

М. — КРАВЧІНА: такъ называло себя Запорожское войско при Наливайкѣ — не потому ли, что сей любимый ихъ вождь сначала занимался шипьемъ *кожуховъ* (пулуповъ), былъ *кравецъ* (портной)? Это обращалось ему въ укоръ и насмѣшку отъ прошивниковъ, что и могло заставить Запорожцевъ гордиться этимъ и нарочно принять себѣ это имя.

ВВЕДЕНИЕ.

Нашествіе Монгольскихъ Ордъ (1224—38) отдалило елишкомъ на 4 вѣка *Южно-Русскую* или просто *Русскую землю*, т. е. *Украину*, отъ ея родшвеннаго союза съ *Сѣверно-Русскими* Княженіями, съ коими она соспавляла древній періодъ нашей Исторіи, и пошомъ вмѣстѣ съ ними сполѣшь влачила пягопу ярма Ташарскаго. — Въ по время развивалась на Западѣ другая орда, Европейская: въ 1340 г. Гедиминъ отбилъ Кіевъ у *поганой Татары*, и Украинвою овладѣла *Литва беззаконная*, водившая храбрыхъ *Русиетей* на Ташаръ и на Крѣжакѡвъ. Пошомъ Украина и Литва вступили въ союзъ съ Польшею (*Pacta Conventa*, 1434); но въ послѣдспвіи Кіевъ изъ Княжества обращенъ въ Воеводство (1478) и Украина вмѣстѣ съ Литвою подпала подъ власть Польши.

Въ сей-по *Литовскій* періодъ Украины (съ 1340) зачалась *Московія* — юное сердце, *punctum saliens* *Великой Россіи*; и между тѣмъ какъ оно, выходя изъ пѣнкой мглы Ташарской, крѣпилось и росло въ сей исполинскій и мощный организмъ, — на Югѣ зачиначось *Козачество*, копорое, подобно лешучей комешѣ, вспыхнувъ на Украинѣ, грозно пронеслось въ мірѣ, огневою черптою означило слѣдъ свой въ Исторіи, и — присавъ къ Воспочному Солнцу, вошло въ систему великаго міра его.

Внѣшніе набѣги Ташаръ и внутреннее угнешеніе отъ Литвы и Польши, въ оное время общаго хаоса, служило поводомъ къ соспавленію *Козачества* за Порогами Днѣпровскими — шамъ, гдѣ воинственный Святослав сложилъ свою буйную голову, сей первообразъ головъ козацкихъ! . . . *Запорожье* было гнѣздомъ, гдѣ роилась дружная, отважная, холостная вапага *вольныхъ Козаковъ* — плодилась безъ матери, ибо для нея была *Свѣтъ матери*, а *великій Лугъ батько*. Козаковъ сводила и дружила жажда воли, месши, бишвы и добычи, и всякой выходець — кшобъ онъ ни былъ —

могъ сдѣлаться ихъ братомъ - поваричемъ, только бы, при-
неся съ собою удалую боевую *отвагу*, онъ принялъ *Гре-*
тескую вѣру и *языкъ ихъ*.

Двѣ стихіи сіи, ш. е. *Азіатски-наѣздническая* и *Греко-*
христіанская, глубоко приняты были кореннымъ племенемъ
Украины еще въ Дотатарскій періодъ нашей Исторіи. Духъ
боевой, наѣзднической воспихали въ немъ непреспанныя схватки
и сближенія съ ордами Азіяшцевъ; а въ сношеніяхъ съ
Византійцами они получили Восточное христіанство и *пись-*
мѣнство. Живое сліяніе сихъ двухъ стихій съ *природнымъ*
свойствомъ ихъ души составило ихъ характерную особен-
ность. Природное же свойство ихъ состоишь въ угрюмой,
споль способной къ внутренней жизни *глубинѣ* духа, кото-
рую искони воспило въ нихъ родное имъ *Черное* или *Рус-*
ское море, и въ *грустномъ безпегьѣ*, къ коему располо-
жила ихъ жизнь степей Днѣпровскихъ. Ибо Украинцы или
Малороссіяне соспавляютъ Восточную половину *Южныхъ*
или *Черноморскихъ* Руссовъ, имѣвшую своимъ средоточіемъ
богоспасаемый градъ *Кіевъ*, именовъ коего называлась иног-
да и самая спрана ихъ — *Земля Руськая, Украина* или
Малороссія (1). Западная половина ихъ составила Черьленную
(*Красную*) *Русь* или *Галицію*, гдѣ *Южно-Русскій* языкъ
ихъ и нынѣ называется *Руськимъ*, у насъ же названіе
Русского усвоилось языку Сѣверно - Русскому или Велико -
Русскому.

(Слово о полку Игоревѣ есть драгоцѣнный памят-
никъ Южно-Русской Поззіи XII вѣка, имѣющій, по моему
мнѣнію, поэпическое однородство съ Думами и пѣснями
Украинскими.)

(1) Напримѣръ въ Никои. Лѣт. Ч. 3. с. 4. — „Того-же (1239)
„лѣта Башый нача посылати рашь на грады Рускіе, и вѣдша
„градъ *Переяславль Рускій* иже въ *Кіевъ*.“ Переясловъ
всегда въ сей Лѣтописи наз. Рускимъ, въ оплчїе онъ Пе-
реяслава Залѣскаго.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

БЫЛЕВЫЯ ПѢСНИ

О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ДОУНИАТСКИХЪ.

Полягла козацька молодѣцька голова
Якъ одь вѣпру на спелу права!
Слава — не вмере, не поляже,
Лыцарсьшво козацьке всякому розкаже! . .

Дума X.

ЗАМѢЧАНІЕ I.

Въ началѣ 16 столѣтія Козачество изъ Запорожья разливалось уже по Украинѣ, и мало помалу пересиливало собою такъ называвшееся *рыцарство Шляхѣтное*. — Татарскимъ именемъ *козака*, означавшимъ первоначально только *наѣзника*, стали называться уже всякой добровольный воинъ. Наконецъ это слово обратилось въ народное, коимъ называли себя Украинцы. „Козаковъ—по словамъ льпописи — на Украинѣ было сполько, сколько и людей: „речешь старшій слово, абіе войска числомъ аки права „будешь!“ — Такимъ же образомъ изъ Нѣмецкаго *рейтара* (Ritter) или *всадника* образовалось при подобныхъ обспоятельстввахъ *Западное рыцарство*, въ противоположность коему *Козачество Украинское* предспавляло собою *рыцарство Восточное, народное*, имѣвшее и свою народно-рыцарскую или Козацкую Поэзію, и свою народную войну за Восточную Церковь, и нашедшее себѣ владыку въ единовѣрномъ Царѣ Восточномъ (или Московскомъ).

Съ 1506 года *Евстафій Дашковичъ* былъ пождемъ Запорожцевъ; а сподвижникъ его *Предиславъ Ланцкоронскій* былъ первымъ Гетьманомъ Козачества Заднѣпровскаго и основателемъ онаго въ Хмельникѣ. Попомъ предводили козаками *Венжикъ (Венцеславъ) Хмельницкій, Димитрій Вишневецкій*. Въ 1564 — 1574 козацкимъ Гетьманомъ былъ *Иванъ Свирговскій* — *тойбѣ Слава дней своихъ!* Послѣ него вождемъ козацкимъ былъ побѣдоносный *Богданко Ружный*, который въ 1576 отъ Короля Башорія (или *Батыря*) получилъ шишулъ *Запорожскаго Гетьмана*, клейноды, бунчукъ, булаву и войсковую печать съ гербомъ, а Козачество было возвышено, и Украина получила устройство воинско-гражданспвенное.

Послѣ Богданка Гетьманами были *Иванъ Подкова* или *Серпяга* (1577), *Шахъ* или *Жахъ*, наконецъ *Скалозубъ*.

Весь эпопъ періодъ можетъ названъ быть періодомъ *воинской славы Козаковъ*, воевавшихъ въ сіе время съ Татарами, Турками и Волохами, не только на сушѣ, но и на Черномъ морѣ, по коему разѣзжая на своихъ лодкахъ, они производили опустошенія въ Синопѣ, Трапезонпѣ и Царьградѣ; рядъ сихъ подвиговъ заключаешся славнымъ морскимъ походомъ Скалозуба, 1589.

ПѢСНИ О СВИРГОВСКОМЪ.

Здѣсь говорится опредѣлительно о смерти сего славнаго Гешмана, послѣдовавшей 1574; когда онъ ходилъ на Турковъ по призыву Господаря Молдавскаго Іоанна Армянина.

1 (*).

Якъ погó Пана Ивана,
Що Свѣргóвського Гешмана,
Да якъ бусурманы поймали:
То голову ёму рубали,
Ой голову ёму рубали,
Да на бунчукъ вѣшали,
Да у сурмы выгравали,
Зъ ёго глумовали.

А изъ нѣзу хмара спига́ла,
Що вóронóвъ ключа набѣга́ла,
По Укра́инѣ шуманы клáла;
А Укра́ина сумова́ла (106) —
Ой Укра́ина сумова́ла,
Свогó Гешмана оплакала.

Тодѣ буйнѣ вѣпры завывали.

— Дѣ-жь вы на́шого Гешмана сподѣвали?

Тодѣ вѣчепы налѣпшали.

— Дѣ-жь вы на́шого Гешмана жалковали?

(106) Сумова́ши — грустить, горевать.

(*) Изъ Запорожской Спарины кн. I. — Тамъ составлены въ одну 2, 3 и 4 пѣсни; но я предсказываю ихъ порознь, надѣясь дополишь ихъ при помощи моихъ чинашелей.

Тоді орлы загомонѣли (107).

— Дѣ-жь вы нашого Гѣшмана зхоронили ?

Тоді жайворонки повилися.

— Дѣ-жь вы изъ нашимъ Гѣшманомъ проспилися?

У глыбоко́й у моги́лѣ,
 Бѣля́ го́рода бѣля́ Ки́ліи,
 На Туре́цько́й ли́нѣи !

П е р е в о д ъ .

Какъ шого Пана Ивана, что Гешмана Свирговскаго, да какъ поймали бусурманы; по рубили ему голову — ой голову ему рубили, да на бунчукъ вѣшали, и въ трубы играли, и глумились надъ нимъ.

А съ низовья шянулась шуча, набѣгала что спая вороновъ, и сплала туманы по Украинѣ; а Украина горевала; охъ, горевала Украина — своего Гешмана оплакивала !

Тогда завывали буйные вѣтры . . . Гдѣ вы дѣвали нашего Гешмана? — Тогда налепали кречеты . . . Гдѣ вы лужили по нашемъ Гешманѣ? — Тогда закричали орлы . . . Гдѣ вы схоронили нашего Гешмана? — Тогда повились жаворонки Гдѣ же вы проспились съ нашимъ Гешманомъ ?

— Въ глубокой въ могилѣ, возлѣ города возлѣ Киліи, на Турецкой линіи.

(107) Го́монь — крикъ, шумъ, гамъ.

2.

Ой у городъ у Черкасъ сурмы засурмили,
Якъ тѣ Ляшскіи комисары до Гетьмана приходили.

Ой у городъ у Черкасъ бубны заорали,
Якъ тѣ Ляшскіи комисары до Гетьмана прибували.

Ой заржали коніи, коніи, да подъ гору идучи,
Заголосили бусурманы до Килии идучи.

Опть, якъ панъ Свѣрговскій до Килии прибувавъ,
Усѣхъ козаковъ збиравъ, да на Радѣ прохавъ.

Сизымъ орликомъ лѣпавъ, яворонькомъ гнѣвся:
— Дѣ-сь то я, мой милы брашня, да й сподѣнуса?

Сподѣнуса панъ Свѣрговскій у сырѡи могилѣ,
Якъ козаки били ёго да загомонѣли!

3.

Ой панъ пышный, панъ Свѣрговскій,
А ще другій панъ Зборовскій,
А ще третій Морозенко,
А четвёртый панъ Горленко.

Що зъ Волóхами Туроко дерѣпся
А зъ Тапáрами Вóлохъ бѣпся.
Да Волóскіи зѣмли руйнѣють,
Плѣндрѣють ще й не милѣють.

Не то батенько сына прощавъ
Шаблю да збрѡю дававъ;
А то мáши сына выпровожала —
Що слѣзми опрощѣнье давала,
Що на горѣ собѣ ёго выговдала.

Плакала спарá ба́ба Гриці́ха,
 Мо́въ перепелі́ха, мо́въ перепелі́ха.

Молода́ сестра́ со́нь - праву́ (108) ирва́ла,
 Спару́ю пыпа́ла, спару́ю пыпа́ла :

— Чи той со́нь-права́ коза́цькая си́ла?

Чи той со́нь-права́ коза́цька моги́ла?

„Ой той со́нь-права́, голу́бонько, зроспівся у по́льї,
 Да по́ймала шу праву́ медо́ля, да дала́ мо́ей до́нї.

Ой до́ню-жъ, до́ню, мо́я до́ню! го́дї сумова́пи,
 Що на́шого молодого́ Йва́на въ моги́лї шука́пи! (109)

ПѢСНИ О МОРОЗѢНКѢ.

Въ 3й пѣснѣ о Свирговскомъ *Морозенко* упоминается какъ его сподвижникъ: и полько основываясь на семъ, я помѣщаю здѣсь пѣсни объ эпозѣ козакѣ, весьма любимыя въ народѣ. Изъ Испоріи Морозенко мнѣ неизвѣстны.

5.

Ой Морозе, Морозѣнку, ты сла́вный коза́че!
 За побо́ю Морозѣнкомъ Укра́йна пла́че.

(108) Эпа могильная *сонь - трава*, разцвѣщающая весною, принадлежишь къ роду Анемона (*Anemone patens*). — Анемоны, по Греч. Мие., выросли изъ слезъ Киприды, плакавшей надъ шрупомъ Адониса. По словамъ Маркевича (см. *Украинскія Мелодіи* стр. 109) въ Украинѣ сонь - правѣ приписывается и пророческая сила.

(109) Шука́пи — искашь.

Не п'ять п'яя Украйна якъ ине горде войсьмо . . .
Заплакала Морозиха идучи на мѣсто (110).

— Годъ, годъ, Морозихо, по сынъ пужйши;
Ходѣмъ зъ нами козакама мѣду, вина пйши!

„Чого-сь менѣ, мйлы брашья, мѣдъ, вино не пѣтся:
Ой дѣ-сь по мой Морозѣнко да вже зъ Туркомъ
бѣється!

Опъ, зъ-за горы, изъ-за кручи (111) горде войсьмо
высупае —

По-сам-передъ Морозѣнко сйвымъ конѣмъ выгравае.

Склонивъ-же вонъ головоньку своему коню на гри-
воньку:

— Бѣдна-жъ моя головонька! се чужая спорѣ-
вонька! (*) —

А въ нашого Морозѣнка червѣная спрѣчка (112):
Дѣ прѣде Морозѣнко — кровавая рѣчка.

За рѣчкою за Лиманомъ покѣпаны шанцы . . .

Взяли, взяли Морозѣнка въ недѣленьку вранцы.

Посадили Морозѣнка на песовѣмъ спѣльцѣ:

Зняли, зняли зъ Морозѣнка зъ черешѣвъ (113) чер-
вѣнцы.

Посадили Морозѣнка на жѣвпѣмъ пѣсѣчку:

Зняли, зняли зъ Морозѣнка кроваву сорѣчку (114).

(110) Мѣсто — кромѣ гѣрода, знач. еще и рынокъ;
мѣсце — мѣсто. Горѣдъ — огородъ. (111) Круча —
крупизна. (112) Спрѣчка — ленша узкая и спрѣчка.

(113) Чѣрешъ, черешѣкъ — чѣрезъ, въ коемъ но-
сили деньги. (114) Т. е. содрали кожу.

(*) Сей кулешъ вспрѣчается и въ другой пѣснѣ.

Въ одножъ изъ пяти варіантовъ сей пѣсни Морозенко предспавлень Уманскимъ козакомъ; вмѣсто Турковъ, онъ — зъ *Ллшньками бвется*, и конецъ пѣсни такой:

Вонѣ-жъ ёго а ни бѣли, ни въ чвѣртѣй рубáли, (115)
Тóльки зъ ёго молодого живцѣмъ сѣрдце взáли.

6.

Въ недѣленьку ранѣсеню, да щѣ до схóдъ сóнца,
Ой плакала Морóзиха, сѣдя у вòконця.

Морозѣнко козáченько якъ мáкъ розпукáвся,
Морозѣнко козáченько въ невóлю попáвся! —

— Продавáйже, мапúсенько, волѣ да корóвы,
Да выкуплáй своего сына зъ пѣжкой невóли!

Продавáй же, мапúсенько, быкѣ да телѣцѣй,
Да выкуплáй своего сына зъ сырóи пемнѣцѣй.

Не лáй менѣ, мапúсенько, грóзными словáми,
Схаменѣшся й обóльѣшся дрóбными слѣзами...

Да вяжѣ, врáжа Ташарюго, назáдъ рúки спúга,
Бúде на вáсь, козáченьки, велѣка попúга (116)!

Ой пóйдú я въ чѣсше пóле на Сáворь-могѣлу;
Ой глáну я, подивлюся на свою Вкраѣну!..

(115) Т. е. черпвершовали. Чвѣршь, чвѣршк — черпвершь. (116) Пошúга — ошрада. Тúга — печаль.

ПѢСНЯ О БОГДАНКѢ.

Можно думать, что сія пѣсня (изъ Собр. *Ходак.*) относится ко времени похода въ Крымъ (1575) *Богданка Ружаго*, споль прославившагося своими подвигами, прошедшаго съ войскомъ своимъ Малую Азію, грабившаго Царь-градъ и проч.

7.

Ой Богдѣне, Богдѣне, Запорозьскій Гетьмане!
Да чому-жъ въ чорнѣмъ ходишь, да въ чорнѣмъ
оксамитѣ? (117)

— Гей, булі-жъ въ мене гостіи, да гостіи Татарове:
Одну нѣчь ночовали: спару неньку зарубали, а
миленьку собѣ взяли.

Гей, сѣдлай хлопче коня, коня воронѣго,
Татаръ швидко доганяпи, миленькую одбивали!
Гей, у чиспѣмъ полѣ тамъ Татарѣ ночують и
вечерю гопують (118);

Татаринъ по пабору ходишь, миленьку за рѣчку
водишь.

Гей, одсунься, миленька, нехай забью Татаренка! —
— „Чи забьешъ, чи не забьешъ, пѣльк менѣ зъ
ума зведешъ!“

Чи влѣчишь, чи не влѣчишь, пѣльки мѣшканья
(119) розлѣчишь.

Ой сѣдлай, мильи, коня: пѣ-жъ не мѣи, я не твое!
Гей, коли жива буду, то я тебе не забуду!“

(117) Оксамитъ — (Греч. слово) бархатъ. (118) Гопую — гоповлю. (119) Мѣшканье — сожиганье.

ПѢСНИ О СЕРПЯГѢ.

Иванъ Серпяга (какъ замѣнилъ Г. Срезневскій по пѣснямъ) есть народное имя Гетьмана, споль известнаго въ Исторіи подъ именемъ *Гана Подковы*. Такія двойныя фамиліи часпо бывають у Малороссіянъ (изъ 8 й Думы видно, что Полк. Адамовичъ назывался *Костыремъ*, Лѣсницкій — *Вологачемъ* и проч.). Серпяга былъ приглашенъ на Молдавское Государство, но изменнически убитъ въ Львовѣ 1578, а похороненъ въ Кáневѣ шоварищемъ и другомъ своимъ Гетьманомъ *Шахомъ* или *Жахомъ*, который поспригся 1579 въ монахи Кáневскаго монастыря. — По имени Серпяги названа была *Серпяжинимъ шляхомъ* дорога, идущая отъ Кáнева (какъ по имени Гетьмана Конашевича - Сагайдачнаго названъ *Сагайдачный шляхъ*): не по ней ли сдѣлана и загадка про дорогу: лежишь *Гáся*, проспягáся — якъ успане, нѣба доспане?

8.

Охъ и сила, сила, сила силу подолѣла:
Серпяговѣ да у Львовѣ сподѣлась могѣла.

Сподѣлась могѣла... якъ Волóхамъ лóбо!
Припинáли (120) да Серпягу до сухóго дóбу.

Ой Волóхи, ой Волóхи! зъ чогó жъ ёго звáли,
Що козакáмъ Запорóзьцямъ да изрáду (121) дáли?

Да изрáду дáли Господарю свóму —
Ой Гетьману Серпяговѣ дóбре булó й дóма.

(120) Припинáши — прикрѣплять. (121) Изрáда, зрáда —
измѣна, предательство. Зрáда значить и *гибель*.

Поминайше-жь лихомъ Господаря сво́го —
Чи вѣнь дѣбрый, чи вѣнь злюка, ой щѣ вамъ до по́го!

Хочъ вѣнь дѣбрый, хочъ и злюка, абѣ не падлюка (122).
Припминайше-жь да Серпягу до сухѣго сѣка!

Щѣ Серпяга, по Серпяга — брапа Жаха мае,
Да вѣдь брапа, да вѣдь Жаха поминъ сподѣвае (123).

П Е Р Е В О Д Ъ .

Охъ и сила, сила, сила, одолѣла силу: Серпягъ во
Львовѣ свершилась могила.

Свершилась могила . . . какъ Волохамъ любо! Вязали
они Серпягу къ сухому дубу . . .

Волохи, Волохи, за чѣмъ же его звали (на Господар-
ство), когда казакамъ Запорожцамъ вы измѣнили?

Вы измѣнили своему Господарю, а Гетьману Серпягъ
хорошо было и у себя.

Поминайше-жь лихомъ своего Господаря . . . дѣбрь ли
онъ, золь ли, чпѣ вамъ до по́го! . . .

Хопъ онъ дѣбрь, хопъ и золь — шолько бѣ не подлець.
Вяжише-жь Серпягу къ сухому дубу.

Серпяга — все Серпяга . . . у него естъ брапъ
Жахъ, — и опъ брапа, опъ Жаха онъ ждѣтъ себѣ
помина.

(122) Падлюка (па́дло) — подлець, собственно же па-
даль. (123) Сподѣва́шися, надѣя́шся.

Ой зъ гóрода изъ Пóлпáвы (*) выгвзжáли козáки.
Усѣхъ булó при пáборъ , да всѣ при однáки.

У пѣршóму у пáборъ усѣ лестровѣи ,
У дрúтому у пáборъ усѣ хорунжѣи ,
У трѣпѣму у пáборъ усѣ курѣнныи.

Ой вѣхали-жъ вонѣи при днѣи й при нóчѣи въ Покóутьѣ;
Ой на прѣпю да урáнць (123) прѣба въ Мѣрджѣ бúпи.

А въ гóродѣ да у Львóвѣ зашумѣли вѣрбы :
Козáкъ бурлáкъ вбѣпный лежѣпъ — Серпѣга по
мѣрпвый.

Ой въ гóродѣ да у Львóвѣ задзвонѣли дзвóны :
Козáкъ бурлáкъ вбѣпный лежѣпъ , прáвляпъ по-
хорóны.

А въ гóродѣ у Кáневѣ , да й заголосѣли ,
Що Серпѣгу у могѣлу пѣхо положѣли.

Ой Серпѣгу положѣли , да и заховáли ;
Да помѣнъ по Укрáйнѣ , помѣнъ вóдправляли.

(123) Урáнць , врáнць — поутру ; рáнокъ — утро.

(*) Прѣжня Пóлшава находѣлась на р. Голшѣвѣ.

ПѢСНЯ БОГУСЛАВЦУ.

Иванъ Богуславецъ былъ сподвижникъ Скалозуба, г589.
Пѣсню сію я опишоу къ нему, и не знаю кому бы она шла
болѣе.

10.

Гѣй, зъ уснѣй (124) Днѣпра, да до вершинѣны
Сѣмсотъ рѣчокъ и чопыръ,
Да усѣ вонѣ да у Днѣпрѣ впали,
У Днѣпрѣ правный несказанный! —
Да повѣше, вѣпры низовѣи,
Ой на парусѣ безодный (125)!
Ой сидѣть козаць да на дѣмень (126),
И вонъ дѣменомъ повертае,
И на Чорне Море поглядаетъ:
Ой плыве судно, однимъ-одно,
Въ ѣму Турчинъ сидѣть зъ Туркенею,
А Туркѣня сидѣть, она не гуляетъ,
Шовковенькій рушничокъ (127) вышиваетъ.
Ой кому сей рушникъ бѣде —
Ой чи Турчину, чи Ташарину,
Ой чи козаковѣ молодому?
— Ой се бѣде Кошовому молодому.

(124) Уснѣя — усъе. (125) Безодный — бездонный.

(126) Дѣмень — корма. (127) Рушникъ — полотенцо.

О Т Р Ы В О К Ъ,

можетъ быть относящійся къ Венцеславу Хмельницкому,
бывшему не-задолго до Свирговскаго.

Ой поѣхавъ Венцеславъ на коню гуляни,
А повѣсивъ черезъ плечи да сайдажъ * баганый.

Грай море, Чорне Море!

Гага, гиду, гу!

* Лукъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ II.

БЫЛЕВЫЯ ПѢСНИ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА

ОТЪ ВОЗСТАНІЯ ПРОТИВЪ УНИИ ДО СМЕРТИ БОГДАНА.

Въ той часъ була чѣсть, слава,
Войсковая справа:
Самá себѣ на смѣхъ не давала,
Непріяшеля подъ ноги пошла.

Дуля VIII.

З а м ѣ ч а н і е II.

Козаки въ своихъ побѣдоносныхъ подвигахъ забывали шть приписанія, которыя Украинѣ спала наносить Польша, частію по своему урону опть усилившагося Козачества, частію по внутреннимъ безпорядкамъ своего избирабельнаго правленія. Но когда Польша, во имя Уніи, посягнула на вѣру Козаковъ, тогда загорѣлось *религіозно-воинское возстаніе* ихъ на Поляковъ, составляющее характеристику сего втораго періода Козачества. — Въ 1592 году *Христоръ Косинскій*; вызвавшись быль Гетьманомъ козацкимъ, первый ополчился на Унію. По смерти его (1594) Козаками избраѣнъ въ Гетьманы *Павель Наливайко*, славный и побѣдами своими, и мученической смертію въ мѣдномъ быкъ (1597). Много потерпѣла обиды вслѣдъ за штьмъ Украина; но съ 1606 года, когда Запорожскимъ Гетьманомъ спалъ *Петръ Конашевичъ-Сагайдачный*, зашхли на время угнетенія на Украинѣ, сколько по силъ сего замѣчательнаго челоувѣка, сполько по смупному для Польши времени, въ которое ей были необходимы Козаки для войны съ Россіей и Турціей. По смерти его (1622) снова постигла Украину бѣдспвенная година, и снова вспыхнуло ополченіе Козачества на Поляковъ. *Тарасъ Трасило* въ 1629 году провель съ ними подь Переясловомъ кровавую *ночь*, известную подь ~~именемъ~~ *Тарасовой*. И съ эпой памятной ночи Исторія Украины на 17 лѣтъ ~~обращается~~ *обращается* въ повѣстнѣ самую прагическую, самую назидательную (*). *Суліма*, *Павлюкъ*, *Остриница*, съ своими сподвижниками очередно наслѣдовали въ Варшавѣ участь Наливайкову. Наконецъ въ 1647 г. воздвигся Гетьманъ *Зиновій Хмельницкій*, освободившій Украину и опть народа своего получившій великое имя — *Богдана*. Послѣ шого онъ въ 1654 году подался Царю Московскому, присягнуль ему на вѣрность въ Переясловѣ 8 Января, вмѣстѣ съ нимъ воевалъ еще проптивъ Поляковъ, и 1657 г. 15 Августа скончалъ свою славную жизнь.

(*) Члп. Банш. Кам. II. М. Р. Ч. I. гл. XIII.

ПѢСНИ О НАЛИВАЙКѢ.

11.

Относится къ 1596 г., когда Наливайко сжегъ и разорилъ *Могилевъ* на Днѣпрѣ и *Слуцкъ* на Случи.

Ой у городъ Могилевъ дымомъ попягнуло,
Якъ ше войско Запорозське зъ гармашь да ревнуло.

Ой у городъ Могилевъ да спалося пусто,
Якъ повѣяли козаки зъ самопаловъ густо.

Ой у городъ Могилевъ орды да гадюки (128) —
Ляцькимъ пѣломъ годуються, Ляцьку пѣлу радуючися.

Ой у городъ Могилевъ, що пий да колоды...
Прилучилося, бать, лихо Ляцькѡи породѣ.

Не такѣе ищѣ-бъ лихо, якъ шая позѡра,
Що хѡдишь по бѣлу свѣшпу зъ двѡра да до двѡра.

Не такъ шая позѡра, якъ козакамъ порѡда . . .
Що, Кравчину (129) шануючи, Ляхамъ далась зрада.

Далась Ляхамъ зрада изъ самого рана,
Одъ Гельмана Наливайка, шанѡвного Пана.

П Е Р Е В О Д Ъ .

Въ городъ Могилевъ попянуло дымомъ, какъ Запорожское войско грянуло изъ пушекъ.

(128) Гадюка — змѣя. (129) Кравчина — Запорожское войско — см. на стр. 66. М.

Въ городѣ Могилевѣ спало пушо, какъ козаки изъ ружей повѣяли гуэшо.

Въ городѣ Могилевѣ — орлы да зѣи: Ляпскимъ шѣломъ пишаюпся, Ляпскимъ шѣломъ попѣшаюпся.

Въ городѣ Могилевѣ — пни да колоды... приключилося, вишь, лихо Ляпской породѣ!

Не шакъ-по еще лихо, какъ шопть позорь, чпо ходишь по бѣлу свѣшу опъ двора во дворъ.

Не шакъ еще и позорь, какъ ша опрада козакамъ, чпо гибель, минуя Запорожское войско, поспигла Ляховъ.

Поспигла Ляховъ гибель съ самаго зараня, опъ Гещмана Наливайка, доспичимаго пана!

12.

О смерпи Наливайка, копорый попался въ плѣнь Жолкевскому при Лубпахъ. Кто шакой былъ Игнапъ Голый, споль прославляемый въ пѣсняхъ, по Испоріи не видно.

Слѣвна спѣла пѣ Кравчина якъ на Польшу спѣла, Вовкулавамъ, Кашеликамъ (130) мспкочи зраду дѣла.

Тую зраду, шую зраду, що въ мурѣ, въ шемницѣ Зѣ Наливайка позычала (131) якъ зѣ бѣдной вдовици.

Вдѣвинъ сыну, вдѣвинъ сыну! ёще въ пѣбе браптя, А въ брапѣвъ швойхъ козакѣвъ багацько завяпья (132)! —

(130) Вовкулака — ушарь, оборонень. Слово Кашеликъ у Козакѣвъ было самое поносное. (131) Позычати — брапъ займы. (132) Багапшо — много; багацько — множество. Завяпье — опвага, удалсьиво.

Зходилися всѣ козаки, Раду положили,
Да на Радѣ на Поляковъ походъ присудили.

Розходилися козаки изъ своєї Рады,
Выбирали зъ-подоу каменевъ великіи клады.

Клады продавали, самопалы куповали;
Куповали самопалы, въ походъ выступали.

А попереду всѣхъ Голый — соколомъ лепаве;
На конику вороному жахомъ выгравае (133).

Привертали козаченки по-рану до Служи,
Да зъ гарматы гусповали Капеликовъ звучи.

А Ляхи й почули, увъ опивѣть ревнули —
Бо-дай-же (134) ймъ пляжкою важко, що вони ревнули.

Що вони ревнули, бѣду провѣщали;
А козаки Гайдамаки думали й гадали.

Думали й гадали, думали й гадали;
Тяжко, важко за Гепсьманомъ своимъ сумовали.

А въ Варшавѣ да на Радѣ да судьи судили;
Да зналипи Наливайка въ волу — присудили.

Присудили Наливайка да Ляхи спалипи,
Присудили козаченки Ляхамъ вѣдомспити! —

(133) Носилея, какъ спрахъ. (134) Бог-дай или Бо-дай —
пусти, да будешь (дай-Богь)!

ПѢСНЯ О ЛОБОДѢ.

Полковникъ Иванъ *Лобода* еще при Косинскомъ ходилъ подъ Бѣлградъ (1593), сжегъ Цецору и разграбилъ Яссы (1594); — попомъ онъ былъ другомъ и главнѣйшимъ сподвижникомъ Наливайка, съ коимъ вмѣстѣ и погибъ въ Варшавѣ. — Въ пѣснѣ предсавленъ Лободинскій чѣра, напоминающій о подвигахъ своего пана и объ опмщеніи за него вызывающій къ козакамъ, сбиравшимся въ походъ на Поляковъ 1633 г. подъ предводительствомъ Кошоваго *Сулیمی* (кошорый въ 1635 г. чепвертованъ въ Варшавѣ). Про Гешманство Попоцкаго и двукрапное пораженіе его Лободою по Исторіи неизвѣстно.

13.

Ой въ городъ въ Башуринъ дзвоны задзвонили :
То козаки Гайдамаки у Радѣ радѣли.

Ой у Радѣ да радѣли, якъ на Польшу спѣли,
Да на Радѣ прсудѣли Вкраину єднѣли.

Опгъ и вѣйшли Гайдамаки, хочъ тысяча й двѣспѣи,
Да багѣцько да за ними зведѣтся корыспѣи !

А попереду панъ Суліма Опаманъ Кошовый —
Чогѣ-жъ жаху завдавали, що вѣнъ чорнобрѣвый ?

Панъ Суліма, панъ Суліма козаковъ збѣрае,
Да й усѣмъ пѣмъ Гайдамакамъ вѣнъ пакъ промовляе:

„Товариши Гайдамаки, чинѣть мою волю !
„Що намъ прѣба вѣдплапиши Вкраїнську недѣлю.

„Хочъ насъ, паны Гайдамаки, и тысяча й двѣспѣи ;
„Да багѣцько да за нами зведѣтся корыспѣи !

„Ой багачько да корыспій зведётся за нами,
„Коли хочете побіпсья бучно (135) изъ Ляхами.“—

Якъ на тее оббъзався Лободѣвській чѹра;
До козакѣвъ уклоняе, опть-шакъ промовляе:

— Ой панѣве Гайдамаки, дѣбре себе майте —
Що за мого пана Йвана Ляхамъ вѣдомщайте!

Ой мой пане, пане Йване, дѣ-сь по ты зобгався,
Що на Ляхѣвъ спавъ завперше (136), да й не спо-
дѣвася!

Ой мой пане, пане Йване, Наливайкѣвъ друже,
Що задавъ зъ нимъ зраду Ляхамъ, задавъ — да й
байдуже (137)! . . .

Ой мой пане, пане Йване, дѣ-сь по ты сподѣвася,
Що у мурѣ, у темницѣ Ляхамъ знадобився!

Ой панѣве Гайдамаки, пана Йвана зпомянѣше,
Да за мого пана Йвана Ляхамъ вѣдомспіше!

Коли хочете Вкраину до себе єднаши,
То вамъ прѣба пана Йвана добромъ поминаши.

Якъ Вкраину тїи Ляхи до себе єднали;
Тодї наши зъ паномъ Йваномъ въ походъ выступали.

Якъ Вкраину тїи Ляхи до себе єднали,
Тодї наши зъ паномъ Йваномъ Ляхѣвъ воювали.

(135) Бучно — важно. (136) Прежде всѣхъ. (137) Бай-
дуже, силкѣсь — нужды нѣтъ.

Ой и Ляхѡвъ воюва́ли, якъ по Бугу сна́ли;
Да Гешма́на Поло́цького двѡчи́ заганя́ли.

Ой и Ляхѡвъ воюва́ли, якъ по Прўшу сна́ли;
Того́ бу́ло що й Цоцо́ру до́бре плийдрова́ли.

До́бре бу́ло, до́бре бу́ло, да сна́лася зра́да.
Що заби́то па́на Ива́на у недѣ́лю зра́на. . . .

ПѢСНЯ О САВВѢ ЧАЛОМЪ.

Пѣсня сія, весьма любимая въ народѣ, относится къ козаку Саввѣ Чалому, котораго преданъ Полякамъ во время Наливайково и былъ взятъ *Игнатомъ Гольмъ*. Это видно по списку, помѣщенному въ *Зап. Старикъ*, составленному Г. Срезневскимъ изъ многихъ, въ коемъ послѣдніе 4 куплета принадлежатъ къ пѣснѣ объ *Негаѣ*. Тамъ помѣщены еще двѣ превосходныя пѣсни о двухъ измѣнникахъ *Тетеряхъ*, сынъ и отецъ, предавшихся Полякамъ подъ Каневою предъ башвою Читиринскою (1596); Тетеренко пойманъ подъ Варшавою козакомъ *Слугаемъ*.

14.

Ой бу́вь въ Свѣчѣ спары́й коза́къ прозваніе́мъ Ча́лий;
Вы́годовавъ сы́на Са́ву козака́мъ на сла́ву.

Ой не захо́пѣвъ да нанѣ́ Са́ва козака́мъ служи́ти:
Во́нъ по́йшо́въ-же до Ляше́нко́въ сла́вы залу́чили.

Ой во́нъ по́йшо́въ до Ляше́нко́въ слѹ́жбы во́дправ-
ля́ти,

Изъ Ляха́ми Правосла́вну Цѣрковъ ру́йнова́ти.

Зби́ралися Запоро́жці, всѣ́ въ Ра́ду захо́жали;
За по́ходы шуды́-сюды́ про-ме́жь се́бе раховали́.

Усѣ прійшли, усѣ прійшли, одного немае;
Ой чомъ тебѣ, бальку Чалый, у Радѣ немае? —

„Чого-жь менѣ, да панове, у Радѣ ходили?
Що хочете мого Саву навѣки згубили.

Хочъ спавъ собѣ вонъ до Ляховъ . . . да вже-жь,
сынну мильи,
Чому ты спавъ, чому до насъ такімъ спавъ си-
сивый? “

— Ой спѣсивый, не спѣсивый — паны кажуть —
Сава . . .

Да недобра, зуривочна спала ёго слава.

Що не тольки да панъ Сава Церковъ да руйнуе:
Изъ бѣсами спавъ за-право, и барзо знахорюе. —

Обоавався на те Гольи, каже: добре знаю,
Ой я мого пана Саву у руки поймаю!

Отъ и спали да панове Радѣ розсучали;
Своихъ жоней посѣдлали, въ походъ высипутали.

Ой бувъ Сава, да въ сало да все паляницѣ;
Не кохавъ Сава молодыхъ дѣвчатъ, да все молодичѣ.

Не кохавъ Сава да козакѣвъ, да все Капелики, —
Загубивъ Сава, пропесавъ Сава свою вѣру навѣки.

Ой бувъ Сава въ Немировѣ въ Ляховѣ на обѣдѣ;
И не знае, не вѣдае о своёмъ бѣдѣ.

Ой пье Сава и гуляе, Ляхомъ вырубае,
А до ёго що до Савы гонецъ приѣзжае.

— А що ты шусть, малый хлопку! чи все гараздъ
дѣла? —

— „Пропѣшана, пане, спѣжка до вѣшого двѣра.

Да все гараздъ, да все гараздъ, усѣ хорошенъко :
Выглядѣють Гайдамаки зъ-за горы часпѣнько!“

— Опъ-пѣ лихо, выглядѣють! яжъ ѣхъ не боюся!
Хибѣжъ нема въ мене вѣська? я не забарюся.

Сѣдлай, хлопку, сѣдлай, малый, коня воронѣго ;
Пѣдемѣ мы до-дѣму хочѣ насъ немнѣго. —

Ѣде Сѣва зъ Немѣрова на воронѣмъ коню... .

А прѣхавши, гадаѣ да про свою дѣло.

— Ой ты-жъ, дѣле — каже Сѣва — щербѣлая дѣле! —
Пипѣетъся челядонъки : чи все гараздъ дѣла? —

„Гараздъ, гараздъ, пане Сѣво! ще лѣчче зъ побѣю,
Якъ шебѣ мы побѣчили на воронѣмъ коню.“ —

Ой сѣвъ Сѣва въ концѣ спѣла, да лѣспѣньки пѣше;
А Сѣвиха на лѣжѣньку дѣлину колѣше. —

Сидѣшь Сѣва, лѣспѣ пѣше, Сѣва дѣмку дѣаѣ;
Опъ вже Сѣва, да панъ Сѣва, гѣдку замышляѣ :

— Пѣди, дѣвко, у пѣвнѣцю упѣчи горѣлки,
Ой нехай-же я напѣюся за здѣровѣ жѣнки.

Пѣди, дѣвко, у пѣвнѣцю да принѣси пѣва,
Ой нехай-же я напѣюся да за свого сѣна.

Пѣди, дѣвко, у пѣвнѣцю внесѣ менѣ мѣду :
Чѣго-сѣ менѣ прѣдно, нѣдно — голѣвки не звѣду. —

Сидіть Сава въ кѣнцѣ спола, все ліспы чипае;
А Савіха молодая все дума й гадае.

Сидіть Сава въ кѣнцѣ спола, хлопця вызывае,
А Савіха молодая плаче да рыдае.

Ой не вспѣла челядонька зъ спѣннѣ ключі зняпи,
Спавъ Йгнапъ Гѣлый зъ Кравчиною ворѣпа ла-
мапи.

Якъ вѣдсуне да панъ Сава вѣкѣнцѣ одъ рѣнку;
А вже шіи, Гайдамаки блукують по сѣнку.

Тѣльки-жъ шая челядонька на порѣгъ спупае,
Ажъ Микіпка пану Савѣ чолѣмъ отдавае.

— „Здоровъ, здоровъ, пане Саво, якъ ся собѣ маешъ?
Дѣбрыхъ гостей собѣ маешъ: чѣмъ ихъ привѣщаешъ?“

Ой чи мѣдомъ, ой чи пивомъ, ой чи горѣлкою?
Попроцайся зъ своимъ сыномъ и зъ своею жѣнкою!“

— „Ой давъ-бы вамъ мѣду й пива не хочете пѣпи;
Ой вы жъ менѣ молодого хочете згубити. —

Ой чѣмъ менѣ васъ, панове, чѣмъ васъ привѣщапи?
Даровавъ, менѣ Господъ сына, буду въ кумы браши. —

— „Ой не того прѣшли до шѣбе, да щѣ-бъ кумовапи,
А мы зъ того прѣшли до шѣбе, да щѣ-бъ розсчишапи!“

Ой веді-жъ насъ, пане Саво, у нову комѣру,
Да отдавай, пане Саво, козацькую зброю.

А дѣ-жъ швой, пане Саво, сукни, едамашки,
Щѣ шы наживъ, вражий сыну, зъ козацькою ласки?—

Да не погѣ прійшли до тебе , да щѣ-бъ пумовати ;
А мы зъ погѣ прійшли до тебе , щѣ-бъ голѣвку зняти .

Ой булѣ-бъ побѣ , пане Сава , гартъ не руйновати ,
Коли хопѣвъ Запорѣзцѣвъ въ кумы собѣ брали .“ —

Ой кинешся да панъ Сава до ясного меча . . .
Его взяли на при списы изъ правого плеча .

Ой кинешся да панъ Сава да ясном зброи . .
Его взяли да подняли на при списы къ горѣ .

— „Опсѣ-жъ побѣ , пане Сава , сукни , едамашки , (138)
Щѣ пы наживъ , вражій сыну , зъ козацькою ласки !“

Ой не вспѣвъ-же да панъ Сава на коника впаспи :
У кайданы заковали , спали на вѣзъ класпи .

— Ой , Панѣве Запорѣзці , хибѣ-жъ по вамъ слава ,
Щѣ въ кайданы да забитый лежить у васъ Сава ?

Якъ-бы ёго вы на волю зъ кайданѣвъ пуспили ,
Славу-бъ собѣ наибѣльшую опъ-симъ залучили .

Якъ-бы ёго вы на волю мѣжъ себѣ приняли ,
Славу-бъ собѣ наибѣльшую опъ-симъ даровали . —

А Савиха молодѣя вѣкномъ упѣкала ,
На молодѣ челядоньку спильна поглядѣла .

— Хапѣй , хапѣй , челядонько , малѣю дитину :
Будешъ жити , пановати , коли я не згину ! —

Не бойтѣся козаченько ни грѣму , ни пѣчи :
Хорошѣнько въ кѣбзу граѣ , до Савихи идѣчи .

(138) Сукня — платье . Едамашка — Дамасская матерія .

ПѢСНЯ ЧУРАЮ.

Храбрый *Чурай*, полковой Асауль, захваченный въ бѣдѣ въ близъ Спаричи, замученъ въ Варшавѣ 1638 г. вмѣстѣ съ Гешманомъ *Степаномъ Острилицею* и другими. (*)

15.

Орлику, сизый орлику, молодой Чураю!
Ой забѣли-жъ тебѣ Ляхи да у своемъ краю.

Ой забѣли тебѣ Ляхи изъ своимъ Гешманомъ,
Изъ своимъ Гешманомъ, що Паномъ Спешаномъ.

Орлику, сизый орлику! орловъ братовъ маешъ,
Що спарый и молодыи — самъ ихъ добре знаешъ—

Що спарый и молодыи — всѣ въ тебѣ вдалися,
Водомспили да за тебѣ усѣ поклялися.

Що спарый и молодыи усѣ голѣнныи (139);
А въ ихъ кони вороныи, швыдкѣи и быспрыи;

Ой швыдкѣи и быспрыи, якъ орлы лѣтають,
На Ляхскѣи городѣ, хмарой набѣгають.

А въ ихъ списы булатныи зъ довгими коньцями,
Усѣ госпрѣи якъ голочки, зъ довгими клюгами (140).

А въ ихъ шаблѣи булатныи, на обѣдва бѣки,
Вражимъ Ляхамъ зраду сыплють по всѣ вѣчнѣи роки!

(*) Пѣсня сѣя, равно какъ объ Наливайкѣ и Лободѣ заимствованы изъ *Зап. Старины*.

(139) Голѣнный — удалый (быспрый). (140) Клюга — упорка при остромъ концѣ копья.

ПѢСНЯ О ХМЕЛЬНИЦКОМЪ.

Здѣсь воспѣта первая Богданова побѣда (1648 г. 5
Апрѣля) надъ Ляхами при помощи Крымцевъ, при Желтыхъ
Водахъ (въ Екапер. Губ.).

16.

Чи не по́й по хмѣль, що коло пычѣнъ вѣеся ?
Гей по́й по Хмельницкѣй, що зъ Ляхами бѣеся.

Гей по́хавъ Хмельницкѣй икъ Жовтому Броду,
Гей не оди́нь Ляхъ лежи́ть голово́ю въ во́ду.

Не пѣй, Хмельницкѣй, дѣже по́й Жовтою во́ды:
Иде́ Ляхо́въ со́рокъ ты́сячъ хоро́шою вроды.

„А я Ляхо́въ не бою́ся и га́дки не маю,
За собо́ю вели́кую попу́гу я знаю,

Ище́ й Орду́ за собо́ю ве́ду:

А все, вра́жїи Ляхи́, на ва́шу бѣду.“ —

Упѣ́кали Ляхи́, погуби́ли шу́бы. . .

Гей не оди́нь Ляхъ лежи́ть, ви́щери́вши зу́бы!

Спанови́ли Ляхи́ дубо́выи ха́пы,

При́де́тся Ляше́нькамъ въ По́льщу упѣ́кати!

Упѣ́кали Ляхо́въ де́яки́и по́вки,

Бли́ Ляхо́въ соба́ки и свѣ́рыи во́вки.

Гей та́мъ по́ле, а на по́ль цвѣ́пы:

Не по оди́номъ Ляху́ заплака́ли дѣ́пы.

Гей та́мъ рѣ́чка, чере́з рѣ́чку гли́ця:

Не по оди́номъ Ляху́ зоспа́лась вдови́ця!

ПѢСНИ О НЕЧАѢ.

Данило Нечай Полковникъ Бряцлавскій былъ женихъ на дочери Хмельницкаго: онъ наносилъ въ 1651 г. опустошенія въ Польской Подоліи и убитъ подъ Краснымъ: по свидѣтельствѣ Паспорія — *Байбузою*, въ одномъ изъ списковъ моихъ пославлено *Канѣвскимъ*, а въ другомъ — *Потоцкимъ*; я-же пославилъ имя *Калиновскаго*, ибо онъ разбилъ Нечаево войско, напавъ на него во время масляницы.

17.

Ой зъ шѣмного лѣсу, лѣсу, изъ Чорного гаю,
Ой крикнули козаченьки: упѣкай, Нечаю!

„Якъ я маю козакъ Нечай зъ-вѣдсѣль упѣкаши,
Славу свою козацькую пѣдъ ноги пошпаши?

Ой е въ мене Шпакъ, Шпакъ — опть-пѣой дѣбрый
хлопець! —

Ой пѣой менѣ дае знаши коли упѣкаши!“

— А я тебѣ, мѣой Нечаю, не убеапѣчаю:
Держи коня, держи въ сѣдлѣ для своего звычаю!

Ой я тебѣ, мѣой Нечаю, не убеапѣчаю:
Держи свою шабелечку да пѣдъ опанчою! —

„Сѣдлай, сѣдлай, малый хлопче, коня воронѣго,
А побѣжи въ чѣиспе пѣле, чи йде Ляшкѣвъ много?“

Верпаѣеся малый хлопче ажъ изъ Полонного (*):

— А йде Ляшкѣвъ сѣрокъ пѣсыачъ, пѣльки безъ
одного! —

(*) *Полонное* мѣстечко при р. Жамарѣ, 98 верстѣ отъ Жяномира.

Коза́къ Нечáй, коза́къ Нечáй на те́ не впова́е,
 Да зъ кумо́ю зъ Хмельни́цькою ме́дь-вино́ круглáе!...
 Бо поспáвивъ коза́къ Нечáй при споро́жѣ въ мѣспѣ,
 А сáмъ по́шовъ до кумоньки щу́ку-рыбу вѣспи.
 Ой погля́не коза́къ Нечáй за Тихи́и во́ды:
 Идѣ Ляхо́въ со́рокъ пы́сячь хоро́шомъ врóды!
 Подив́вся коза́къ Нечáй у но́ву квапы́рку:
 Хóдипь Ляшкóвъ вра́жихъ сынóвъ якъ курей по
 ры́нку.

Ой якъ кри́кне коза́къ Нечáй на хлопця́ малóго:
 „Съдлáй, хлопче, съдлáй, малый, коня́ вороно́го!
 Съдлáй менѣ вороно́го, собѣ буланóго —
 Гѣпъ вырѣ́жемъ вра́жихъ Ляхóвъ, гѣпъ що до одно́го!“

Ой якъ спи́сне коза́къ Нечáй коня́ оспрогáми, (141)
 За нимъ Ляхóвъ со́рокъ пы́сячь зъ го́лыми шаблáми,
 Ой якъ вóзьме коза́къ Нечáй одъ бáшпы до бáшпы:
 И спáвъ Ляшкóвъ вра́жихъ сынóвъ якъ снóпикми
 клáспи.

Поверну́вся коза́къ Нечáй во́дъ брáмы до брáмы:
 А поспáвивъ вра́жихъ Ляшкóвъ у чопы́рѣ лáвы.
 Поверну́вся коза́къ Нечáй на прáвее плéче:
 А вжé зъ Ляшкóвъ вра́жихъ сынóвъ кровь рѣ́чками
 пéче.

Поверну́вся коза́къ Нечáй на лѣ́вую рúку:
 Не вы́скочипь Нечáевъ ко́нь изъ Ля́цкого прúпу!...
 А спопнóвся Нечáевъ ко́нь на малу́ пы́чину;
 Пóймавъ ёго Калино́вскій зъ ко́ня за чупрýну.

(141) Острогá — шпоры.

Чи не по́й-по хмѣль, хмѣль, що вѣсоко вѣпсьєсь ?
 Чи не по́й-по коза́къ Нечѣй, що зъ Ляшкѣми
 бьѣтсьє ?

Чи не по́й-по хмѣль, хмѣль, а що єъ пивѣ грає ?
 Чи не по́й-по коза́къ Нечѣй, що Ляшкѣвъ рубѣє ?

Чи не по́й-по хмѣль, хмѣль, що у пивѣ кїсне,
 Чи не по́й-по коза́къ Нечѣй, що Ляшѣнькѣвъ пїсне ?

Не знаєтє, вражї Ляшкї, чѣмъ хлопця убїтї :
 Срѣбнымъ гуцькомъ, срѣбнымъ гуцькомъ ручнїцю
 набїтї !

Не за довгїй, довгїй часъ, за малу годїнку,
 Качѣєтсьє Нечѣєва голѣвка по рынку.

Ой не дбѣли вражї Ляхї на козацьку вроду,
 Рвѣли пѣло по кусѣчку, пускали на воду.

18.

Ой зъ по́дъ гаю, гаю, зъ по́дъ Чѣрного гаю,
 Ой прївїянули коза́ченькї : упѣкай Нечѣю !

„Ой не бѣйтсьє, не бѣйтсьє, Панї Опамѣны ;
 Я поспѣвївї спѣрожѣньку усѣми шляхѣми.“

— Ой я тебѣ, мѣй Нечѣю, не убѣзпѣчаю :
 Держї свѣго конїченька вѣ своѣмъ обычаю ! —

„А я коза́къ молодѣнькїй Ляхѣвъ не боюсь,
 Маю-жѣ бо я коза́ченькѣвъ, да й оборонюсь !“

Одѣ Крѣсного Брѣду, одѣ Чѣрнои Вѣды
 Идѣ Ляшкѣвъ сѣрокъ пысьчъ хорѣшои вроды.

Ой не вспівъ-жѣ Нечайенко на коника сѣсти :
 Оглянешься назадъ себѣ, а вже Ляхи въ мѣспѣ.
 Ой порвавсь козакъ Нечай до пугого лука,
 Обернешься назадъ себѣ — а вже повно прупа.
 Спрепенѣтся козакъ Нечай объ полы руками :
 Сюды гляне, пуды гляне — печѣ кровъ рѣками.
 Ударитсь козакъ Нечай объ полы рукою :
 „Ой прійдется розлучитсь изъ дѣпьми й] жонюго!“
 — Ой дѣ-жъ пвой, Нечайенку, вороний коні? —
 „У Гетьмана у Польного спойшь на припонтъ.“
 — Ой дѣ-жъ пвой, Нечайенку, кованый возы? —
 „Подъ мѣспечкомъ Береспечкомъ започені въ лозы!“
 — Ой дѣ-жъ пвой, Нечайенку, сукні, блаватасы?
 „Гей постѣгли, порубали Ляхи, въ шабельтасы!“
 — Ой дѣ-жъ пвой, Нечайенку, дѣпюньки да жона?
 „Ой въ мѣспечку Береспечку сидять собѣ дома.
 Ой копорый козаченько буде зъ васъ у мѣспѣ —
 Поклоніся моѣй жоньцѣ й несчастной невѣстцѣ.
 Нехай вона, нехай берѣ сребла - злопа до-сыпъ :
 Нехай менѣ выкупає и оспанку просить !“
 Не хопѣли вражѣ Ляхи сребла - злопа брапи,
 А воіли Нечайенка въ дробный макъ сѣкати.
 — Гей вы козаченьки, чи не булі въ мѣспѣ?
 Поклонѣтсь мапусенцѣ й несчастной невѣстцѣ !
 Нехай вона, нехай плаче, а вже не выплаче,
 Ой надъ синомъ, надъ Нечайемъ чорный воронъ кряче.
 Ой за малу хвильку, за малу годинку,
 Ой скакала Нечайева головка по рынку. . . .

О Т Р Ы В К И.

19.

О ПЕРЕБІЙНОСЬ.

Имя *Перебийноса* упоминается въ Исторіи въ числѣ сподвижниковъ Скалозуба. Но Перебийнось, къ копорому относился сей опрывокъ пѣсни, есть храбрый Максимъ *Кривонось*, убитый 1648 г. Подъ тѣмъ-же именемъ онъ воспѣвается въ другой пѣснѣ, кошорой, къ сожалѣнію, я у себя шеперь не имѣю.

Ой лугами да берегами да зелеными вѣшы (141'):
 Да засѣдаюшь Ляхи, да засѣдаюшь паны, Перебийноса
 вбѣши.

А Перебийнось того ж не гадае,
 Да медъ вино пошывае.

Ой одсунувъ панъ Перебийнось покушню ква-
 пырку —
 Аж гуляюшь Ляхи, аж гуляюшь паны, да по ёго
 рынку.

20.

Доколь ходили по Украинѣ козаки зъ рогами,
 Стояли снены, поля облѣгами;
 Якъ явились на Украинѣ попы въ ладѣвницахъ:
 Спали у мужикѣвъ пироги на полицяхъ.

(141') Вѣша — вѣпвь.

21.

Да не буде лѹчче, да не буде красче якъ у насъ на
Вкраїнѣ :
 Да немае Жида, да немае Лѣха, немае Унїи.

22.

(Въ Межибожѣ.)

Ходяшь слѹти по покою, вдыхаюшь до неба :
 Нема пана Гетьмана — розойтїся шрѣба.

23.

Туманъ поле покрывае,
 Козакъ полемъ проѣжае ;
 Ой виѣхавъ край могїлы
 Край могїлы Верховїны.
 „Ты, могїло Верховїно,
 Чому рано не горѣла?“
 — Ой я рано не горѣла,
 Бо кровцєю обкипѣла. —
 „Ой якою?“ — Козацькою,
 Половїну и зъ Ляцькою. —

24.

У Гайсинѣ вѣперъ вѣе, а въ Уманѣ пїхо,
 Въ Браїловѣ добра нема, а въ Тульчинѣ лихо.

25.

Берѣзо, чому ты не зелѣна ? —
 Ой якъ менѣ зелѣною бѹпи :
 Пѹдо мною Гапáры стояли,
 Конытами зѣмлю грасовали,
 Шаблями гѹлья позпына́ли. —

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ III.

БЫЛѢВЫЯ ПѢСНИ О ВРЕМЕНАХЪ ПОСЛѢ БОГДАНА
ДО КОНЦА ГЕТЬМАНЩИНЫ (1764).

Такъ вѣчной пѣмяти бувало
У насъ въ Гетьманщинѣ коли-сь.

Котляревскій.

З а м ѣ ч а н і е III.

Измѣны *Виговскаго, Брюховецкаго, Тетери* производили сильныя смяшенія на Украинѣ по смерти Богдана (1657) въ цѣлое 10-лѣтіе, по испеченія коего (1667, Янв. 13) *Задѣпровская Украина* опошла къ Полякамъ, а Запорожье признано было неутральнымъ. — Замыслы и ожесточенныя дѣйствія предприимчиваго *Петра Дорошенка*, котораго завладѣлъ - было *обостороннею* Украиною, продолжили кровавыя междуусобія. Сіе мятежное тридцати-лѣтіе кончилось избраніемъ *Мазепы* (1687); но не легче для Украины было 22-лѣтнее Гетьманство сего измѣнника. Побѣдою *Полтавскою* Великій Петръ рѣшилъ судьбу Россіи и Украины: въ 1764 кончена Гетьманщина, и жизнь Малороссіи вошла въ общую жизнь Великой Россіи.

Въ печеніе сихъ 55 лѣтъ Гетьманами были (по счету *Кіев. Синодс. 1823*): 28й *Иванъ Ильичъ Скарпалскій* съ 1708 по 1722; — 29й *Павель Леонъевичъ Полуботокъ*, съ 1722 г. бывший Гетьманомъ *Наказнымъ*; — 30й *Данило Павловичъ Апостоль*, съ 1727 по 1734; — 31й *Графъ Кирилль Григорьевичъ Разумовскій* съ 1750 по 1764, скончавшійся 1803 Янв. 6 въ *Башуринѣ*, бывшемъ его Гетьманскою Резиденціей. Первымъ послѣ него правителемъ Малороссіи былъ *Фельдмаршалъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій*.

О ГРИЦЬКЪ САГАЙДАЧНОМЪ.

Гешманъ *Петръ Дорошенко* дѣйствовалъ съ 1665 по 1676 годъ, умеръ 1698 г. Ноября 9, въ 113 верстахъ отъ Москвы Волоколамскаго уѣзда въ селѣ Ярополчѣ. — Подъ именемъ Хорунжаго, можетъ быть, разумѣется Григор. Карп. *Гамалля*. Забубѣннаго-же *Сагайдачнаго* не должно смѣшивать съ славнымъ Гешманомъ Конашевичемъ.

26.

Ой на горѣ да женци жнѹть,
 А по-пѣдъ горѣю,
 По-пѣдъ зеленѣю
 Козакѣ идѹть.

А поперѣду Дорошенѣко —
 Ведѣ свое вѣйсько,
 Ведѣ Запорѣаське
 Хорошенѣко.

По серединѣ Пань Хорунжѣй —
 Пѣдъ нѣмъ кониченѣко,
 Пѣдъ нѣмъ вороненѣкѣй
 Сѣльне дѹжѣй.

А позаду Сагайдачнѣй,
 Щѣ промѣнявѣ жѣнку
 На тюшѣонѣ да лѣольку (142)
 Необачнѣй.

(142) Тюшѣонѣ — табакъ. Лѣолька — трубка.

— Гей вернися, Сагайдачный!
 Возьми свою жонку,
 Оддай мою люльку,
 Необачный!

„Меня зъ жонкою не возишься;
 „А пюпюнь да люлька
 „Козакъ въ дорожь
 „Знадобиться!

„Гей! хто въ лѣсъ? озовися!
 „Да выкрешемъ огню,
 „Да попягнемъ люльки —
 „Не журися!“

О КОЗАКЪ БАЙДЪ.

27.

Полубаснословная пѣсня сія (изъ собр. *Ходак.*), ка-
 жется, относится къ временамъ Дорошенка, 1674. — Царь
 Турецкій — Магомешъ IV.

А въ мѣспѣчку славноѣмъ Береспѣчку
 Ой пѣе Байда мѣдъ да горѣлѣчку;
 Ой пѣе Байда да не дѣнь, не двѣ,
 Да не одну нѣчку дай не годинѣчку.
 Царь Турецкій къ ѣму присилае,
 Байду къ собѣ подмолѣе:
 — Ой пы, Байда, да славносенъкій!
 Будь менѣ льцарь да вѣрнесенькій,
 Возьми въ мене Царѣвночку,
 Будь паномъ на всю Украйночку. —
 „Твоя, Царю, вѣра проклѣтая,
 Твоя, Царю, дочка поганая!“

Ой крикнувъ Царь на гайдѹки :
 — Вѹзьмѣшь Байдѹ дѹбре въ рѹки ,
 Вѹзьмѣшь Байдѹ навязѣшь ,
 На гакъ (142') ребромъ зачепѣшь. —

Ой висѣшь Байда да ѣ не дѣнь , не два ,
 Да не одну нѹчку , да ѣ не годѹночку .
 Ой висѣшь Байда , да ѣ гадае ,
 Да на своего хлѹпца споглядае ,
 Да на своего хлѹпца молодѹго ,
 И на своего коня воронѹго .

„Ой пы , хлѹпче молодѣсенъкій !
 Подаѣ менѣ лучѹкъ да пугѣсенъкій ,
 Подаѣ менѣ лучѹкъ

И спрѣлочѹкъ пучѹкъ :
 Ой бачѹ я при голубѹчки ,
 Хочѹ я убѣпи для ѣго дѹчки .

Нехай же я убью Царю
 Та на слѹвную вечерю !“
 Якъ стрѣливъ — Царя уцѣливъ ,

А Царицю у попылицю , (143)

А ѣго дѹчку въ головѹчку .

„Отъ-шѹ тебѣ , Царю , да за твоеѹ карѹ :

Булѹ тебѣ знѹпи , якъ Байдѹ карапи .

Булѹ Байдѣ гѹлову изпѹпи ,

Ѵго тѣло поховапи ,

Воронѹмъ конемъ ѣздипи ,

Хлѹпца собѣ зголѹбѣпи.“

(142') Крюкъ . (143) Зашылокъ .

Пѣсня сїя сложена вѣроятно около 1687 г.

Зажурилася Украина, що нѣгдѣ ся-дѣши:
Выпоптала Орда кѣньми усѣ малї дѣши.

Малїхъ попоптала, старїхъ порубала,
А середнїи забрала, у полонѣ погнала.

Ой служивъ я пому Пану, Пану бусурману;
А пеперь служили спану Воспѣчному Царю!

Ходили Ляшѣкъ по рыночку, шабельку выймае:
Козакъ его не бойся, шапки не знимае!

Ось Ляшѣкъ до шабельки, а Козакъ до дрюка:
Теперь побѣ, вражїи сыну, зѣ душою розлука.

Ч А Й К А.

29.

Въ лѣтописи Конискаго пѣсня сїя приписывается *Мазель*; по мнѣнію Баншышъ - Каменскаго она сочинена *Кальнашемъ*, послѣднимъ Запорожскимъ Кошевымъ Ашаманомъ.

Ой бѣда, бѣда чайцѣ небозѣ (143),
Що вывела дѣшки при бїшѣй дорѣзѣ.

Киги! Киги! злетѣвши въ гору —
Тѣльки впоинїться въ Чорному Мѣрю!

(143) Чайкъ бѣдняжкъ.

Жыто поспѣло, приспѣло дѣло;
Идуть женці жати, дѣпокъ забіраѣти.

Кигі! кигі! . . .

Ой дѣпи, дѣпи! дѣ вась, подѣпи?
Чи менѣ впопѣшься, чи въ горѣ убіешься?

Кигі! кигі! . . .

И кулікъ чайку взявъ за чубайку!
Чайка кигіче: згінь ты, куліче!

Кигі! кигі! . . .

А бугай (144) бугу! гне чайку въ дугу:
Не кричи чайко, бо буде пѣяко!

Кигі! кигі! . . .

— Якъ не кричали, якъ не лепали:
Дѣпки маленкій — а я їхъ мапи!

Кигі! кигі! . . .

ПѢСНЯ О ГОРДЪЕНКѢ.

30.

Пѣсня о Гордѣенкѣ относится къ той осаде Полтавы, на которую вызвался Кошевой *Гордѣенко* въ 1709 г. — Съ Мая онъ производилъ ее въ печеніе $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, но исполнилъ не удачно, предваривъ пѣмъ Полтавскую бишву 27 Іюля. — Въ это время разорена была *Сѣтъ*.

Запорозці небожата (144')! пшениця не жапа:

Ой пойдѣте, оглядѣте, пшеницю зажнѣте.

Ой хочъ поїдемъ оглядати — не будемо жапи!

Хвалилися Запорозці Полтавы доспапи.

(144) Бугай — быкъ, здѣсь значить быкъ-пшица, выпь,
(144') Голубчики.

Ще Полпáвы не доспáли, а вже Швѣдъ издáвся ;
На бѣдную голóвоньку Кошовый зоспáвся.

Ой умѣрла въ Кошового старѣнькая мáпи,
Ой нѣкому Кошовому порáдоньки дáли.

Воспóчный Царь на Вкраинѣ не дóймае вѣры —
Посылáе Голицына, щобъ не бумó змѣны.

„Ой иди-жь ты, Голицыну, иди-жь ты горóю,
А я пойдú зъ Москалями услáдъ за тобóю.“

ПѢСНЯ О МАЗЕПѢ.

Пѣсня сiя, какъ видно, сложена около 1710 года, вскорѣ послѣ того, какъ окончились вѣроломные замыслы Мазепы, и признана невинность погибшихъ отъ него Кочубей и Искры. Говорятъ, что къ нимъ относился пословица: *Знявши голову по волóсьямъ не плáзуть.*

31.

Мазéпо Гепьмáне, израдлiвый Пáне!
Злэе починаэшъ, зъ Швѣдомъ накладáешъ
И на Царя Воспóчного рúки пóддóймаешъ.

Пóднявъ еси Орду, изробiвъ превóгу! —
А при пóй измѣнѣ бувъ Кочубей да Искра:
Пóшли-жь воны зъ-пóдъ Полпáвы (*) да до Царя
знишка.

А Царь вѣры не дóнявъ, до Мазепы одóслáвъ:
Скорó-жь ихъ Мазéпа варѣвъ — бáрзо звеселився;
А Кочубей изъ Искрою слэзáми облився.
Усѣ Панi Сенатóры, усѣ бенкѣпъ мáли;
Кочубей-жь изъ Искрою бáрзо забувáли.

(*) Здѣсь говорицца о первой ихъ попыткѣ къ дому.

Тольки ты ихъ не забудь, Миргородскій Пана (*),
Що Кочубей изъ Искрою за Вкрайну спали! —

У Кіевѣ на Подолѣ порубаны груши;
Погубивъ-же песь Мазела невинныя души!

Ой вигорѣвъ весь Бапуринъ, зоспалася хата (**);
Да вже-жь пвою, псе Мазело, и дунга проклята.

Бувъ у тебе, псе Мазело, одинъ хлопецъ Нѣ-
мецъ... (***)
Пошло-жь пвоё, псе Мазело, усё добро нѣ-
вецъ ! (145)

ПѢСНЯ О ВЫХОДѢ НА ЛИНІЮ.

Въ 1761 году 20,000 Козаковъ и 10,000 Малорос.
крестьянъ были посланы для дѣланія линіи между Днѣпромъ
и Донцомъ.

32.

У Глуховѣ у городѣ у всѣ двѣоны двѣонюшь;
Да вже нашихъ козаченьковъ на линію гонюшь.
У Глуховѣ у городѣ спрѣльну́ли зъ гармапы;
Не по одно́мъ козаченьку заплакала ма́ни.

(145) Нѣвецъ — ни-во-чшо. Нѣвечишь — поршишь, ни-
чшожить. Ниць — ничто.

(*) Кажется, Мирг. Полковникъ *Апостолъ*, послѣ бывшій Гешь-
маномъ.

(**) 1708 Г. въ Октябрѣ Князь Мещниковъ осадилъ Бапуринъ,
великолѣпную резиденцію Мазелы, разорилъ и смегъ его до
основанія; на мѣстѣ онаго было шолько нѣсколько *хатъ*, до
1750 г., когда избранный въ Гешьманы Каммергеръ Графъ К. Г.
Разумовскій захотѣлъ перевести Гешьманскую резиденцію изъ
Глухова оцанъ на прежнее мѣсто.

(***) Капитанъ Сердюковъ *Хениссель*.

У Глуховѣ у городѣ стрѣльну́ли зъ ручни́ці ;
Не по оди́нѣмъ коза́ченъку пла́кали сестри́ці .

У Глуховѣ у городѣ поплѣтены сѣтки ;
Не по оди́нѣмъ коза́ченъку заплака́ли дѣтки .

На бы́строму на о́зерѣ — геть пла́вала кáчка (146) ;
Не по оди́нѣмъ коза́ченъку пла́кала коза́чка . —

У Грицьковѣ огни́ горя́ть , а въ Пóлшáвѣ дымно ;
На мо́гилѣ Гетьманя́ сиди́ть — геть-памѣ́ть ёго́ ви́дно !

Допевня́йся-жь (147) , нашъ Гетьма́не , допевня́йся
пла́пы !

Якъ не бу́дешъ допевня́ши , бу́демо впѣка́ши .

Ой идѣ́ть-же вы , панóве , до Пепра́ до свáпа —
Ой памѣ́ть бу́де вамъ , панóве , вели́ка запла́та :
По за́спуну у рúченъки , да щѣ и лона́па ! . . .

Сиди́ть коза́къ на мо́гилѣ , сорóчку лапа́е , (148)
Ой кину́вся до черешка́ — конѣйки нема́е .

Сиди́ть пугачь (149) на у́бочу , на вѣтеръ наду́вся :
Иде́ коза́къ въ Укра́ину , на ли́хо здобу́вся .

Ишо́въ коза́къ на ли́нѣю да й вѣлми наду́вся ,
Ишо́въ коза́къ изъ ли́нѣи — якъ ли́хо зогну́вся .

(146) Ушка . (147) Домага́йся . (148) Починя́ешъ , кла-
дешъ запла́пы . (149) Фялинь .

ПѢСНЯ О ПАЛѢѢ.

Палѣй, по кознямъ Мазепы (см. Дума X), сосланъ въ Енисейскъ 1704 г., откуда возвращенъ въ 1708 г.; умеръ въ Декабрѣ 1709 г.

33.

Высоко сонце аходипь, низенько дожипись,
 Ой де-сь по пань Палѣй Семѣнь шепѣра журипсь?
 Высоко сонце аходипь, низенько заходипь,
 Ой де-сь по пань Палѣй Семѣнь по Сибиру бродипь!

„Ой чуро, мой чуро, мой вѣрный Споусю!
 Ой ходѣмо у каплицю (150), Богу помолюся!
 Ой Богови помолюся, Свящимъ поклонюся. . .
 Зледацѣвъ-же я понурый, спарѣнькимъ здаюся!

Спарѣнькимъ здаюся, молипись мушу:
 Хай милуе Милоспѣивый мою грѣшну дѣшу!¹⁵⁰

Ой натягнувъ ему чѣра да сѣрую свѣпу,
 Да давъ ему да у руку еловую вѣпу.

Поиншовъ пань Палѣй Семѣнь Богови молипись,
 Не по Богови молипись, а не шѣ журипсья.

Прійшовъ пань Палѣй до-дому, да й сѣвъ у намѣпѣ,
 На бандурцѣ выгравѣе: „Лихо жипи въ свѣпѣ!

Той, дѣшу заклѣвши, свѣпу бачъ гапшѣе; (151)
 А шѣ по Сибиру — мовъ въ лѣзѣ дубѣе.“

(150) Часовня. (151) Гацшовѣши — шить еребромъ.

Часть I.

8

ПѢСНЯ О СТЕПАНѢ ЖАДЧЕНКѢ.

Можеть быть, относится, къ 1736 г.

34.

Ой хто въ Триму не бувавъ;
Той и дива не видавъ;
А ми въ Краму бували,
Ми тавать дива видали.

Перекопскій комендантъ
Запорозьцямъ дає знаць:
— Ой годъ-жь вамъ, Запорозьці,

Въ Калантаѣ пробувайть,

Ой ходімо на Ядъ (?)

Козаченьковъ ряцувайть. —

Запорозьці якъ пошай:

Впередъ голову найщай;

А въ Жадченка Степана

Облуплена голова;

Въ Московського кодинана

Спина ободрана,

Лежашъ наши козаченьки

Якъ бѣленькіи смычки;

А въ Жадченка у Степана

По-за нѣгпами спички.

ПѢСНЯ О ПИКИНЕРАХЪ.

(къ 1738 г.)

Пикинеры — особые цоли, изъ Малороссiянъ вербованные.

35.

Ой надъ Бугомъ надъ рѣкою, на Турецькѣй границѣ,
Тамъ спояли пикинеры, въ нимъ компанiицѣ.

Зеленой Недѣловьки Орда наступаетъ:
Гей, панове, успунѣмо! запасу не має.

— Ой чого-жь намъ успунати, чого боемось?
Ой хочь Орды багачо йде, мы ёй не дамось! —

Иде Орда изъ-за Гарда много зъ прапорами: (153)
Наложѣне-жь, пикинеры, оп-шупь головамъ!

Иде Орда изъ-за Буга, и въ Бугъ не знобися;
Спали бѣднiй пикинеры въ Бугъ-рѣку шопишся.

Идуть бацьки и маперѣ да сынѣвъ гнѣпають...
— Да вже, бацьки, вашихъ сынѣвъ орлы доглядяють!

Не захошѣли ваши сыны въ пикинерахъ служити,
Сѣмъ собѣ слободою надъ Бугомъ-рѣкою! —

Погорѣли степы, поля й зеленiй байраки,
Идуть зъ войсьма у городы голыи козаки.

(153) рѣпоръ — знамя, опшуда Прапорядиць.

8*

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Киспринъ и Госпринъ, упоминаемые въ сихъ пѣсняхъ —
не суть ли Хошии?

36.

Ой на морѣ, на морѣ сизопѣры,
Тамъ плавала бѣла лебедонька
Изъ маленькими лебедяшами.
Дѣ ся-взявъ сизопѣрый орелъ,
Спавъ лебѣдку биши и забивалю,
Спала лебѣдка до ёго промовляюки,
Ой не бій мене, сизопѣрый орлоньку,
Скажу побѣ всю щирую (154) правдоньку:

„Якъ у томъ мѣсцѣ у Киспринъ
Да бѣшся Орда уже при дни,
Бѣшся вона при дни и при годинѣ,
Розбѣлася вона на при половинѣ,
Течушь рѣчки, да все кровавыи,
Черезъ тѣ рѣчки мостяшь мосты,
Мостяшь мосты, да все головками,
Головками, да все Москѡвськими.“

(154) Щи́рый — истинный, настоящій; также чистый,
ревностный, роскошный (дерево, цвѣшокъ).

Ой ма́ла вдова́ сына́ сокола́,
 Вы́годовала, въ вѣйсько оддала́.
 Ой спарша сеспра́ коня́ сѣдла́ла,
 А середу́ща ху́спку (155) кача́ла,
 А наймоло́дша выпроважа́ла,
 А ма́пи ёго́ выпышова́ла :

— Сы́ну мо́й, коли́ прѣдешь до на́сь? —

„Тодѣ́ я, не́не, прѣвду до сва́сь“

Якъ па́вине пѣрья на-сподѣ́ попо́не,

А млино́вый (156) ка́мєнь на-вѣрхъ выплине́!“

Вже-жъ млино́вый ка́мєнь на-вѣрхъ выплину́въ,

Вже ѣ па́вине пѣрья на-сподѣ́ попо́нуло,

А ще́ мого́ сына́ зъ Госпина́ не видно!

Выйшла на́ гору: — ой всѣ́ полки́ идущь,

То мого́ сына́ коника́ веду́шь! —

Пы́цала вона́ все́й спарши́ны :

Чи не ба́чили́ сына́ со́кола? —

— „Чи не по́ пивѣ́й сынъ, що́ се́мь полко́въ вбѣвъ“

За вѣсьмымъ полко́мъ голо́вку ахилѣвъ?

Зозу́ля лѣпала́ надъ нимъ кую́чи,

А ко́ниги ржа́ли ёго́ везучи́,

Колѣ́са скригѣ́ли по́дъ нимъ ко́пючись,

Служенъ́и пла́кали за нимъ идучи́!“

(155) Плашокъ. (156) Мельничный. Млинь — мельница.

О Т Р Ы В О К Ъ.

Ой бѣда, бранку, намѣнь спуде.
А по Днѣпру що по Днѣпру молодой Козакъ плыве.
Молодой, козакъ Опаманъ Случай.
— Якъ сыкне Ташарюга, що хочъ одвѣчай.
Що хочъ одвѣчай, хочъ прикмышы карбуй,
Хочъ злого Ташарюгу и хлопцѣ вербуй!

О *Слуга* — см. пѣсню 14 (во 2 отдѣлѣ).

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ IV.

БЫЛЕВЫЯ ПАСНИ ПОСЛА ГЕШЬМАНЩИНЫ.

Заднѣпровскія.
Запорожскія.
Малороссійская.
Черноморскія.

ЗАМѢЧАНІЕ IV.

Для надлежащаго уразумѣнія пѣсень сего отдѣла, надобно припомнить, что послѣ 1764 г., когда собственно шакъ называемая *Малороссія* слилась уже въ одну общую жизнь Россіи и населялся край *Новороссійскій*, — *Заднѣпровская* часть Украины оставалась еще не возвращенною къ Россіи, а *Запорожцы* составляли *долошпур*, *козацкую* вольницу, гнѣздившуюся въ Сѣчи.

Въ Заднѣпровьи въ то время произошли кровавыя распри между Козаками и Поляками, по поводу новыхъ уступленій за Религію и вольностей Жидовскихъ, до чрезвычайности изнурявшихъ народъ. Въ этихъ расприхъ принимали сильное участіе Запорожцы, кои при томъ беспокоили Малороссію и край Новороссійскій. Конечъ такимъ безпорядкамъ положенъ разрушеніемъ Сѣчи (1775) и присоединеніемъ Заднѣпровской Украины къ Россіи (1794). — Большая часть Запорожцевъ осталась въ Россіи, и изъ нихъ составилось (1788) храброе войско *Черноморскихъ козаковъ*; нѣкоторая же часть ихъ тогда перешла на Дунай, — но кому не извѣстенъ похвальный поступокъ Дунайскихъ козаковъ и начальника ихъ, въ послѣднюю Турецкую кампанію?

И шакъ, въ семь отдѣлъ можно болѣе или менѣе различать, какъ разные памятники прошедшихъ событій, пѣсни: собственно - *Малороссійскія*, *Заднѣпровско - Украинскія*, *Запорожскія*, *Черноморскія* и — пѣсни козаковъ, бывшихъ на Дунаѣ, коихъ хопя и не имѣю еще, но увѣренъ, что они есть; мнѣ извѣстно шакже, что у Черноморцевъ есть историческія пѣсни, относящіяся къ новѣйшимъ событіямъ, но я не имѣлъ еще случая доспастъ ихъ.

ЗАДНЬПРОВСКІЯ. (*)

Харько, Жельзнякъ и особенно Гонта были главными лицами, а *рѣзня въ Умдкьщитѣ* (1770) разительнѣйшимъ дѣйствіемъ кровавой Драмы, происходившей погודה въ Заднѣпровской Украинѣ.

ПѢСНЯ О ХАРЬКѢ.

Сопникъ *Харько* убитъ въ Маѣ 1666 г. — по словамъ пѣсни въ *Морозовцѣ на мостѣ*; а по книгѣ Баншышъ-Каменскаго *объ Уніи* — въ Жабошнѣ, въ конюшнѣ, Харьку опрѣбали голову; по приказанію Рейменшаря. — *Улановъ* между Бердичевомъ и Пилявою, въ Волын. губерніи. — Купленнымъ а. д. 3-й прибавленъ во другому списку.

38.

Вхавъ Сопникъ черезъ Уланникъ, горѣлки напѣвся,
За нѣмъ, за нѣмъ сѣмсошъ молодцовъ: — спой,
башьку! не журися.

Вхавъ Сопникъ черезъ Уланникъ, на выѣчко похидився:

Ой чомъ-же пы, Пане-Сопнику, ой чомъ зажурився?
„Якъ же менѣ, Пань-молодці ой якъ не журішья;
Коді подомною буланый коню и рже и спановішья!

(*) Пѣсни сіи собраны *Ходаковскимъ*, всѣхъ 10, и еще слѣдующій отрывокъ, относящійся къ 1667 году:

Гей одъ Вислы да до Кіева пробіиши шляхи:
Завладѣли неправдиво краємъ нашимъ Ляхи.

Якъ-же менѣ, паны-молодцѣ, ой якъ ся не журиши:
Ой засѣдає городовой Сопникъ, да хоче менѣ
вбѣши! . . .“

Ой заржавъ-же вороный коникъ въ спавѣ на по-
мѣстѣ ;

А вжѣ вбѣшо Харькѣ Сопника въ Морозовцѣ на мѣстѣ.

Ой лепѣшь крячокъ черезъ байрачокъ да й жалѣб-
нѣнько кряче ;

Спойшь Сопничка зъ Полковникомъ да и жалѣб-
нѣнько плаче :

— Ой бог-дай же ты, Полковнику, да наложивъ го-
ловѣю ,

Що ты менѣ молоденькую да нарядивъ вдовѣю!

ПѢСНЯ О ЖЕЛѢЗНЯКѢ.

Кромѣ Полковника *Максима Желѣзняка* и Уманскаго
Сопника *Гонты*, здѣсь открываюся еще для Испорія Жа-
бошинскій Сопникъ *Мартынь Влуга*, Сабляскій Сопникъ
Шило, Уманскій Козакъ *Дзюма*. — Донской козакъ не естъ ли
Тимѣнко ?

39.

Максимъ Козакъ Желѣзнякъ зъ славнаго Запорѣзья
Процвѣпає на Украинѣ якъ въ городѣ рѣжа.

Розпуспѣвъ вѣйсько козацькее въ славномъ мѣспѣ
Жабошинѣ —

Гей разлилась козацька слава по всѣй Украинѣ!

Гей, Максiме Полковнику, ты славный воину!
Гей выпусти из Жабощина хочь Ляцьку диньку.

Максiмъ Козакъ Жельзнякъ лiспы одбiрае,
Усiхъ Ляховъ изъ Жидами до-купы збiрае.

Изогнавши усiхъ Ляховъ зъ Жидами до-купы,
Оддiаъ Лiха Губернiшпора да Бiлузъ въ руки.

Бiлуга Маршiвъ Жабощинскiй да по рыночку
ходишь,

Свогo Пiана Губернiшпора за собою водишь.

И, водючи за собою да й до ёго каже:

— Не одного шеперъ Лiха голова заляже! —

Гей якъ вiйшовъ Сопникъ Смiлянскiй зъ своими
Козаками,

Спупай, спупай, Шило Сопнику, въ Богуславъ изъ
нами!

А вiхали въ Богуславъ да въ сiреду вранцъ,
Навидали въ пoй годiнъ Жидовъ повний шанцi.

Дзюма Козакъ Уманьскiй конемъ прижае,
До Уманя Жельзнякiа зъ собою подмовляе:

Гей, Максiме Полковнику, ты бiльку козацкiй!
Гей не впече изъ Уманя навiшь (157) и дiухъ Ляцкiй!

Пoдъ Уманемъ славнымъ мiспомъ великимъ кручи;
Гей помiсли Уманьчини Запорозьцiвъ ждучи.

Гoнца Сопникъ Уманьскiй по-мeжъ войскомъ хo-
дишь,

Изъ Максiмомъ Жельзнякомъ черeзъ лiспы говo-
ришь.

(157) Навiшь — даже.

А въ недѣлю рано спали да у дзвонѣ бѣпи ;
Гей спавъ Гѣйна зъ козака́ми по́дъ Умань по́дходѣпи.

Въ понедѣлокъ передъ обѣдомъ изъ гармата́въ загули,
А въ вѣсперокъ ище́ раньше Уманя́ добули. . .

Хвалилися Уманьчики по́дъ Умань идучи :
Будемъ драпи, пань-молодци, зъ кля́йки онучи. —

Гей, якъ вѣйшовъ Донскій коза́къ зъ-за Гѣспро-
моги́лы,
Упе́кали Уманьчики, шпань погубили.

Максимъ Коза́къ Жельзнякъ зъ лагря́ вѣвжае,
Передъ Донскі́ми козака́ми ; и спра́ху не мае.

Спупай, спупай, Жельзняку́ ! годъ вже гуляпи :
Пойдемъ въ Кіевъ въ Печерськее Бо́гу робо́шпи !

И говори́тъ Максимъ Коза́къ, сидючи въ нево́ль:
Не буду́ть ма́ть вра́жї Ляхи́ на Укра́инѣ во́ли.

Течу́ть рѣви́ зъ всѣ́го свѣ́ту до Чѣрного́ Мо́ря :
Мину́лася на Укра́инѣ Жи́довская́ во́ля !

ПѢСНЯ О ГОНТѢ И КОТСВИЧѢ,

(Односи́тся къ 1779 г.)

40.

Да споя́въ, споя́въ Со́пникъ Гѣйна, въ спену́ при
недѣ́ли ;

На́вхали Смѣля́нчики, да во́нь ся́ и́мъ зѣ́ривъ.

— Го́дъ, го́дъ, Со́пнику́ Гѣйна, у спену́ споя́ши ;
Ходи́ зъ на́ми Коза́ка́ми Умань грабо́шпи ! —

„Ой якъ менѣ пань-молодці, Умань грабовали,
И на свого шака - башька руки подіймали?“

Ой гуляйте Уманьчики не бойтесь нічого:
Вивѣшали Гайдамаковъ въ Пятигорахъ много!

Да повѣсили Коповича на зеленѣмъ дубѣ; —
Пріѣхала ёго сестра живошови люба.

Да незлічені червоньці да въ запобли носили,
Хорошенько Рейментаря кланяючись просили:

— Да дозвожь, Пане Рейментарю, червоньці за-
брати,
Мого брата Коповича зъ шибениці зняли. —

Да дозволивъ Пань Рейментарь, червоньці забрали;
Не дозволивъ Коповича зъ шибениці зняли.

ПѢСНЯ О ГОНТѢ.

(Къ 1770 г.)

41.

Збунтовалась Украина, полы и дяки;
Погинули на Вкраинѣ Жидаы и Поляки.

Прилетѣли на Вкраину изъ Западу гуси,
Погинули на Вкраинѣ невинны души.

Погинули Депутаты шляхетной вроды,
Навѣшь щая дробна шляхта, пши хлѣборобы.

О Боже мой несконченый! що ся теперъ стало:
Якъ шо вѣра, пакъ шо вѣра, а милоспий мало!

О Бѣже мѣй нескончѣный! двиниися гѣре,
 Що тепѣра, на сѣмъ свѣтѣ, вѣра вѣру бѣре! . .
 О Бѣже мѣй нескончѣный! въ насъ пакъ не ведѣшься.
 Памятѣйше, бунповники, вамъ по не минѣтся!
 Мѣли панѣ на Вкраинѣ добрѣ оборѣнцѣ,
 Звѣрилися Сѣтниковѣ, Уманському Гѣнпѣ.
 Мѣли панѣ на Вкраинѣ дѣже добрый прѣунокъ:
 Панѣ тѣи розѣумныи дадутъ собѣ рашѣнокъ.
 Панѣ тѣе врозѣумѣвши, згѣду учинѣли:
 Пѣдѣкнувшися пѣдъ Уманѣ, Гѣншу маловѣли.
 Вѣны-жѣ ѣго на-самѣ-пѣредѣ бѣрѣво привѣпали,
 Черѣзъ сѣмъ днѣй зѣ ѣго вѣму по-пѣясъ адирѣли.
 И гѣлову облупѣли, сѣлью насѣлили,
 Пѣщѣмъ ѣму якъ чѣспному назѣдъ положили.
 Панѣ Реймѣнпѣрѣ похожѣе: — дивѣшься, лѣде!
 Хѣто сѣ пѣльѣи абунповавѣ, по всѣмъ тѣе бѣде! —

ЗАПОРОЖСКІЯ.

Запорожцы просили Императрицу Екатерину о
 возвращеніи мнимыхъ своихъ земель въ Новороссійской Гу-
 берніи: по поводу чего, граматаю 1774 г. 22 Мая, и повѣльно
 было прислать имъ нарочныхъ Депутатовъ. Послѣ сего они
 замыслили своевольно завладѣть землями Запорожскими по
 Бугъ и землею Донскою, препящивовали поселенію Сѣр-
 бовъ, переманили - было землепашцевъ Малороссійскихъ до
 50,000. Сіи и другіе ихъ не позволимпелные поступки, изъ-
 ясенные въ Манифестѣ 1775 3 Авг., заспавили Госуда-
 рнюю разрушить Сѣтъ Запорожскую, повѣлнѣмъ 1775 г.
 4 Іюня, даннымъ Генераль-Поручику Текелію.

(Къ 1775 г.)

Да вспань, Харьку! да вспань, бацьку! годъ вже
намъ спани:

Ой ходьмо до Цариці милости прохати.

Ой Царице, наша Мати! змилуйся надъ нами:

Ой дай-же намъ прѣжній степы съ пѣмными лугами!

— Не дозволю Запоровцямъ степомъ обладати,
Да прикажу Москалевѣ всю Свѣчь розоряти! —

Ой ходишь нашъ Пань-Кошовый, шабельну списае,
Таки-жь бо вонъ Москалевѣ вѣры не доймае:

„Ой хто хоче съ шабельками, а мы съ кулаками —
Нехай поїде наша слава, по-мѣжь коваками!“

(Къ 1775 г.)

Изъ-за горы, зъ-за Лиману вѣперъ повѣае,
Да вжежь Москва Запорожьа кругомъ обспуае.

Ой облягла, обспуила, да въ городъ вступила,
Московськими знаменами городъ закрасила.

Пошла Москва по курѣнямъ запасу збирати . . .

Ой набрали сребла-злота, да й спали гадаши:

Ой якъ бы намъ, милѣ-братья, Запорожьа взяли? —

Взяли сотню Кошового й Писаря Полкового:

Щобъ не було Запорожьа поки свѣта сего! —

Ой покрылось Запорожье густыми лозами,

Да вмѣлися Москалики дробными слезами!

Г А Л К А .

Пѣсня по разрушеніи Запорожской Сѣчи: не ея ли должно опшѣсти къ Кошовому Кальнашу? (см. Чайка на спр., (108.))

44.

Ой полети, полети, да чорная галко, да на Дѡнѣ
рыбы вѣспи,
Ой принеси, принеси, да чорная галко, одѣ Кошо-
вого вѣспи!

— Да вже-жѣ менѣ не дѣпаци на Дѡнѣ рыбы вѣспи,
Да вже-жѣ менѣ не носипи одѣ Кошового вѣспи! —

Ой вы Запорѡзці, ой вы молодьи!
Повдавались одинѣ въ одного, якѣ братья рѡдныи.

Ой вы Запорѡзці, ой вы молодьи! дѣ-жѣ ваши кони?
— Наши кони въ Пана на пригонѣ, сами-жѣ мы
въ неволѣ! —

Ой вы Запорѡзці, ой вы молодьи! дѣ-жѣ ваши узды?
— Наши узды въ коней на вануадѣ, сами-жѣ мы
у нумдѣ! —

Ой вы Запорѡзці, ой вы молодьи! дѣ-жѣ ваши
списы?
— Наши списы у Пана у спрѣхѣ (158), сами-жѣ
мы у лѣсѣ! —

(158) Спрѣха — крыша изъ проспнику, или соломы.

Ой вы Запорозці, ой вы молодіи! де-жъ ваши
ручніці?

— Наши ручніці у Пана въ свѣплицѣ, сами-жъ
мы въ пемницѣ! —

Ой вы Запорозці, ой вы молодіи! де-жъ ваши лѹки?

— Наши лѹки побрала гайдѹки, сами-жъ мы въ
розлѹкѣ! —

Ой вы Запорозці, ой вы молодіи! де-жъ ваши
жупаны?

— Наши жупаны поносили Паны, сами-жъ мы
пропали! —

Ой полеті, полеті, да чорная галко, да на Дѡнъ
рыбы вѣспи!

Ой принеси, принеси, да чорная галко, одъ Кс-
шового вѣспі!“

— Да вже-жъ менѣ не лѣтапи на Дѡнъ рыбы вѣспи,
Да вже-жъ менѣ не носіпи одъ Кошового вѣспі! —

ПУГАЧЪ.

45.

Ой спавъ пугачъ на могилѣ, да й крикнувъ вѡнъ: пугу!
Чи не дастъ Богъ козаченькамъ хочъ теперѣ по-
пугу! . . .

Що дѣнь, що нѡчь — усѣ ждемѡ . . . поживы не маѣмъ:
Давно була! Хмельниченька ужѣ не згадаѣмъ!

Ой коли-сь мы воѡвали, да бѡльше не бѹдемъ! . . .

Того счастья й нѡи доли — повѣкъ не забѹдемъ!

Да вже шаблѣ заржавѣли, мушкетѣ — безъ нѹркѡвъ,
А щѣ сѣрдце козачькее не боіпся Тѹркѡвъ!

Часть I.

9

ЛАНСКІЙ РОГЪ.

Гдѣ именно находится это мѣсто — не знаю.

46.

По долину воль ревути: ой чому-жъ по не кони
ржушь —

Кони вороныи, кони выпряжныи!

Ой колись-по кони, кони... по Крымскѣй дорожѣ;
То-по було счастье, доля у Ланскому розѣ!...

А въ Ланскому розѣ яворъ похилился:

Ой Тапарини, пляшко-важко верблю закрупился.

Чи въ тебе, Тапарине, горблонька увъ очихъ запѣла?

Чи въ тебе, Тапарине, головоньку чара заломила?

ПѢСНЯ О СЕРБИНѢ.

47.

Ой Сѣрбине, Сѣрбине! покинь сербовати,
Возьми серпъ, да йди въ спѣтъ пшениченьку жати.

— Бо-дай-же ты, дѣвчинонько, шого, не дождала,
Да що-бъ моя бѣла ручка пшениченьку жала. —

Сербинъ былъ гайдамакою; въ Харьковской Губернии
оспалось объ немъ много преданій, и урочище *Сѣрбинъ Яр*.
Во второй части есть у меня прекрасная пѣсня:

Ой Сѣрбине, Сербиночку,

Свѣтай менѣ дѣвчиночку!...

Другая пѣсня начинается такимъ портретомъ Сербина:

Чомъ Сѣрбина не любішь, чи пожь не хорóшій:
Очи сині якъ у жабы, самъ на чорша схóжій. . .

Впрочемъ это, можетъ быть, относится и просто къ какому-нибудь Сербу, изъ числа поселенныхъ въ Новой Сербіи. Любопытно-бы найти пѣсни о Гаркушѣ — гайдамакѣ, копорый споль грозно славился въ Украинѣ лишь десять, начиная съ 1770 г., и о копоромъ покойный Орестъ Михайловичъ Сомовъ (подъ именемъ П. Байсаго) писалъ прекрасныя повѣсти.

Вотъ отрывокъ, относящійся къ Гаркушѣ:

А Гаркуша добра дѣла на шляхъ поглядѣе,
Свою лѹбу Горпиницю выжидѣе.

Л И М А Н Ъ.

48.

(Отрывокъ.)

У нѣвъ идѹ — вода несѣ;
Въ нѣву идѹ — бѣда женѣ.
Жалкується Лиманъ Морю,
Що Дѣвпръ рѣшить свою волю;
Свѣй гѣрла прочищѣе,
Лимановѣ закидѣе

МАЛОРОССІЙСКІЯ.

49.

Односится ко времени Очаковской битвы (1788).

Збѣралися комисары пѣдъ царскѣи палаты,
 Пишуть лѣспы на Вкраину пѣдъ аршинны браши.
 Написали на Вкраинѣ вдовиного сына:
 Ой пожежъ козакъ уродливый, дохѣдипть аршина.
 Ой зачѣ-жъ спарá нѣнька, Ивасѣва мапи:
 „Ой дѣ-жъ тебѣ, мѣи сыноньку, я маю сховати!“
 — На щѣ-жъ мене, мапусенько, пы маешть ховати.
 Бѣду побѣ изъ сподичѣ червѣнныи слади! —
 „На щѣ-жъ мене, мѣи сыноньку, червѣнныи пивѣи?
 Що нѣкому поховати головѣнныи мѣмѣ!“
 — Поховаютъ, моя нѣне, тебѣ дѣбри люди,
 Ой якъ мене молодѣго до тебѣ не бѣде. —
 Вдовиный сынѣкъ вдовиченко коня наповаетъ;
 Егѣ нѣнька спаресенька въ вѣкно поглядаетъ.
 Вдовиный сынѣкъ вдовиченко коника сѣдаетъ;
 Егѣ нѣнька спаресенька сильнѣнько рыдаетъ.
 Вдовиный сынѣкъ вдовиченко на коня сѣдаетъ;
 Егѣ нѣнька спаресенька крыжемъ упадаетъ.
 Вдовиный сынѣкъ вдовиченко зъ двора выѣзжаетъ;
 Егѣ нѣнька спаресенька за спремѣнь хапаетъ. . .
 Ой въ городѣ въ Очаковѣ вѣдали изъ лука:
 Да вже-жъ побѣ, вдовиный сыну, зъ матерью розлука.
 У городѣ въ Очаковѣ вѣдали зъ гарманны:
 Уже-жъ побѣ, вдовиный сыну, мапки не видати!

ЧЕРНОМОРСКІЯ.

Генералъ - Фельдмаршалъ Князь Потемкинъ - Таврическій составилъ изъ Запорожцевъ охотное войско, подъ именемъ *Черноморскихъ Козаковъ*. Они оказали отличную храбрость при взятіи Очакова и Березани (1788) подъ предводительствомъ Кошеваго *Челъги*, а свѣпльишій Князь Потемкинъ былъ пожалованъ шипуломъ ихъ *Гетьмана*. — Въ 1792 г. Черноморцы поселены на островъ Тамань.

50 (*).

Сложена и пѣта на праздникъ 15-го Августа 1792 г., по случаю получения грамотъ Царскихъ, привезенныхъ въ Черноморскій Коптъ Войсковымъ Судьею *Головатымъ*.

Головатый извѣспенъ какъ поэтъ: онъ сочинилъ *Вѣршу*, говоренную *Потемкину Запорозцами на Великъ-день*. (Христось воскресъ, радъ мѣръ увесь...); ему же приписываютъ и эту пѣсню. Онъ, съ опцемъ и дѣдомъ своимъ, извѣспенъ въ Малороссіи еще подъ именемъ *Трехъ Антоновъ*.

Ой годѣ намъ жури́тися, пера́ перестѣпани:
Дождѣлися одъ Царіци́ за слѹ́жбу заплѣпы!
Дадѣ хлѣбъ-соль и грамоты за вѣрными слѹ́жбы;
Отъ-пепѣръ мы, миліи брѣпця! забѹдемъ всѣ нѹ́жды.

(*) Вотъ два стиха другой пѣсни:

Тѹпъ-но мы бѹдемо жи́ти и рѣбу лови́ти,
И вра́жого да Черкѣса по кру́чамъ гони́ти.

Въ Таманѣ жишь, вѣрне служишь, границу держати,
Рыбу ловишь, горѣлку пишь, ще й будемъ багати.

Да вже прѣба женилися и хлѣба робили;
А хто прійде изъ невѣрныхъ, по якъ чорта биши.

Слава Бѣгу и Царицѣ, а покой Гепсману!
Залѣчили въ сердцахъ нашихъ великую рану.

Благодаримъ мы Царицу, молимся Бѣгу,
Що Вона намъ указала на Тамань дорогу!

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ПЬЕСНИ КОЗАЦКІЯ

БЫТОВЫЯ.

Ой хвортуно, хвортуино! послужи менѣ ще прѣшки:
Служила въ козацствѣ, служила въ бурлацствѣ, послужи въ
чумацствѣ!
Украин. пѣсня.

Пѣсни сего опдѣла выражаютъ различныя положенія Козацкаго быта, преимущественно въ чепырехъ видахъ его: *войсковомъ, бурлацкомъ, тумецкомъ и гайдамацкомъ.*

Н. — вурлачствомъ называется вообще не только холостое бездомовье, но и оплутка изъ дому на промыселъ работами всякаго рода: такимъ образомъ и семьянинъ ходитъ вурлаковать, (на-заробѣпки). Слово бурлака значить еще забіяка.

О. — О словѣ *Гайдамакъ* было сказано въ Примѣчаніи М. стр. 66. — Здѣсь слово гайдамака принимается въ смыслѣ разбойника (розбѣйшакъ), и можно замѣтить еще то, что окончаніе онаго, вспрѣчающееся и въ другихъ словахъ, можетъ быть и Русское.

П. — чумаками называются Малороссіяне, ходящіе съ волами и возами своими за рыбою и солью, преимущественно въ Крымъ и на Донъ. Отправляясь чумаковать, они обыкновенно надѣваютъ сорочку и шаравары, окунутые въ деготь, и остаются въ нихъ во всю дорогу. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это дѣлалось сначала для предохраненія себя отъ чумы, откуда будто происходитъ и самое названіе; но вѣроятнѣе будетъ производство отъ Татарскаго и у насъ въстарину употребительнаго слова: *тумъ* или *тюмъ* — ковшъ. Чумацтво издавна было важнѣйшимъ промысломъ козаковъ.

Здѣсь кстати привесити слѣдующіе два стиха:

А у Мѣрджѣ на лавоньцѣ сидѣтъ *Чумгд Тарабуль*:
Въ ёго люлька пахулька, а пощонѣ порохунѣ.“

Въ Полш. Губ. есть село *Чумгдкъ.*

ПѢСНИ ВОЙСКОВЫЯ.

1.

Гомонъ, гомонъ по дубровъ,
Туманъ поле покрывае,
Мáпи сына проганяе:
Подѣ, сыну, геть одъ мене —
Нехай тебѣ Тúrки вóзмуть!
Мене, нене, Тúrки знаюшь —
Мене коньми надѣляюшь!

Гомонъ, гомонъ по дубровъ,
Туманъ поле покрывае,
Мáпи сына проганяе:
Подѣ сыну, геть одъ мене —
Нехай тебѣ Орда вóзметъ!
Мене, нене, Орда знае —
Срѣбломъ, зломомъ надѣляе!

Спáрша сестра коня веде,
А подспáрша зброю несе,
А меньшая выпытуе:
Коли, брате, зъ войска прѣдешъ?

Вóзметъ, сестро, пѣску жмѣню, (159)
Посѣй его на каменю,
Ходи къ ему зороньками,
Поливай его слезоньками:

(159) Жмѣня — горсть.

Коли, сѣспро, пѣсокъ зойде —

Тогдѣ бра́тъ ливо́й зъ во́йска прѣде!

Гомо́нь, гомо́нь по дубро́вѣ ,

Тума́нь по́ле покрыва́е ,

Ма́ши сы́на призы́вае :

Верни́сь , сы́нку , до-до́моньку ,

Змыю́ побѣ́ голово́ньку !

Мене́ , не́не , змыю́ть до́жчи ,

А розчѣшуть гуспѣ́ пѣрны ,

А высушуть бу́йни вѣпры ! . . .

2.

По-надъ мо́ремъ , Дуна́емъ

Вѣперъ я́воръ хита́е , (160)

Ма́ши сы́на пы́пае :

— Ой сы́ну мо́й Ива́не ,

Дипя́ моё коха́не ! (161)

Чи менѣ́ тебе́ оже́нишь ,

А чи въ во́йсно уряди́шь ? —

Якъ я́ тебе́ колы́хала ,

Усю́ но́ченьку не спа́ла ;

Якъ я́ тебе́ зрости́ла ,

Сама́ себе́ звесели́ла ;

Якъ я́ тебе́ оже́ню

Всю́ ро́дину звеселю́ ;

Якъ я́ тебе́ въ во́йсно о́ддамъ ,

Собѣ́ жа́лю я за́дамъ ! —

„Не жури́ся , мо́я ма́ши ,

(160) Хита́ши — кача́шь. (161) Коха́ный — возлюбле́ный,
ми́лый.

Вже сѣго не миновати !
 Исправь меня при трубу ,
 Да усъ при мѣднѣ ,
 А чепвѣрную трубу
 Исправь меня золошу .
 Въ першу трубу я заграю ,
 Якъ коника осѣлаю ;
 А въ другую я заграю ,
 Якъ на коника сѣлаю ;
 А въ прѣпую я заграю ,
 Зъ пвого двора вдуци ;
 А въ чепвѣрну зашрублю
 Серѣдъ войска споючи
 И шабельку держучи .

Примѣчаніе. Въ одномъ спискѣ начало такое :

Ой у полѣ да дѣрево
 Зелѣне, кудряве ,
 Подъ пымъ дѣревомъ
 Сидитъ мапи зъ сыномъ .
 Въперъ дѣрево хипае и проч . . .

Въ другомъ конецъ такой :

Якъ зачула пѣе мапи
 Спала плакапи , рыдапи :
 „Ой сыне мой Иване ,
 „Дитя мое кохане !
 „Ой коли-бъ же я зуаула ,
 „Я-бъ до пѣбе полинула ! (162)

(162) Полинула — полешпы .

3.

Засвиспáли козаченьки въ похóдъ зъ-полуночѣ ;
Заплакала Марусенька свой я́снѣ очѣ. —

Не плачь, не плачь, Марусенько! не плачь, не журися:
За своёго миленького Бо́гу помоли́ся! —

Спойшь мѣсяць надъ горóю да сѣнца немае ;
Ма́ши сѣна въ дорóженьку слѣзно проважае.

„Проща́й, милый мо́й сѣночку, да не забавля́йся! (163)
Черезъ чопы́рѣ недѣлоньки до-дóму верша́йся.“

— Ой радъ бы я, мапусенько, скорѣйше верну́ться;
Да вже що-сь мо́й воро́ненькѣй въ воро́пяхъ
ви́пкнүвся.

Ой Богъ знае коли верну́сь, въ якую годину:
Прѣйми-жь мою́ Марусеньку, якъ рѣдну дѣпину.

Прѣйми ё́й, мапусенько — всѣ въ Бо́жіей во́лѣ!
Бо хто знае: чи живъ верну́сь, чи ляжу на по́лѣ?“

„Ой рада я Марусеньку за рѣдну прѣйми;
Да всѣ не такъ вона́ мене́ бѣде шанова́ши.“

— Ой не плачь, не журѣшесь, въ пу́гу не вдава́йшесь:
Загра́жь мо́й ко́нь воро́ненькѣй, наза́дъ сподѣва́йшесь!

(163) Ба́вишисл — мѣшкапа.

Пѣсня сія и еще нѣкоторыя сочинены Козакомъ Семей-
номъ Климовскимъ, жившимъ около 1724 г.

Вхавъ Козакъ за Дунай,
Сказавъ: дѣвчино, прощай!
Ты, конику вороненькій,
Неси да гуляй!

„Постой, постой, козаче!
Твоя дѣвчина плаче;
Съ кѣмъ ты менѣ покидаешь —
Только подумай!“

Бѣлыхъ ручокъ не ламай,
Ясныхъ очокъ не зпирай,
Менѣ зъ войны изъ славою
Къ собѣ дожидай.

„Не хочу я ничего,
Только тебѣ одного;
Ты будь здоровъ, мой миленькій —
А все пропадай!“

Свѣснувъ Козакъ на коня:
Зоставайся, молодя!
Я приѣду, якъ не згину,
Черезъ три года . . .

Тебѣ-жь, мила, не забуду,
Поки живъ на свѣпѣ буду;
Колѣ-жь умру на войнѣ,
Поплачь обо мнѣ! . . .

5.

— Що ты, мѣлый, думашь-гадаешь?
 Мабуть менѣ поинунти маешь!
 Рако вспаешь, коня наповашь,
 Зелѣного сѣнця подкладашь,
 Жовтѣнького вѣса подсыпашь;
 Въ сѣнечки йдешь — сѣдельця пыпашь,
 Въ комору йдешь — нагайки шукашь,
 Дипя плаче, ты не поколышешь. —
 Все на мене важкимъ духомъ дышешь,

Ой у порога ревнула корова, —
 „Зоставайся, мѣлая, здорова!“
 Ой ревнуло ще й мале пеляшко —
 „Зоставайся мале. диняшко!“
 Мѣла зъ хаты выбѣгала,
 Свого милѣго за спремѣнь хапала.
 — Ой вернися, мѣй мѣлый, вернися,
 Варѣной горѣлки напѣйся,
 И въ голубый жупанъ приберѣйся,
 И на мене милу подивѣйся! —
 „Не вернуса, мѣла, не вернуса!
 Я въ дорѣзъ й сырож напѣюся,
 И на чужу милу подивѣюся,
 До тебе въ недѣлю вернуса,
 Въ зелѣный жупанъ приберуся.“
 — Ой не вѣдъ же, мѣй мѣлый, нѣзомъ,
 Закидана дорѣженька хмызомъ. — (164)

(164) Хмызь — хворостъ.

„Ой ё въ мене коникъ воронёнкйй,
 Перескочилъ той хмызокъ дробнёнкйй.
 Ой у полъ вовкй да лисицй,
 Ой по-жъ мой брапья да сестрицй.
 Ой у полъ чорный воронъ кряче,
 То-жъ мою вёнъ голову баче.“

6.

Ой поважай спару мапёръ, хочъ вона й не родна:
 Кохай, кохай дёвчиноньку, хочъ вона и бёдна.

— Не для того спара мапи що-бы поважати:
 Не для того бёдна дёвка, що-бы ёй кохати.

Ой поважай сестру свою, сиропу-вдовицу:
 Кохай, кохай молодицу, гарну соболицу.

— Не для того сестры, вдовы, що-бы ихъ поважати:
 Не для того молодицй, що-бы ихъ кохати.

Ой поважай опця своего, да поважай брапа:

— Не для того вони живуць, що-бы ихъ поважати.

Коли прёба поважати, то мы знаёмъ за-що:

Да й не маму, да й не папа, ни сестру, ни брапа.

Ой у мене ё коняка, да й гарный коняка:

Ой якй вонъ волоцюга, якй розбишак!

Ой того-то я коняку поважати буду,

За ёго не ваяв-бы срёбла хочъ повную груду.

Ой ще на моёму боцъ ё шабелька гарна,

Спытай ёё, спытай ёё, чымъ вона не панна?

Ой панночко наша, панночко цаблюдо,

Зъ бусурманомъ зустрічалась (165) да й не двоци

цёловалась.

(165) Встречалась.

7.

Соколоньку сынку, чини мою волю:
Продай коня вороного, вернися до-дому.

— Соколіхо маши, коня не продаши,
Мому коню вороному прѣба сѣньця даши.

Соколоньку сынку, рыбъ намъ не ловиши,
Нѣчого намъ ѣсти — голодомъ сидѣши.

— Соколіхо маши, пуспи погуляши,
Буду гуляти, да гуляти, доленьки шукати.

Соколоньку сынку! хибѣ-жь пепѣрь время?
— Время, маши, время! орлу разъ-шо время.

Ой привезу, мамо, побѣ при жупаны,
Да всѣ пѣи при жупаны всѣ сребломъ попкани;

Ой мѣжь пѣми одинъ жупанъ изъ самого Хана:
Ой процай-же, моя мамо, пойдю я до Хама.

8.

„Ой панове-молдци, вѣдкѣль идепѣ?
Да зъ якою спорѣночки, да щѣ везепѣ?“

— Ой, Пѣне-Гѣпъмане! були въ бусурмана:
Багѣцько въ чорпѣки всякого надбѣне! —

„А щѣ-жь вы, панове, чѣго памѣ чувѣли,
Якого видѣли, якого зѣбрали?“

— Щѣ, Пѣне-Гѣпъмане! по при смухи зъ барака,
Чѣтвѣрпу малѣньку зъ самого бусурмана. —

9.

Ой у лúзѣ да калина весь лúтъ изкрасила:
Породила спарá маши жовнѣронька сына.

„Породила жѣ менѣ маши пемнѣньком ноцѣ,
Дала менѣ бѣле личко и чорныи очѣ.

Булó-бѣ менѣ бѣлѣнького личка не давали,
Булó-бѣ менѣ, мой маши, счáсье и дóлю дали!

Породила менѣ маши въ Свяпúю Недѣлю:
Дала менѣ лихú дóлю — дѣ-жѣ еѣ подѣну?...

Лихú дóлю ни продали, а ни промѣняли;
Всюды люди лихо знаютъ, не хóпятъ куповали!“

Розвивайся, сухій дúбе! зáвтра морóзъ бúде,
А вжѣ побѣ, гарный хлопче, зáвтра походъ бúде!

— Я морóзу не боюся, зáвтра розвиúся!
„Я походу не боюся, зáразъ выберúся!“

Плаче мила, плаче чорными очима:
— Вечеронька на сполѣ, а смѣрть за плечима! —

„Крóпишь дóжчикъ дорóженьку да щóбъ не курѣла.“
Ой порáдьте моѣй милóй да щóбъ не шужила!“

10.

Ой сѣвъ козákъ вѣспи, идúшь къ ёмú вѣспѣ:
Кидай, козákъ, вечеряти, чáсь на коня сѣспи!
Козákъ покидаѣ, на коня сѣдаѣ,
Маши ёго рóднѣнькая зѣ жалю омлѣваѣ.

Часть I.

„Не дай, Бо́же, сме́рти, въ чужо́мъ кра́ю вме́рти:
 Нема́ кому́ жалкова́ти, голо́вки звяза́ти!
 Во́ронъ приле́тае, въ во́чи загляда́е,
 Бѣле пѣло объѣда́е, ко́спки покида́е! . . .“

11.

Ой кря́че, кря́че чорне́нькій во́ронъ
 Да на глыбо́кѣй доли́нѣ;
 Ой пла́че, пла́че молодѣ́й коза́че
 По несча́сливѣй годинѣ.
 Ой кря́че, кря́че да чорне́нькій во́ронъ,
 Да у лу́зѣ надъ водо́ю;
 Ой пла́че, пла́че молодѣ́й коза́че
 На ко́нику на вороно́му.
 — Воро́ний ко́ню! гра́й шы по́до мно́ю,
 Да розбѣ́й шы лу́гу мо́ю!
 Розбѣ́й, розбѣ́й лу́гу по шѣ́мному лу́гу
 Козако́ви да молодо́му. —
 Ой ѣде коза́къ да дорѣ́женькою,
 Слезо́ньками умыва́ешся:
 — Де-сь мо́я не́цька, де-сь мо́я спаре́нька
 Да за мно́ю убива́ешся!
 Да въ недѣ́моньку ра́но по-ране́ньку,
 Да якъ со́нце не зходи́ло,
 Да зѣ́зжала́ся вся мо́я родѣ́на,
 Вона́ мене́ выпроводи́ла.
 Выпровожа́ешъ, мо́я родѣ́нько!
 Да чи не жа́ль побѣ́ буде́,
 Якъ я поѣ́ду на шу́ Украѣ́ну,
 Да ме́жь чужѣ́и лю́ди?

Ой згадай мене, мой спарá нене,
 Сьдаючи да обьдаши:
 Де-сь мой дитина на чужой споронь,
 Да нькому да одвьдаши!
 Ой згадай мене, мой спарá нене,
 Якъ сядешъ у вѣчеръ вьспи:
 Де-сь мой дитина на чужой споронь,
 Да немає одъ неи вьспи.

12.

Спойшь яворъ надъ водою, въ воду похилився;
 На козака пригдонька (166), козакъ зажурился.

Не хилися, явороньку, ще пы зелененькый!
 Не журился, козаченьку, ще пы молоденькый!

Не радъ яворъ хилилися — вода корний мые;
 Не радъ Козакъ журилися, да серденько ные!

Ой повхавъ въ Москóвщину козакъ молоденькый —
 Орехове сьделечко и конь вороненькый.

Ой повхавъ въ Москóвщину да памъ и агинувъ,

Казаавъ собъ: насыпали высоку могилу,
 Казаавъ собъ: посадили въ головкахъ калину!

Будушь пташки прилешати калиноньку вьспи,
 Будушь менъ приносиши одъ родоньку вьспи!...

(166) Невзгодье, бьда.

Горе менѣ на чужинѣ,
 Що не вкупѣ братьи мой:
 Одинъ въ Сѣчѣ Опаманомъ;
 Другій въ степу зъ Вапáжкою,
 Третьій Дойно Дойниченько . . .
 По-надъ Днѣспрómъ Дойно ходишь,
 Дѣвяперо коней водишь,
 На десятómъ поѣзжае,
 Днѣспра брашомъ называе.
 „Днѣспре бра́те, побрапа́ймось!
 Скажи рѣчь Савранськóй (168)
 И прикмѣть (168) козацькóй.“
 Въ-гóру, Дойно Дойниченько!
 Тамъ рѣченька Савранськая
 И прикмѣша козацькая . . .

Сидишь козаць на могилѣ,
 Зъ оружины огонь крѣше,
 Скалки ломить, розкладае,
 Въ свой раны заглядае:
 Пострѣлены — къ сердцу прийшли,
 Порубаны — кровью зойшли. —
 Закладався орель зъ конемъ,
 А за пѣи криниченьки:

(167) *Савранка* впадаеть въ Бугъ. (168) *Прикмѣта* —
 смышленость, удастьство?

„Ой чи скорѣйшъ ты добѣжишъ,
 Менѣ крильця повпиняешъ!“
 — Ой ты скорѣйшъ да долетишъ,
 Мѣнѣ ноги повпиняешъ. —
 Ой конь бѣжишъ, земля дрожишъ;
 Орелъ летишъ, перо дзвенишъ;
 Ой конь бѣжишъ все ярами,
 Орелъ летишъ все лугами.
 Конь до воды прибѣгае,
 Орла брата выглядаетъ:
 Орелъ летишъ и не смѣе
 Коня брата не познае;
 Даруй, коню, крыльчками,
 А хню ходишь ножечками!

14.

„Водкѣль ѣдешъ?“ — Одъ Дунаю! —
 „А що чувавъ про Михайлу?“
 — Эге! чувавъ! я самъ видавъ:
 Ишли Ляхи на при шляхи,
 Козаченьми на чопыри,
 А Ташаре поле крыли.
 А въ томъ войську козацькому
 Ъхавъ возокъ да й покрыпый
 Червоною кипайкою,
 Заслутою козацькою.
 А въ томъ возку було пѣло,
 Порубане, почорнѣло;
 За пѣмъ возкомъ конь лыцарській;
 Ведѣ коня хлопъ козацькій,
 Держишъ списъ въ руцѣ довгенъкій,
 А у другой мечъ ясенъкій.

Ой щé зъ мечá и крѡвъ печé!
 По Михайль мáпи плачé . . .
 Не дúже вѡнь порúбанный:
 Головонька на при часпí ,
 Бѣле пѣло на чопырí!
 Нá-що, мáпи, справу дбáши (169) !
 Трѣба досчѡкъ добувáши ,
 Хорѡмину будовáши !
 Дай три дѡски кленовыи ,
 А чепвѣршту сосновою :
 Безъ дверь хáпа , безъ вѡкѡнецъ ,
 Бо вже прíйшовъ ёму кѡнецъ !

Въ другякъ варíяншахъ находяцца слѣдующíе списки :

А въ помъ вѡзакú козакъ лежítъ
 Поспрѣляный , порúбанный ,
 На при часпí роздѣленный ;
 Въ правѡй рудѣ шáблю держítъ ,
 А зъ той шáблi крѡвцá бѣжítъ —
 Бѣжítъ рѣчка кровавая ,
 Надъ рѣчкою яворъ спѡйтъ ,
 Надъ яворомъ вѡронъ кряче ,
 За козакѡмъ мáпи плаче ,
 Вонá плаче и рыдáе ,
 Свогѡ сына не пѡзнáе .

(169) Яспивы гѡповишь.

Сидѣть воронъ надъ скалою

Похипуе головою :

— Ой я швогó сына знаю ,

Тричи на день понась маю ,
Зѣ лба очи выбираю .

Иди , спара , до-домочку ,
Возьми пѣску въ праву ручку ,
Посѣй ёго въ городочку ,
Якъ шой пѣсокъ въ-гору зѣйде ,
Тогдѣ сынъ до шѣбе прѣйде !

15.

Вѣперъ гудѣ , права шумѣшь ,
Козакъ бѣдный убѣишь лежишь
На купишь головою ,
Накрывъ очи осокѣю .
Кѣнь воронѣй у нѣженькахъ ,
Орѣль сѣзый въ головонькахъ ;
Вѣнъ козака доглядѣе ,
На кучерѣ наступѣе . . .
Вѣнъ до ёго промовлѣе :
„Сѣзый орле , побрашѣймось !
Якъ шѣй , браше орле , спѣнешъ
Зѣ лѣбу очѣй выдѣрати ,
Дѣй же моѣй нѣнѣцѣ знѣати ,
Моѣй нѣнѣцѣ старѣсенъкѣй ,
Машусенъцѣ рѣднѣсенъкѣй .
Ой знѣй , орле , шѣо казѣати ,
Якъ у шѣбе моѣ маши
Буде про мѣде пышѣати !

Скажи: служишь вѣнъ у Хана,
 Въ пана Хана Тапарина,
 У Крымського Добрѣдѣя;
 Да выслуживъ королѣвоньку,
 Въ чистѣмъ полѣ могилоньку. . .“

16.

Ой конь бѣжишь, правá шумишь:
 Да вжéжъ козакъ убить лежишь,
 На купинѣ головою,
 Прикрывъ ноги осокѣю,
 Жѣвте пѣло рокипою,
 Бѣлы рѣки хустинѣю,
 Ясне личко кипайкѣю. . .
 Въ головонькахъ вѣронъ кряче,
 А въ нѣженкахъ коникъ плаче;
 Копытомъ зѣмлю выбивае,
 Свогѣ пана вѣнъ пыпае:
 — Ой пане-жъ мѣй, пане,
 Пане колипане!
 Ой кому менѣ вручаешь,
 Кому коня покидаешь?
 Чи Тѣрчину, чи Тапарину? . . .
 „Тебѣ, коню, Тѣрчинъ не поймае,
 А Тапаринъ не ѣдлае.
 Ой бѣжи, коню, пѣмными лугами,
 Бѣжи, коню, бѣпыми шляхами;
 Да прибѣжи, коню, до двѣру,

Тя вдарь коньшомъ въ болону!
 А выйде до тебе ненька спаренька,
 Козацькая мапусенька;
 Она буде тебе за поводы браши,
 Буде тебѣ сына подкладати,
 Во вса буде тебѣ подсыпати,
 Холодною водицею наповати,
 И скрозь слезы про мене пыпати.
 Да не кажи, коню, що я убився,
 А скажи, коню, що я оженився,
 Да понявь себѣ паняночку,
 Въ чистомъ полѣ земляночку —
 Що куды вѣперь не вѣ,
 Ни сонечко вже не грѣ. . .
 Безь вѣконець и безь дверець —
 Тамъ спить козакъ - молодець. . .“

17.

Ой у полѣ снѣжокъ порошить
 Ажъ памѣ козакъ забить лежить,
 На купинѣ головою,
 Накрывъ очѣ муравою,
 Муравою зеленою,
 Червоною кипайвою.
 Въ головонькахъ воронь кряче,
 А въ ноженькахъ коникъ плаче:
 — Абó мене, пане, пускай,
 Абó менѣ заплапу дай! —
 „Зорви, коню, шовковый поводь,
 Бѣжи, коню, дорогою,
 Зеленою дубровою;

Выѣжъ правы двѣ косарѣ,
 Выпій воды два озёрѣ,
 Подбѣжи, коню, подъ ворона,
 А вдарь коню у копыта!
 А выйде до пѣбе нѣнька спарѣнька,
 Козацькая мапусѣнька —
 Ой знай, коню, що казали,
 Якъ буде у тебе пышани:
 Ой коню мой воронѣнькій,
 А де пвѣй пань молодѣнькій?
 Чи ты ёго въ войську згубивъ,
 Чи ты ёго подъ себѣ збивъ? —
 А ни я ёго въ войську згубивъ,
 А ни я ёго подъ себѣ збивъ:
 Заслуживъ вѣнь паняночку,
 Въ чиспѣмъ полѣ земляночку! . . .“

18.

(Г а л и ц к а я)

Чѣрна рѣля (170) заѣрана — гей, гей —
 Чѣрна рѣля заѣрана
 И кѣлями (171) засѣяна,
 Бѣлымъ пѣломъ зволѣчена, — гей, гей —
 И кровѣю сполѣчена.
 Лежипь вѣяъ на купинѣ — гей, гей —
 Лежипь вѣяъ на купинѣ,
 Накрывъ очѣи кышайкѣю.

(170) Рѣля — пашня. (171) Кѣля — пуля.

Кипайкою червоною — гей, гей —
Накрывъ очи кипайкою.

А нѣ прунѣ (172), а нѣ ямы — гей, гей —
А нѣ прунѣ, а нѣ ямы,
А нѣ вопця, а нѣ мамы.
А нѣкому задзвонѣши — гей, гей —
А нѣкому запужѣши!

Дзвоняшь конѣ копытами — гей, гей —
Дзвоняшь конѣ копытами,
А воякѣ оспрогѣми.
Дзвоняшь конѣ копытами — гей, гей —
А воякѣ оспрогѣми.

Лепѣшь воронѣ зъ чужѣхъ споронѣ — гей, гей —
Лепѣшь воронѣ зъ чужѣхъ споронѣ,
На могилѣ усѣдае,
Очѣ ѣму выпивае — гей, гей —
Очѣ ѣму выпивае.

Ходѣшь мапи гукѣючи — гей, гей —
Ходѣшь мапи гукѣючи,
Сына своего пыпѣючи.
— Ой я швого сына знаю — гей, гей —
Бо я зъ ѣго попась (173) маю!

„Скажѣ менѣ, воронѣ милый — гей, гей —
Скажѣ менѣ, воронѣ милый:
Чи мѣй сынѣкъ ищѣ бѣлый,
Чи щѣ оченѣки яснѣнкѣ — гей, гей —
Да чи успѣ румьянѣнкѣ? ...“

(172) Трунѣ — гробѣ (173) Пасху.

— Вжé ёго успá синéнькî — гей, гей —
 Вжé ёго успá синéнькî,
 Егó личкó вжé чорнéньке,
 Я на личкó присѣдаю — гей, гей —
 Очî ёму выпивáю! ...

19.

По-за сáдомъ зеленéнькимъ дорóжка лежáла :
 Молодáя шуды панî некрупъ вырjáла,
 Вырjáла на воронóмъ кониченьку.
 — Выйди, выйди, сёрдце моé, дѣвчíнонько ! —
 Ой не выйшла дѣвчíнонька, выйшла спарá мáпи;
 Взялá коня за пóводы, да й спáла пытáпи :
 „Ой сыну-жъ мóй, соколóньку, дéжь тебé шукапи?“
 — Шукáй въ спепу, кра́й дорóги, моá рóдна мáпи!
 Тамъ я бóду, моá мáпи, гóремъ горевáпи —
 Своимъ чóбомъ кучерявымъ спепы успилáпи,
 А своéю кровíцею мóря доповнáпи,
 А щé своимъ бѣлымъ тѣломъ орлы годовáпи.....
 „Бо-дáй же вы, вороженъки, всѣ рáзомъ пропáли,
 Якъ вы шóю бѣдú знáли, менѣ не сказáли ;
 А шодî вже вы сказáли, якъ сына пóймáли!
 А пóймáли мого сына, да рúки звязáли,
 Повязáвши бѣлы рúки, везúшь до Прилúки,
 „А зъ Прилúки до Полшавы, до вѣчной присяги :
 Присягъ Царю, присягъ Бóгу, одрѣкса одъ рóду,
 Прощáй, сыну, мóй гóлубе, не думáй до дóму!

До вдовиного двора
 Лежишь дорожка нова,
 А въ помъ дворъ сполы песанй,
 По-мѣжь пѣми сполами
 Сидятъ паны рядами,
 Пишутъ листы пѣрами,
 Пишутъ, пишутъ и рядянь
 Кого въ некруты оддашь.

— Де пѣть — памъ не брашь;
 Де чопыри — памъ веляшь;
 Де три — памъ не ты;
 Де два — памъ нѣ-льга.

У вдовины одинъ сынъ,
 И пои пошовъ подъ аршижь;
 Подъ аршиномъ не дойшовъ
 И заплакавши пошовъ.

Паны ёго пожалѣли
 И купили коника,
 И коника й шабельку,
 Пошовъ хлонецъ до повку.

Идѣ мапи, рыдае,
 Всю старшину збирѣе.
 „Ой старшина моя мила,
 Выпускайте моего сына.“

Обозвѣвся одинецъ,
 Уродливый молодець:

— Не пла́чь , ма́пи , не рыда́й ,
 Ка́рыхъ о́чей не э́пирáй,
 Ой погди́ ты запла́чешъ ,
 Якъ на му́шпрѣ забáчишъ.

А чий-же по ланѣ
 Позасѣвали панѣ ?
 А по пого́ одинця́,
 Вродливого молодця́.
 А вѣйдемо на той ланѣ,
 А вдарѣмо въ барабанѣ.
 Опть : ма́шерѣ на жалоспѣ ,
 А спаршинѣ на радоспѣ.
 По́шла ма́пи плачучѣ́,
 А спаршинѣ радощѣ́.

21.

Ой крикнули орлы́, зъ-за моря́ лепю́чи :
 Заплакали бурла́ченьки въ нево́лѣ сидю́чи.

— Дава́й , Со́псскій , по́шпу , коня́ вороно́го ,
 Да повезе́мъ до приѣму́ хло́пця молодо́го ! —

Взяли́ да ѣ помча́ли пѣмными луга́ми ;
 А за ними́ опѣць , ма́пи , бѣпими́ шляха́ми.

А де́ на-но́чь спáнушь , свѣ́пло задува́юшь ,
 Що́ ро́дного опця́ ѣ ве́ньки да не допусқа́юшь.

„Не пла́чь , моя́ ма́пи , не пла́чь , не жури́ся :
 „Ще́ я молодѣ́нькїй коза́къ , выслу́жуся !“

Ой зачула-жъ мой до́ля,
Що не бу́ди менѣ до́ма,
Бу́ди-жъ менѣ у нево́лѣ,
У некру́цькому набóрѣ! —
Скóро коза́къ догада́вся,
До дѣвчи́ны заховáвся:
— Ой дѣвчи́но, моє се́рдце,
Зхова́й мене́ по́дъ рядéньце! —
Скóро лю́ди догля́дали,
Кругóмъ хáпу обступі́ли,
Въ дѣвкѣ двéри розломи́ли
И козака́ улови́ли;
Быспрѣ́ но́женьки зкова́ли,
Бѣлі́ рúченьки звязáли,
Посади́ли у вóзóчокъ,
Самі́ сѣли въ передóчокъ,
Да й повезлі́ въ городóчокъ.
Сáми кóней поганя́ють,
Да й на хло́пця поглядáють —
Щобъ и кóней не впоми́ти,
Щобъ и хло́пця не впус́тити.
На кóнигахъ пѣна пáла,
Недáлеко вже Полта́ва.
Прі́ехали до Полта́вы,
Оддáпчики повспавáли,
Быспрѣ́ но́жки розкова́ли,
Бѣлі́ рúчки розвизáли,
Да повелі́ у свѣ́плі́цю,
Посади́ли на скамні́цю,

Чорні кудрі підголили
 Да й муницю начепили,
 По базáру поводили,
 Мѣдомъ - виномъ напоили.
 „Лучче-бъ менѣ волôвъ пáспи,
 Нѣжъ шепѣра зъ коня впаспи!
 Лучче-бъ менѣ погоніпи,
 Нѣжъ зъ панáми говоріпи!
 Луччебъ менѣ зъ грабѣлками,
 Нѣжъ шепѣра зъ шабѣлками.“

23.

Ой дубъ на берѣзѣу гôльемъ похилівся,
 Сынъ своѣй мáпері до нôгъ уклонівся:
 „Ой спарá не не, чомъ не жѣнишъ мене?“
 — На щô-жъ тебе, сыну, молодымъ женипи?
 Хибá побѣ, сыну, нѣ зъ кѣмъ говоріпи?
 Куплю побѣ, сыну, коня вороного,
 Коня вороного, говори до ёго. —
 „Но подôба, мáпи, зъ конемъ розмовляпи:
 Ой часъ и годіна дѣвчїны шукапи.
 Ой коню-жъ мôй, коню, коню воронѣнській!
 Ой чогó пы спойшъ на спáнѣ смупнѣнській?“
 — Тогó я смупнѣнській, що пы молодѣнській,
 Що пы рáно вступаешъ, мене наповáешъ,
 Мене наповáешъ, вôзмѣшъ осѣдлáешъ,
 Куды погадáешъ, туды й поганяешъ,
 Нїгдѣ погó шїнку не минаешъ,
 Мене вороного къ сповбу припинаешъ.
 Я сырую зѣмлю по поясъ вѣбью,

Доки тебе, Пáne, зъ погó шинку вызву.
 Ой дай менѣ сѣна по самѣи колѣна,
 Дай менѣ воды по самѣи поводы,
 Ой дай менѣ мочѣи по карыи очѣи —
 Тогдѣи гуляй, Пáne, хочá до пóвночи!

24.

Ой гáлочки чорнѣнькѣи крупú гóру вкрыли;
 Молодыи козаченькѣи жáлю наробѣили.

Ой гáлочки чорнѣнькѣи, пóдóймайпѣсь въ гóру!
 Молодыи козаченькѣи, вертáйтѣсь до-дóму!

— Ой радѣи мы пóднѣпѣсь — шумáнтъ налягáе.
 — Ой радѣи мы вертáптѣсь — да Пáнтъ не пускáе.

25.

(Уланская вербунка.)

Въ Бердѣчовѣ, славнóмъ мѣстѣ,
 Звербовáли хлопцóвъ двѣспѣ,
 А чѣмъ-же ѣхъ вербовáли?
 Злóпыхъ грóшей даровáли.

Въ Бердѣчовѣ, славнóмъ мѣстѣ,
 Звербовáли хлопцóвъ двѣспѣ;
 И кóнюхи, и писáрѣи
 Увъ улáны приспáвали.

Пристáнь, Юрку, до вербúнку,
 Бúдѣшь ѣспи зъ мáсломъ кúрку,
 Бúдѣшь ѣспи, бúдѣшь пѣппи,
 Бúдѣшь якъ панóкъ ходѣппи.

Забудь папа, забудь маму,
 А самъ приспаны увъ уланы!
 Теперь маешь горёвапи,
 Лучше въ войську пановапи.

А въ уланахъ даюшь гроши,
 Будешъ багатыи, хорошии;
 Будешъ вѣспи, будешъ пипи
 И хороше въ чёмъ ходипи.

И хороше въ чёмъ ходипи —
 Довбешками воши бипи.
 И остроги побляни,
 И чоботы ваксовани.

Кипель бѣлми, киверь чорный,
 Жлопецъ гарный и мопорный,
 И чикчиры гаптовани,
 Самы паны прибиранни.

А зводколь вы? — Могиляне.
 А чий пы? — Ковалёва.
 Ой я дѣвка мѣжъ дѣвками,
 Черевички съ подковьями.

БУРЛАЦКІЯ.

26.

Гэй-же! — Да журба менé скрушила,
 Да журба менé зсушила, — да гэй!
 Гэй-же! — за чужими волами ходючі,
 Да чужии возы мажучі, — да гэй!
 Да нуше, волы, помалу,
 Да вышыгайце изъ яру. —
 Ой крикнули журавлі,
 Да ходючи по ролѣ:
 Да лучче ролѣ ранняя,
 А нежь пая позняя;
 Що на ранней женці жнупь,
 А на позней скотомъ бьютъ. —
 Ой крикнули молодці,
 Да сидючи въ корчомцѣ:
 Да лучче жонка першая,
 А нежь пая другая;
 Да що зъ першою дѣшей мавъ,
 А зъ другою розогнавъ.
 Да идѣнь дѣши служипи,
 Чомъ мачусъ годипи! —
 Да одинъ пошовъ до пона,
 Другій пошовъ до жйда,
 Третьій пошовъ до пана —
 Щобъ мачуха пропала!
 Ходить батько по валу,
 Ключе дѣшей до-дому:

11*

Да идѣшь дѣши до-дому,
 Не буде мамъ розгону!
 — Живі, папу, якъ Богъ давъ,
 Коли ты насъ розогнавъ!
 Мы будемо служіши,
 За мапѣрью шужіши!

27.

„Щука рыба въ морѣ гуляе до-воли,
 А я козакъ на чужинѣ да не маю доли.

Выйду за воропа, надѣвши сѣмрягу,
 Ой хпѣ-жъ менѣ да пригорне бѣдного непагу!

Осѣдлаю коня да поѣду въ поле,
 Прощай, прощай мапусенко, моя рѣдна ненько!“

— Ой ты сизый орле, высоко лѣтаешъ,
 Ой чи часто мого сына у вѣчи видѣшъ?

„Сынъ пвѣй, мапи, въ полѣ, въ полѣ спочивае,
 Надъ нимъ сидишь сизый соколъ, въ головоньку
 сѣкае.“

Да вдарила мапи объ полы руками:
 — Теперъ-же я, мой дѣши, пропала изъ вами. —

„Самá себе, мапи, самá провинила,
 Що насъ такіхъ покохала да й не поженила.“

— Сынѣ-жъ мой любі, сынѣ вы миленькі,
 Тымъ-же я васъ не женила, що вы молоденькі!

— Въ недѣлоньку рано розигралось море :
 Не одному сыну на чужинь горе !

Выйду за воропа, спану якъ сиропи.
 Никто мене не займае! я бѣдный сиропи! . . .

Да лепишь орель сизый, орель сизокрылый :
 „Чого стойшь-шужинь, мой сыну единый!“

— Да порадь менѣ, орле! що маю робити :
 Да померь опець, мапи, вся моя родина. —

„Да и ты не знаешь, да и я не знаю,
 Покидай сей край, де роду не маешь ;

Да иди на Вкраину, тамъ знайдешь родину,
 Тамъ знайдешь родину, любую дѣвчину.“

Журба мене сущишь, журба мене валишь,
 Журба-жь мене, мапи, скоро изъ ногъ звалишь!

А я-жь поѣй журбѣ да и не поддаюся —
 Поѣду до шингарки, горѣлки напыюся.

Горѣлочка пьяна, суча журба впряма ;
 Горѣлочка сумна, суча журба умна.

Чому-сь менѣ, брате, горѣлка не пѣтся,
 Била моего серденька якъ гадина вѣется.

Коло сердца, брате, коло сердца моего,
 А коли не вѣришь, нехай била швого!

Були въ мене луги, спали жипо жапи ;
 Бувъ въ мене опець и родная мапи,
 А пеперь нѣкому порадоньки дапи!

Булі въ менé лúги, высóкiм вóльхи,
 Булі въ менé дядькi и рóдными пѣлги,
 А пепёръ порáдоньки не маю ни звóдкóль!

Да булі въ менé лúги, булі и копiцi —
 А пепёръ нѣкому подáшь и водiцi.

Не дáй Бóже смёрши — на чужiнѣ вмёрши:
 Ой нѣкому доглянуни памъ моéи смёрши.

30.

Ой не шумi, лúже, дубрóвою дúже,
 Не завдавай сёрдцю жáлю, бо я въ чужóмъ краю,

Ой я въ чужóмъ краю якъ на пожарiнѣ,
 Нихтó менé не пригóрке при лихóй годiнѣ!

Ой роблю я, роблю, робóта ни-зá-що,
 Лúди кáжущь и говорящь: сиропá ледáщо!

Сиропá ледáщо, не хóче робiти;
 Ой опдáймо врэжа сына у вóйсько служiши!

Сиропá впомiвся, на пiнѣ похилiвся —
 Лúди кáжущь и говорящь: вóнѣ мабушь упiвся!

Ой пóйдú я, пóйдú на горú крупúю,
 Ой спáну-жъ я, подивлюся на рѣчку быспрúю.

Ой рѣченъка, быспрѣнъкая! на óи дивлюся,
 Такi менé думкi вносящь: пóйдú упоплюся!...

— Не попися, козáченъку! мáрне дúшу згúбишь:
 Треба зъ нею въ свѣтѣ жиши, хочъ ёi не любишь!...

31.

Ой не шуми́, лу́же, пы зелёный гаю́,
 Не завдава́й се́рдицю жа́лю, бо я́ въ чужо́мъ краю́!
 Бо я́ въ чужо́мъ краю́ ма́рне пропадаю́,
 Ой пы́мъ-же я пропадаю́, що́ ро́ду не маю́. . .
 Хочь у мене́ и е́ ро́дь — далёко одь мене́;
 Ой я чую́ черезь лю́ди, цураю́ться мене́.
 Неха́й вони́ цураю́ться, да яхь, сами́ знаю́ть,
 При́йде пая́ годи́нонька, що́ й мене́ згадаю́ть!

32.

Зь по́ля вѣперь вѣе́,
 За Лима́номъ завыва́е,
 Ту́га-печа́ль наляга́е. —
 Ой я съ пу́ги, да зь печа́ли
 По́йду въ корчму́ погуляю́.
 Шинка́рочка молодая́,
 Вона́-жь мене́ давно́ зна́е,
 Горѣ́лочки повѣ́ряе. —
 Шинка́рочко молодая́!
 Усы́пъ ме́ду и горѣ́лки,
 Тепе́рь въ мене́ нема́ жо́нки.
 Въ ко́го жо́нка́, въ ко́го дѣ́пи,
 Тому́ въ По́льщи́ дѣ́бре жи́ши.
 А я́ жо́ночки не маю́,
 Я въ Оде́сь пробува́ю. —
 А въ Оде́сь дѣ́бре жи́ши,
 Мѣшкѣ́мъ хлѣ́ба не носі́ши,
 На па́ньщину́ не ході́ши,
 Поду́шного не плапíши.
 Ни за плу́гомъ, ни за ра́ломъ,
 Называ́юшь мене́ па́номъ.

33.

Ой лужечки да бережечки да вода поняла;
Да вже-жъ мою да голівоньку журба обняла.

Охъ и я журбу, охъ и я поску да на листу спишу;
Охъ и я журбу, охъ и я поску на Дунай пуцу.

Да пльви, журбо, да пльви, поска, да по всьмъ
берегамъ;

Охъ и родай, Боже, мою печаленьку по всьмъ
ворогамъ.

Да зелены дубъ, да зелены дубъ, да безъ сон-
ця завьявъ,

Молодёнкому да козаченьку Богъ долі не давъ.

Да не давъ долі, да не давъ счастья, да не давъ
шалану,

Да куды я пойдю, куды повернуся — по все чужина.

34.

Ой въ полъ могила зъ въпромъ говорила:

Повій, въпре, ты на мене, щобъ я не чорнѣла.

Щобъ я не чорнѣла, щобъ я не марнѣла,

Щобъ на менѣ правá росла, да щѣ й зеленѣла!

И въперъ не вѣе, и сонце не грѣе,

Тольки въ степу при дорозѣ правá зеленѣе!

Ой у степу рѣчка, черезъ рѣчку кладка:

Не покидай, козаченьку, рѣднёного балька!

Якъ балька покинешь, самъ марне загнинешь,

Рѣченкою быспрёнкою за Дунай заплинешь.

— Бо-да́й па́я рѣчка ры́бы не пло́дила:
 Вона́ мого́ пова́риша на-вѣки впоши́ла!
 Бо-да́й па́я рѣчка кошу́ромъ заросла́:
 Вона́ мого́ пова́риша за Дуна́й занесла́!

35.

Лешѣвъ соколѣнько, да й сѣвъ на дубѣньку,
 Схилѣвъ-склонѣвъ головѣньку унизъ до-долѣньку.
 Кліче ма́пи сы́на зъ корчмы до-домѣньку:
 Иди́, сы́ну, до-домѣньку, пропѣшь худѣньку.
 „Ма́пи-жѣ мо́я, ма́пи, и са́мъ-же я ба́чу,
 Що я́ свою́ худѣньку усѣ ма́рне пра́чу.
 Ой не по́йду́, ма́пи, до-домѣньку спа́ни:
 Е на се́рдцѣ скорби́шонька, далѣченько зна́пи.
 Зна́пи ма́пи, зна́пи; ще́ зна́пнѣйше бу́де,
 Що́ учѣра изъ-вечѣра осудѣли лю́де.
 Не па́къ сѣпарѣ лю́ди, якъ малы́м дѣ́ши:
 Доведе́ться одъ ворогѣвъ въ кайдана́хъ сидѣ́ши!
 Хочъ бу́ду сидѣ́ши, да зна́пиму за́-що:
 Неха́й зъ ме́не не смѣ́пся вся́кее леда́що!

36.

Ой са́мъ же я да не зна́ю, що робѣ́ши-спа́пи:
 Запряжу́ чопы́рѣ волы́ да по́йду ора́пи!
 Волы́ мо́я полове́ши, чому́ не оре́те?
 Лѣ́па мо́я молодѣ́ши, чому́ ма́рне иде́те?
 „Якъ бы вы́ насъ поганя́ли, пакъ бы мы́ й ора́ли!
 „Якъ бы вы́ насъ шанова́ли, пакъ бы ва́съ слуха́ли.“

Запряжѹ чопыри кони, кони вороны,
Да повѣду доганяпи лѣпа молодыи.

Ой догнавъ же лѣпа свой въ калиновомъ мостѣ:
Вернѣшся, лѣпа мой, хочъ до мене въ гостѣ!

Лѣпа-жъ мой, лѣпа мой, лѣпа молоденькѣ!
Коли доля несчастлива — будьте коропенькѣ!

37.

Лешѣвъ голубъ да все роскошно;
Лѣпа мой молодыи пошли розпочно.

Лешѣвъ голубъ да й упавъ на садъ:
Лѣпа мой молодыи, вернѣшся назадь!

38.

Лешипъ орелъ по-надъ моремъ по высокѣй висо-
костѣ:

Плаче козакъ спаресенькѣй да по своей молодоспѣи.

— Лѣпа-жъ мой молодыи, дѣ ся вы подѣли:

Чи вы въ лугѣ, чи въ байраки геть одъ мене по-
лешѣли?

Лѣпа-жъ мои молодыи, дѣ ся вы подѣли? . . .

Завилися въ кленовый лѣспѣ, да въ лѣсъ полешѣли!

Козацькая здобыченька марне пропадае:

Тыждень козакъ зароблае, за одиень дѣнь пропивае.“

39.

Да йшовъ козакъ зъ Дону, да зъ Дону до-дому,

Да й сѣвъ надъ водою, проклинае долю:

— Доле-жъ мой, доле, чомъ пы не шакал,

Ой чомъ не шакал, якъ доля чужая?

Що люди не рóблять, да въ жупанахъ хóдяшь,
 А я рóблю, дбаю — и свѣпы не маю;
 Що люди гуляють и рóскошй маюць,
 А я рóблю, дбаю — ничóго не маю! —
 Обóзвешься дóля по шóмъ бóцѣ мóря:
 „Козáче-бурлáче! дурный рóзумъ маешь,
 Що ты свою дóлю мáрне проклинаешь:
 Ой невинна дóля, винна швоя вóля —
 Що ты заробляешь, по всё пропиваешь,
 Що въ дéнь загорюешь, за нóчь прогайнúешь,
 А щó зашаланишь (174), по музыки наймешь:
 Ой грайте, музыки, изъ двóра до двóра,
 Да щóбъ не журилась спарá ненька дóма!...
 — Якъ музыки грали, то й насъ люди знали,
 А якъ переспáли, то й лáяши спáли! —

40.

Ой не спáвь я нóчку шемненькую,
 Да не бóду спáши щé й другóю,
 Да чомú-сь менѣ нóдно
 И на сёрденьку шрúдно,
 Молодýй козáкъ, сáмъ не знаю!

Да вѣють вѣпры все буйныи,
 Да идуть дожди все дрѣбныи,
 Зéмлю розрушають,
 И правóю успи́лають,
 Краснымъ цвѣшомъ искра́цають.

(174) Зашалáниши или закалáниши — прióбрьшь,
 нажишь.

Да теперъ рѣчки не глыбѣкіи
 И на перевозѣ не ширѣкіи;
 А луги изъ лугами,
 Береги зъ берегами,
 Де прохѣдять зъ кораблями.

А теперъ не прохѣдять,
 И бурлакѣ не провѣдять
 За вѣржими ворогами! . . .

ГАЙДАМАЦКІЯ.

41.

Наѣхали козаки до Маруси въ гѣспіи :
 „Марусенько-пані! чи є пивѣ пань дѣма?
 Коли-жѣ немѣ пана, вѣйди до насъ сама!“
 Марусенька не пѣзнала, въ черевічкахъ вѣйшла :
 — Еслѣ вы козаки, еслѣ гайдамаки! —
 „Марусенько-пані! по чѣмъ пы пѣзнала?
 По чѣмъ пы пѣзнала, правдоньку сказаала?“
 — По пѣмъ я пѣзнала, правдоньку сказаала,
 Що я свѣго пана кѣника пѣзнала. —
 „Марусенько-пані! не правдоньку-жѣ кажешъ :
 Мы пѣго кѣника въ пивѣго пана купили,
 Въ зелѣной дубровѣ грѣші полѣчили,
 Въ холѣднѣй крыніцѣ мѣгорічѣ запіли,
 Пѣдъ гнилѣ колѣду пана пѣдѣпили.

(Г а л и ц к а я).

„А що у пѡй Черногорѣ за вороні кѡні!
 Ходѣмъ, бра́те, въ гайдамаки, чуємо червѡні.
 Ой и чуємо червѡні въ пана молодого...
 Ой якъ бы ихъ да ужіши зъ двора головного?“
 — Ой я знаю, пане-бра́те, якъ по ихъ ужіши:
 Молодого того пана до спѣны прибіши!
 Ой прибіши рѹки, нѡги, ще межі плечіма,
 Да щѡбъ на насъ вѡнь дивівся чорными очіма!

На-що-жъ побѣ, пане-бра́те, порбіну паска́пи?
 Лѣпше побѣ, пане-бра́те, люде́й розбива́ши.
 Чи зна́ешъ ты, пане-бра́те, що́ буде́мъ дѣ́яти:
 Вырѣжемо вражихъ сынѡвъ, буде́мъ панова́ши!
 Чи ба́чишь ты, пане-бра́те, за лѣсомъ моги́ла:
 Чи ты уми́решъ, чи пові́снешъ — разъ ма́ши роди́ла!...

ЧУМАЦКІЯ.

Ой по гора́мъ снѣ́ги лежа́ть,
 По долина́мъ во́ды спѡя́ть,
 А по шляха́мъ ма́кі цвѣту́ть:
 То не ма́кі, а чума́кі —
 Зъ Кры́му иду́ть, ры́бу везу́ть.

Мати сына визнавала,
 Да не знала — великала:
 — Иди, синку, до-домоньку,
 Змию побь головоньку! —
 „Измый, мати; сама собь,
 Або моёй рѣднѣй сеспрѣ:
 Мене змиють — дрѣбнѣй дождѣй,
 А розчешуть — густѣй шерны,
 А просушить — яснѣ солнце,
 А розкудрють — буйнѣй вѣпры! . . .“

45.

Чумаченьки козаченьки кашу варили,
 А самѣ сѣдали, пѣсню спѣвали:
 „Ходишь пуга по лугу,
 Гнѣсься шурь-вѣль у дугу.
 Ходишь пуга по гаю,
 Кличе дѣвку Галю.
 Ходишь пуга по балкахъ,
 Плаче пуга по Козакахъ.
 Ходишь пуга по дубровѣ,
 Що немає долѣй, долѣй!“

46.

Зацвѣла калина у лузѣ да попустила квѣпы,
 Не одинъ чуманъ кѣда жѣнку и дрѣбененькѣи дѣпы.
 Дѣбре булѣ да чумаковати поки всюды булѣ рѣвно,
 А шѣ вже черѣзъ тѣм билѣпы да й ходѣши не вѣльно.
 Гей въ степу глыбока крыниця, шѣльки водѣ бли-
 щѣтся;
 Гей поѣшовѣ-бы я до жѣнки, дѣпѣй — не маю
 чѣмъ розплатѣться.

Ой ходивъ чума́къ се́мъ ро́къ по До́ну ,
Да не бу́ло приго́доньки ни́коли ё́му .

Ой ишо́въ чума́къ зъ Кры́му до-до́му ,
Спа́лась ё́му приго́донька за всю́ доро́гу ,

Спа́лась ё́му приго́донька не въ де́нь , а въ но́чи ,
Занеду́жавъ чума́ченько зъ Кры́му идучи́ ,
При широ́кой доро́женьцѣ во́лы пасучи́ .

Ой по́йшовъ чума́къ въ Сама́рь на база́рь ,
Черво́ною хуспя́ною голо́вку звязавъ .

Ой упавъ чума́къ , упавъ да й лежи́шь ,
Ни́што ё́го не спиа́е що́ въ ё́го бо́лишь .

Ой и бо́лишь въ ё́го се́рдце й голо́ва ,
Помира́е чума́ченько , а ро́ду нема́ .

Прійшо́въ до ё́го опа́манъ ё́го ,
Бере́ его́ за ру́ченьку , жа́луе ё́го .

„Опа́мане мо́й , жа́луешъ мене́ :
Скида́й жупа́нъ зъ мене́ да укры́й мене́ .

Бери́ мо́й во́лы-во́зы — похова́й мене́ ,
Бери́ моё́ срѣ́бло-зло́по — помина́й мене́ .“

Изки́нувъ чума́къ сви́шу и кожухъ ,
Припада́е къ сиро́й землѣ́ , пѣпный́ зво́де ду́хъ ;

Изки́нувъ чума́къ изъ се́бе каппа́нъ :
„Во́лы мо́й по́ловыи , хшо́-жь бу́де вамъ па́нъ ?

Да вдарили зъ-разу у великій дзвонъ,
Сѣ-жь по помѹ чумаченьку що ходивъ на Дѡнъ.

Да вдарили зразу въ дзвонѹ уво всѣ:
Сѣ-жь по помѹ чумаковѹ, що ходивъ по солѣ.

Ой ишли волѹ да въ вѡсмерику,
Задзвонили въ усѣ дзвонѹ по пѡмъ чумаку.

Ревнуѹли волѹ у новѡмъ ярмѣ;
Поховали чумаченька въ чужѡй споронѣ.

Ревнуѹли волѹ спепѡмъ идучѹ;
Поховали чумаченька, зъ Крыму везучѹ.

48.

Ой злепѣвъ пѹгачъ на ялиноньку, да якъ пѹгу да пѹгу!
Гей, допягайпе славноѹ чумаченьки да до шѣмного
лѹгу!

Ой рѡдибъ мы поспѣшапи, да чумакъ занедѹжавъ.
Ой занедѹжавъ да чумакъ Микипѡ да на вѡзъ
похиливса,

Да правѡю рѹченькою за сѣрдце ухопивса,
Кѡренькими ѡченьками на вѡлжкѡвъ подививса.
„Ой волѹ мой, да половьи! хпѡ вамъ Пѡномъ бѹде?
Ой якъ менѣ чумака Микипы на свѣпѣ не бѹде?“
— Ой поѹ надъ нами бѹде пановѡпи, хпѡ насъ бѹ-
де поганѡпи! —

Ой вы чумаченьки, ой вы бурлѡченъки! ой вы
лѹди на всѣ гѡжи!

Ой изробѣпе чумаковѹ Микипѣ домовѹну зъ рѡгѡжи.
Та вѣрийпе надъ чумакомъ Микипою да высѡ-
ку могѹлу;

Та посадѣпе надъ чумакомъ Микипою, да чер-
вѡну калину.

Ой чумаче, чумаче!
 Въ пѣбе лично козаче.
 Чомъ не рано съ Крыму йдѣшь,
 Не всѣхъ чумаковъ ведѣшь?
 — Ой я рано съ Крыму йду,
 Всѣхъ чумаченьковъ веду,
 Тѣлькомъ нема одного —
 Мого брата родного! (а)
 Шунавъ, шунавъ, не найшовъ,
 Запрѣгъ воли да й пошовъ.
 Ъхавъ, ѡхавъ — могила,
 Край могилы — долина,
 Тамъ чумани споляк,
 Тамъ же и мы пристали.
 Опамане, батьку нашъ!
 Порядъ же ты теперъ насъ:
 Що будемо робити,
 Чѣмъ воляковъ кормити?
 — А ще, хлопця, не бѣда!
 Есть у полъ лобода:
 Косить, хлопця, лободу —
 Забувають сю бѣду!
 Косить, хлопця, пшевицю —
 Въ чистомъ полъ метлицю.
 Косить, хлопця, весь споришъ —
 Кормить волѣвъ на барышъ.
 Косить, хлопця опаву —
 Пасить волѣвъ на славу.

Косвпъ, хлопцѣ, щѣ ячмѣнь —
 Повѣдемо въ Крымъ до сѣль!
 Косвпъ, хлопцѣ, и овѣсь —
 Повѣдемо у Одѣсь!
 Косвпъ, хлопцѣ, отерѣтъ —
 Навѣримо вечеряшь,
 Укинѣмо чабакá,
 Да помянѣмъ чумака! . . .

(а) Въмѣсто сихъ стиховъ поющъ еще скажѣ:

Тѣлькѣ одного нема —
 Вдѣвиного Ивана:
 Склáлась емú причина,
 Головоньку пробѣла —
 Поламáлись перезаы,
 Сѣль вáжучи ни воаы.

50.

Да идѣ чумакъ да дорогою,
 Мѣдь-вино кружае;
 Да оглянется да чумакъ набадь,
 Ажъ волѣвъ не мае.
 — Да бѣжи, хлопку, да бѣжи, малый,
 Давай панамъ знаци:
 Да нехай паны, да нехай воны
 Шляють волѣвъ шукаши! —
 Ой у Кіѣвѣ да на риночку
 У всѣ дзвѣны деволяшь. . .

Да оглянешся да чума́къ наза́дь,

Ажъ во́ликѡвъ го́няшь.

Да оглянешся да чума́къ наза́дь,

Ажъ во́ликѡвъ же́нушь;

А за во́лами да за во́зами

Бусурме́на ве́душь.

Да ве́душь, ве́душь да бусурме́на

На крупу́ моги́лу:

— Да дивись, дивись, да бусурме́не,

На свою́ кра́ину. —

„Да тепе́ръ менѣ; да ми́ли бра́тья,

Кра́ина не ми́ла:

Що ро́зсерди́вся мо́й опе́ць и ма́ши,

Ще и вѣ́рна дру́жина!“

51.

У по́ль крини́ченька, хо́лодна во́ди́ченька;

Тамъ чума́къ во́лѡвъ напова́е:

Во́лы реву́шь, во́ды не пью́шь, до́роженьку
чу́юшь.

„Бо-да́й же васъ, сѣ́ри во́лы, да до Крѣ́му не
зходи́ли!

Якъ вы менѣ мо́лодо́го навѣ́къ засму́шили ...“

Помѣ́ръ, помѣ́ръ чума́ченько въ недѣ́леньку
вра́нцѣ;

Похова́ли чума́ченька въ зе́ленѡмъ байра́цѣ.

Насыпали тумаченьку высоку могилу;
Посадили на могилъ червону палітку.

Прилетѣла вовуленька, да й спавѣла: ну-ну!
Подай, сыну, подай, брале, хочъ правую руку!

„Ой радъ-бы я, мой мамки, обь-двѣ подати;
Да налягла сыра земля, не можно подяпати!“

89010627362

b89010627362a

89010627362

b89010627362 a